

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ЛИНКОЛЬН
ЧАЙЛД

Страшно, атмосферно...
Фанаты «Секретных материалов»
будут в восторге.

Publishers Weekly

ВОЛЧЬЯ ЛУНА

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Annotation

Продолжение легендарного приключенческого цикла от автора бестселлеров New York Times. В недобрые времена историк Джереми Логан приехал в пансионат на территории знаменитого природного парка, чтобы завершить монографию о средневековой ереси. Странные убийства совершаются в его дебрях, и абсолютно неясно, кто мог напасть на жертв и так их растерзать: то ли медведь, то ли волки, то ли одержимый извращенной жестокостью человек. Ни одна версия не кажется подходящей. И только участвующий в расследовании лесной рейнджер Рэндалл Джессап знает, что его старый университетский друг Джереми не только историк, но и энигматолог, специалист по разгадыванию необъяснимых загадок в любых, даже самых трудных условиях. Его помощь в этом деле – единственная возможность выяснить правду...

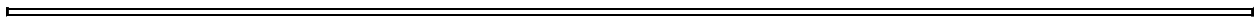
- [Линкольн Чайлд](#)

-
-
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)



Линкольн Чайлд

Волчья луна

Lincoln Child
Full Wolf Moon

© 2017 by Lincoln Child. This translation published by arrangement with Doubleday, an imprint of The Knopf Doubleday Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC

© Юркан М., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Э», 2018

* * *

Посвящается Веронике

«Волчье полнолуние» – так когда-то индейцы-алгонкины^[1] называли январское полнолуние, когда стаи оголодавших волков завывали около поселений коренных американцев.

1

Вечером в половине восьмого Палмер в очередной раз сделал привал, чтобы перекусить сухофруктами с орехами и питательным батончиком, достав запасы из кармана крышки своего рюкзака. Он проклинал те часы, когда не мог себе позволить настоящего ужина – горячего, пропаренного на титановой сковороде, – пока не находил хорошего места для палатки и ночлега.

Пережевывая протеиновый батончик, он неспешно обводил взглядом дремучие завалы и заросли. Изначально он понимал, что ему предстоит пройти по трудному маршруту, полагал, что хорошо знаком с этими краями,

однако оказался совершенно не подготовленным к сложностям сегодняшнего похода. «Похоже, все истории – правда», – мрачновато подумал он.

Это были вторые выходные июля, солнце как раз начало соскальзывать к западному горизонту, но он не мог до сих пор разглядеть Уединенную гору, находившуюся, возможно, всего в четырех милях к северу.

Возвышаясь там в одиночестве, она круто спускалась к зеркальной глади темно-синего озера, и его зеленые берега словно насмехались над ним своей кажущейся доступностью. Всего четыре мили птичьего полета на север, но для путника они могли обернуться сорока милями.

– Дерьмо, – проворчал он, запихивая обертку энергетического батончика обратно в карман и отправляясь дальше.

Вершина Уединенной горы достигала высоты всего трех с четвертью тысяч футов, что не позволило ей войти в состав сорока шести «признанных» высоких вершин горного массива Адирондак^[2]. Но при этом вертикальные подъемы и удаленность от других вершин делали ее достойной зарубки на его ремне. Однако самое привлекательное для наиболее настырных пеших туристов, любителей горных подъемов и студентов заключалось в ее удаленности от центра этого обширного природного массива. Гора располагалась в районе Уединенного озера, к западу от пяти знаменитых живописных озер – вероятно, в самой дикой и удаленной части этого паркового комплекса, раскинувшегося на шести миллионах акрах.

Удаленность не беспокоила Дэвида Палмера. Больше всего он как раз любил бродить по глухим лесам, где целыми днями не встретишь ни одного человеческого существа. Но вот подъем на эту гору на самом деле оказался чертовски трудным.

Начался поход вполне прилично. Оставив свой внедорожник под деревьями вершины Болдуин, откуда начиналась северная тропа, он прогулялся пять миль, спустившись по частной лесовозной дороге до самого ее конца. За сим последовали дебри перестойного леса, такого высокого, что под ним царили вечные сумерки, а мягкая почва отказывалась порождать молодую поросль.

Но потом он покинул живописный район Пятиозерья, дикие леса остались позади, и он вышел на подступы к Уединенному озеру. И тогда его быстрая, легкая походка внезапно замедлилась едва ли не до черепашьей скорости. Местность становилась все более уродливой и пустынной, но труднодоступной для передвижения. Глушь, тянувшаяся до той Уединенной горы, представляла собой своеобразный лабиринт ледниковых болот,

бурелома и котловин, вынуждавших путника следить за каждым шагом. Ни о какой тропе здесь, конечно, не могло быть и речи, тут не бродили даже животные, а в перекрещивающихся и извилистых ущельях ему зачастую приходилось полагаться только на свой навигатор. Не раз он соскальзывал с предательских едва различимых под лишайником камней. Слава богу, что он решил идти в своих высоких ботинках-вездеходах, иначе уже давно по меньшей мере мог вывихнуть себе лодыжку.

Через четверть мили Палмер опять остановился. Путь преградил бурелом, через который ему, очевидно, не удастся перелезть с тяжеленным рюкзаком за спиной. Тихо выругавшись, Палмер скинул с плеч рюкзак, протиснул его в самый большой просвет между стволами и сам пролез следом. Концы сухих веток врезались ему в ноги и руки, царапали лицо.

Преодолев завал, он опять закинул за спину рюкзак, тщательно подтянув все крепления. Сейчас, к вечеру, груз уже казался тяжеловатым, и ему хотелось убедиться, что все содержимое надежно закреплено.

Встряхнув рюкзак за плечами, он поудобнее пристроил его на спине. Несмотря на то что большинство походников в наши дни пользовались рюкзаками с внутренним каркасом, Палмер по-прежнему предпочитал конструкцию с внешней рамой. Он любил сложные походы и считал, что рюкзаки с внешней рамой не только легче равномерно упаковывать, но и тащить удобнее.

Солнце скрылось, и в лесу быстро темнело. Такая перемена ощутимо усугубила его положение, словно природное божество постепенно выключало и ближний, и дальний свет. На черное небо поднялась круглая луна, заливая пейзаж странным пятнистым и почти призрачным сиянием, однако Палмер не собирался доверять луне: ее неверный свет давал обманчивое представление, скрывая глубины карстовых воронок и оврагов, а сам он, пройдя трудный путь познания, научился не полагаться на случай. Он потянулся к закрепленному на ремне фонарю, вытащил и включил его.

Шел десятый час. Возобновив поход, он мысленно прикинул, что скорость его передвижения снизилась до полумили в час. Конечно, он не сдастся, дойдет до берега Уединенного озера и переночует там, разбив палатку. Но он доберется туда не раньше полуночи и к тому времени будет так измотан, что вряд ли предстоящее на следующий день восхождение доставит ему удовольствие. Нет: в этих парковых дебрях должно быть местечко, удобное место, достаточно ровное и свободное от завалов, чтобы ему удалось разместить там свою трехсезонную палатку и походную кухню. Горячая еда и мягкий спальный мешок начали представляться ему недостижимой роскошью.

Не в первый раз, осторожно продвигаясь вперед и освещая путь и округу лучом фонаря, он пожалел, что не остался в более цивилизованной части парка с Высокими вершинами. Правда, тропы там зачастую достигали ширины автострады, и приходилось постоянно сталкиваться с другими туристами, но по крайней мере, черт побери, вокруг стоял нормальный лес с полянами, вырубками и просеками, а не здешнее непредсказуемое дремучее буйство...

Он остановился перед колдовскими зарослями калины. Его так поглотило тщательное изучение предательских ям и оврагов, что он не сразу уловил странный запах в воздухе. Палмер принялся. Слабый, но вполне реальный запах: кисловатый, слегка мускусный; не такой, как у скунсов, но определенно неприятный.

Палмер высветил круг лучом фонаря, но ничего не обнаружил. Пожав плечами, он двинулся дальше.

Луна поднялась выше, залив Уединенную вершину своим играющим светом. Три мили остались позади. Черт, может, ему следовало попытаться в итоге просто расчистить путь к озеру в этих зарослях. С другой стороны, об этом можно подумать на обратном пути, и тогда...

И вот опять он: тот самый запах. Теперь он стал сильнее и противнее, напоминая какую-то звериную тухлятину.

И вновь Палмер остановился, пошарил вокруг лучом фонаря, на сей раз испытав укол тревоги. В его свете поблескивали чахлые стебли подлеска и беспорядочные нагромождения поваленных деревьев, ветвей и сучков. По контрасту с ярким кругом фонарного света лесная тьма выглядела жутко крошечной.

Палмер тряхнул головой. Зловещая заброшенность этого участка вдруг ужаснула его. За целый день он почти не видел животных, лишь промелькнул в кустах одинокий енот да пробежала парочка молодых лисиц. Да и то видел он их в начале пути в перестойном лесу. Ни одно животное крупнее мыши в здравом уме не стало бы жить в таких ужасных дебрях. И все же этот разочаровывающий поход должен закончиться рано или поздно. И тогда, наевшись до отвала мясного чили, он подложит под спальный мешок свой любимый надувной матрас и сможет...

Вонь с новой силой заявила о себе, став уже одуряюще смрадной, и вместе с ней лесную тишину взорвали мощные горловые звуки – отчасти рычание, отчасти ворчание. Они звучали злобно и хищно.

Не раздумывая ни секунды, Палмер бросился бежать. Он бежал так быстро, как позволял ему тяжелый рюкзак, освещая путь безумно метавшимся фонарем, пыхтя и задыхаясь, он перепрыгивал через упавшие

деревья и котловины, слыша, как все громче становятся за его спиной сопение и рычание.

Но вот нога неудачно зацепилась за торчащий корень; Палмер неуклюже повалился на землю; тяжесть, не имевшая ничего общего с его рюкзаком, внезапно придавила его – ужасная, раздирающая боль, какой он еще никогда не испытывал, разорвала ему лицо и шею, а жуткое зловонное дыхание окатило мощной волной, два новых взрыва дикой боли... и после них все заволкло красным туманом, быстро сменившимся полным мраком.

2

Три месяца спустя

С окраин Нью-Хейвена дорога вела на север в сторону Уотербери, затем на запад по изгибающемуся шоссе I-84 до того самого места, где она переходила в автостраду штата Нью-Йорк и после моста через Гудзон, соединявшего Ньюбург и Бекон, пересекалась с шоссе I-87 скоростной Нью-Йоркской автострады. Отсюда дорога становилась более прямой, она стремилась на север до самых подножий, где слева к ней подступали небольшие и лесистые Катскильские горы. По мере приближения к Олбани движение на трассе в этот пятничный день становилось все оживленнее. Посвободнее стало где-то в окрестностях Гленс-Фолс, когда все трейлеры и грузовики, перевозившие болиды «Формулы-1», свернули на трассу Уоткинс-глен. Поток машин поредел, несмотря на то что последнее время увеличилось число туристов и выезжавших на отдых с семьями.

С тех пор как Джереми Логан выехал на своем винтажном «Лотусе Элан» с берегов озера Лейк-Джордж в штате Нью-Йорк, он впервые свернул в зону отдыха рядом с дорогой и – несмотря на приближение вечера и зависшую чуть выше шестидесяти градусов^[3] температуру – остановился там достаточно надолго, чтобы опустить верх своего родстера.

Прошло пятнадцать лет с тех пор, как он последний раз отправился в такое путешествие, но этот заключительный участок по-прежнему оставался его любимым, и Логан исполнился решимости вволю насладиться им. С каждым оставленным позади городком – Поттерсвилль, Шрун-лейк, Норт-Гудзон – движение редело, а горы вокруг становились все выше, словно вырастая из-под земли. Темные громады Высоких пиков Адирондакского парка взмывали в небеса, гордые и непоколебимые, облаченные в свои октябрьские зеленовато-коричневые и золотисто-

красные оттенки, и в сравнении с этими вершинами Катскильские горы, мимо которых он проезжал три часа назад, казались пигмейскими холмами. Из-за ветрового стекла на него обрушивался поток приятного прохладного воздуха, насыщенного сосновым духом. Закатное солнце позолотило лысые вершины более высоких гор, а долины и седловины между ними – скрытые под густыми хвойными, буковыми и березовыми лесами – выглядели еще сумрачнее и таинственнее.

Адирондакское Северное шоссе I-87 – так назывался этот участок федеральной автострады – насколько ему помнилось, изобиловало рубцами и шрамами уплотнительного гудрона, и, задействовав толику воображения, он оживил картины того последнего путешествия, когда проезжал здесь: из стереосистемы тогда доносился приглушенный джаз Джона Колтрейна и Билла Эванса, а рядом с ним на пассажирском кресле сидела его жена, Карен. В приближении этих, казалось, становившихся все выше и грандиознее гор, в отсветах закатного зарева и стремительном наступлении ночи присутствовало нечто такое, видимо, неизменно совпадавшее с этим последним этапом шестичасовой езды из Коннектикута, отчего его пульс учащался и обострялся вкус к рискованным приключениям.

Логан никогда не считал себя фанатом отдыха на свежем воздухе – хотя в юности он неплохо ловил рыбу на искусственную приманку, приученный к рыбалке одним фанатичным пожилым рыболовом, и обычно ему удавалось пройти восемнадцать лунок в гольфе, набрав меньше трех десятков очков. Но у него начисто не хватало терпения к таким занятиям, как бег трусцой или марафонские дистанции, – подобная деятельность казалась парализующе тупой, ему сразу представлялась белка, без конца бегающая в пресловутом колесе. Но в первые годы его женитьбы в один из длинных за счет праздничного дня уик-эндов, другая пара – они тоже, как он, работали в Йельском университете старшими преподавателями и заодно являлись членами Аппалачского горного клуба – уговорила его и Кит подняться с ними на вершину горы Уайтфейс в Адирондаке, к северу от Лейк-Плэсида. Логан признал с оговорками, что только тогда испытал удовольствие от активного отдыха. Горный туризм мог быть на редкость увлекательным – выбор маршрута, нахождение нужных троп по меткам, наслаждение красотами меняющегося микроклимата по мере подъема, преодоление по-настоящему крутых участков... и в итоге прорыв и выход из лесного пояса и извилистых скальных нагромождений на самую вершину. Оттуда открывались поистине замечательные виды, но само покорение вершины дарило невыразимое вознаграждение. Нет, это не совсем верно, ведь завоевать или даже покорить горы невозможно – скорее это похоже на

достижение некоего согласия, взаимопонимания с ними. Такого никогда не испытываешь на беговой дорожке. После восхождения на Уайтфейс они с женой возвращались в Адирондак вновь и вновь несколько лет подряд, став скромными «покорителями вершин»: Алгонкин, Каскейд, Портер, Джаент и, разумеется, вершины Мэрсси – высотой в 1629 метров, самой высокой горы штата Нью-Йорк.

Позднее, однако, их карьеры – его преподавательская, а ее виолончельная – стали отнимать у них все больше времени. И все свои отпуска они путешествовали за границей, углубляя его научные исследования, или проводили неделю на Тэнглвудском музыкальном фестивале, где играла Карен, – и в результате трехдневные выходные среди Адирондакских гор остались далеко позади, так же как убежавшее сейчас назад Северное шоссе в зеркале заднего вида его родстера.

В Андервуде он свернул с федеральной трассы на Нью-Йоркскую и поехал по этой дороге, проложенной среди густых лесов, мимо бурных водных потоков, низвергающихся в каменистые ущелья. Он проехал по долине Кин-Вэлли и через сам город Кин, после чего направился прямо на запад к Лейк-Плэсиду и далее к поселку на берегах озера Саранак. Эти туристические базы немного разрослись со времени его последнего приезда, и на их окраинах стали заметнее следы, оставленные в лесах человеком, но эти перемены были едва уловимы, и он продолжал предаваться неотразимым воспоминаниям о последних путешествиях по здешним лесам.

– Знаешь, Кит, все сохранилось почти таким же, – сказал он, проезжая по заповедному парку, – таким же, как в нашем последнем путешествии, когда мы с тобой забрались на Скайлайт и едва не заблудились в тумане.

Зачастую он невольно ловил себя на том, что разговаривает с Кит, умершей от рака вот уже больше пяти лет назад. Естественно, он поступал так только в одиночестве, однако его разговор был менее односторонним, чем можно было ожидать.

Возле поселка на озере Саранак он свернул налево, туда, в направлении озера Таппер, вела трасса 3. Навстречу ему попала лишь одна случайная машина, мигнувшая фарами в сыром лесном воздухе. Логан еще не бывал в этой части парка и, учитывая сгустившиеся сумерки, сбросил скорость. Примерно миль через пять его фары высветили справа большие открытые ворота, прорезавшие густой хвойный лес. Ни на воротах, ни рядом с ними он не заметил никакого указателя, только большую металлическую эмблему: кучевые облака, отражавшиеся в волнистой озерной синеве.

Логан заехал в них, преодолел футов двести ухабистой, изрытой колеями грунтовой дороги, и внезапно лес расступился, освободив место большому открытому всем ветрам трехэтажному зданию из темно-коричневых бревен и грубо отесанных камней. Построенное в стиле швейцарских шале, оно темнело под массивной трехскатной крышей из кровельной дранки, а его тесно расположенные дымоходы тянулись вдоль конька почти до самых свесов. Второй и менее высокий третий этажи опоясывали балконы с плетеными перилами, и за рядом больших окон с красными рамами гостеприимно и маняще горело множество ламп и каминов.

Сюда, в эти самые «Облачные воды», Логан и ехал. Но этот пансионат не всегда был известен под таким названием. Шестьдесят лет назад он назывался «Домом дож-девой тени» и входил в число знаменитых «Больших резиденций», построенных богачами в конце XIX века на девственных озерных берегах в северной части штата Нью-Йорк и Новой Англии в качестве летних вилл. И «Дом дождевой тени» с его типичным для Адирондака сельским архитектурным стилем и огромной лодочной станцией, расположенной на берегу одноименного озера, считался самым знаменитым и роскошным.

Однако все это изменилось с 1954 года. С тех пор знаменитой резиденции предстояло служить не более чем обширным пансионатом летнего отдыха для богатейших семей Манхэттена. И Логан притащился из самого своего Коннектикута, чтобы воспользоваться всеми преимуществами нового назначения.

Проехав по дуговой подъездной аллее перед этим особняком, он оставил машину на парковке, вылез из салона, поднялся по ступеням – изрядно стертым и невероятно широким – и, пройдя мимо рядов фирменных белых кресел Адирондака, оказался в вестибюле. Там царила теплая и гостеприимная атмосфера, усиленная приглушенным светом, мягкими золотистыми красками мебели и слегка дымным ароматом горящих в камине поленьев. Глядя на отлично сохранившуюся, почти музейную обстановку, Логан испытал странно приятное ощущение мухи, нырнувшей в янтарь.

Прямо перед ним поблескивала стойка администрации из дерева коричневого оттенка, проглядывавшего, похоже, из-под пятидесяти слоев лакировки. При его приближении женщина средних лет подняла голову и улыбнулась.

– Я Джереми Логан, – сообщил он ей, – хочу зарегистрироваться.

– Минутку. – Женщина взглянула на планшетный компьютер, скрытый

в недрах стола, словно его, как некий анахронизм, следовало спрятать. – Так, есть. Доктор Логан? Вы пробудете у нас шесть недель.

– Верно.

– Отлично. – Она продолжила изучение каких-то компьютерных записей. – Доктор Джереми Логан? – уточнила она, и внезапно в ее глазах мелькнула искра узнавания, быстро подавленная. – Но тут сказано «историк».

– Да, историк. Помимо прочего.

Нерешительно помедлив, женщина кивнула и вновь уставилась на экран монитора.

– Насколько я понимаю, вам отвели хижину Томаса Коула^[4]. Забронировал сам мистер Хартсхорн. Этот коттедж обычно отводят музыкантам или художникам... а писатели и ученые всегда занимали номера здесь, в главном здании.

– Я не забуду поблагодарить его.

– Ваш домик находится сразу за лодочной станцией, не больше двух минут ходу. Я сразу покажу вам его, а потом вы сможете поставить свою машину на соответствующем участке и перенести свои вещи.

– Благодарю, вы очень любезны.

Повернувшись, она открыла застекленный шкафчик и сняла большой ключ с одного из нескольких дюжин латунных крючков. Старательно заперев шкаф с ключами и выйдя из-за стойки, она вновь одарила его дежурной улыбкой, опять вывела из главного здания и провела по плотно утрамбованной дорожке к ближайшей лесной тропе, освещенной двумя рядами фонарей в стекле, похожем на стекло Тиффани^[5]. Сосновый аромат был почти всепоглощающим. Примерно через каждые двадцать шагов от основной тропы ответвлялись боковые тропинки, ведущие то направо, то налево, с соответствующими резными указательными столбиками: Альберт Бирштадт, Томас Моран, Уильям Харт^[6].

Вскоре дежурный администратор свернула на последнюю тропку, надпись на столбике возле которой гласила: «Томас Коул». Там, чуть в глубине, полускрытый деревьями, виднелся двухэтажный коттедж в миссионерском стиле с очаровательной отделкой, однако, очевидно, современной постройки, с ошкуренным бревенчатым фасадом и фундаментом из обломков гранитных валунов.

Женщина вручила ему ключ.

– Уверена, что в коттедже вы найдете все, что вам может понадобиться, – сказала она и глянула на часы. – Уже почти восемь вечера.

Кухня закрывается в девять часов, поэтому вам, вероятно, лучше заселиться побыстрее.

– Благодарю вас, – ответил Логан.

Она улыбнулась и удалилась обратно по тропе. Оценив весомость ключа, Логан поднялся на крыльцо, открыл входную дверь и зашел в дом. Щелкнув выключателем при входе, он включил свет и быстро оценил обстановку: дощатый пол с широкими половицами, старинные ковры, современный рабочий столик с вращающимся креслом, встроенные книжные стенки и шкафы из красного дерева, огромный камин из природного камня и отдельно – винтовая лестница, поднимающаяся в спальню. За открытой дверью в дальней стене комнаты он заметил кухню, оборудованную плитой, микроволновкой и винным холодильником. Угождая художественному вкусу, обстановка, однако, весьма функционально сочетала в себе старину и современность.

Оглядываясь вокруг, Логан издал медленный удовлетворенный вздох.

– Знаешь, Кит, – сказал он, обращаясь к жене, – по-моему, это именно то, что нужно. И я предоставлен самому себе на целых шесть недель. Если я не смогу закончить мой опус здесь, то, полагаю, уже никогда его не закончу.

Затем, оставив свет включенным, он покинул коттедж, чтобы забрать багаж.

3

Спустя двадцать минут Логан вновь вышел из коттеджа и направился обратно по тропе с путеводными огоньками, освещавшими лесную дорожку, словно сказочные фонарики. Выйдя на широкую центральную лужайку, он приблизился к главному зданию и помедлил, восхищаясь красотой его конструкции. Оптимистическое чувство, посетившее его во время осмотра бунгало, только усилилось.

Пансионат «Облачные воды» облюбовали люди творческих профессий. Расположенный в самом сердце Адирондакского национального парка, этот пансионат в любое время предоставлял приют нескольким дюжинам художников, писателей и ученых, которые приезжали сюда на один или пару месяцев, намереваясь поработать над своими индивидуальными творческими проектами: будь то живопись, литература, наука или музыка. Каждому заезжавшему сюда творцу предоставлялся отдельный номер в главном здании или – в случае музыкантов и

художников – отдельные коттеджи, разбросанные по лесистой территории. Народ приезжал сюда не развлекаться, а работать, и жизнь в «Облачных водах» подчинялась правилам, способствующим творческому рабочему настрою. Здесь не предусматривалось время коктейлей, никакой организованной деятельности, за исключением редких вечерних лекций и показов некоммерческих фильмов по субботним вечерам. Гости в индивидуальные коттеджи допускались только по приглашению. Ланчи постояльцам подавались индивидуально в номера или коттеджи, а завтраки и ужины устраивали в столовой главного корпуса.

Поднявшись на крыльцо и войдя в здание, Логан заметил нескольких творцов, они приглушенно беседовали, бродя по этому грандиозному вестибюлю группами по два или три человека. Потолок поддерживали пары мощных изогнутых балок, поднимавшихся от противоположных стен и соединявшихся наверху, так что Логану представилось, будто он попал внутрь бортовых шпангоутов перевернутого корабля. Пространства между этими балками украшала удивительно затейливая резьба в виде переплетенных оленьих рогов. На стенах внушительно смотрелись головы медведей, оленей и лосей, очевидно, развешенные там много десятилетий тому назад, а между ними поблескивали блюда с призовыми рыбными уловами, старые фотографии этого парка и пейзажи художников Школы реки Гудзон.

Остановившись около одной компании и поинтересовавшись местонахождением столовой, Логан поблагодарил их и продолжил путь, когда вдруг услышал за спиной чей-то голос:

– Доктор Логан?

Обернувшись, он увидел высокого, довольно крупного мужчину лет семидесяти с небольшим, раздумавшимся лицом, обрамленным почти львиной гривой белоснежных волос. Он улыбнулся и протянул ему руку.

– Я Грег Хартсхорн.

– Приятно познакомиться, – пожав ему руку, ответил Логан.

Логан, разумеется, слышал о Грегори Харстхорне. Он был известным художником в стиле лирической абстракции, основавшим галерею в середине 60-х годов прошлого века в Нью-Йорке, где сделал состояние, продавая не только собственные абстракции, но и картины других художников. Лет тридцать спустя он несколько отошел от искусства, предпочтя стать управляющим в «Облачных водах».

– Я как раз направлялся на ужин, – добавил Логан.

– Надеюсь, вы сочтете его превосходным. Но перед трапезой не могли бы вы уделить мне минутку времени? – И, не дожидаясь ответа, Хартсхорн

увлек Логана за собой через вестибюль к неприметной двери и завел в уютный кабинет, чьи стены заполняли эскизы, акварели и ксилографии, среди которых, как заметил Логан, не наблюдалось ни одной собственной работы Харстхорна.

– Устраивайтесь поудобнее, – сказал Харстхорн, жестом предложив Логану занять место на диване перед его заваленным бумагами письменным столом.

– Неужели вы совершенно отказались от творчества? – спросил Логан, кивнув на увешанные картинами стены.

– Нет, я по-прежнему время от времени делаю свои странные эскизы, – усмехнувшись, ответил управляющий, – но они никак не желают дозревать до законченных картин. Поразительно, в сущности, как много времени пожирает административная работа в таком местечке, как «Облачные воды».

Логан кивнул. Он догадывался, о чем Харстхорну понадобилось поговорить с ним, но решил предоставить высказаться самому управляющему.

Харстхорн занял место за письменным столом, положил руки на поцарапанную деревянную столешницу и, сплетя пальцы, подался вперед.

– Буду краток, Джереми... могу я называть вас просто Джереми?

– Пожалуйста, как вам удобнее.

– Из вашего резюме мне известно, что вы преподаете историю в Йеле. Я также знаю, что вы зарегистрировались у нас как историк. Однако... в общем, с недавних лет, очевидно, вы стали более знамениты, скажем так, своими особыми сенсационными занятиями.

Логан хранил молчание.

– Мне просто... без всякого праздного любопытства, понимаете – интересно, как вы планировали проводить время здесь, в «Облачных водах».

– Вы подразумеваете, не собираюсь ли я увлечься тут чем-то сенсационным?

Харстхорн рассмеялся с легким смущением.

– Грубо говоря, да. Как вам известно, при всем своем природном очаровании «Облачные воды» располагают к творческим трудам. Получая гранты или платя изрядные суммы денег, люди приезжают сюда исключительно ради поиска вдохновения в наиболее спокойной по возможности обстановке. Я предпочитаю думать о проводимом здесь времени как о своего рода роскошном монашеском отшельничестве.

Логан уже собирался поблагодарить управляющего за предоставление

ему коттеджа Томаса Коула. Сейчас, однако, он осознал, что это не было проявлением необычайной щедрости – его просто решили изолировать от множества обитателей «Облачных вод».

– Если вас беспокоит, не начнут ли зомби бродить по этой округе или призраки греметь по ночам своими цепями, то вам нечего бояться, – ответил он.

– Какое облегчение. Но, признаться, меня больше беспокоили съемочные группы и журналисты.

– Если они сюда и заявятся, то не по мою душу, – возразил Логан, – я прибыл сюда именно в том качестве, что указал в заявлении. Много лет я пытаюсь завершить монографию о средневековой ереси. Но этому препятствуют как основная работа, так и разные побочные проекты. Надеюсь, что мирный покой «Облачных вод», обеспечив мне необходимую сосредоточенность, позволит доделать сей труд и поставить завершающую точку.

Напряжение сплетенных пальцев Хартсхорна явно слегка ослабло.

– Благодарю за откровенность. Честно говоря, ваша заявка на пребывание в нашем пансионате стала предметом дискуссии на совете директоров. Я выступил в вашу пользу. И рад слышать, что мне не придется сожалеть о своем выступлении.

Логан кивнул.

– Но, во всяком случае, вы можете понять мои опасения. К примеру, вы знакомы с Рэндаллом Джессапом?

– Рэндаллом Джессапом? – Логан задумался. – Когда-то в Йеле я дружил с человеком, носившим такое имя.

– В общем, теперь он служит лейтенантом рейнджеров в Нью-Йоркском отделении охраны лесов. И он заглядывал к нам сюда сегодня днем, интересовался, когда мы ожидаем вашего прибытия.

– А как он вообще узнал, что я собираюсь приехать в «Облачные воды»? Я давно не общался с ним.

– Как раз это меня и беспокоит. Я не представляю, как он пронюхал об этом. Хотя ваше прибытие в «Облачные воды» проходит под рубрикой «местные новости». При всей своей обширности Адирондакский парк в определенном смысле склонен оставаться небольшим людским сообществом. Должно быть, кто-то из нашего персонала узнал ваше имя, рассказал приятелю, и вот эта новость пошла гулять по парку... Вы же знаете, как разлетаются слухи.

Логан знал.

– Но в любом случае давайте оставим в покое эту тему. Я убедился,

что вы прибыли сюда как ученый-историк, и желаю вам успешного завершения монографии. Дайте мне знать, если у вас появятся какие-то пожелания для более комфортной работы. Итак, более я вас не задерживаю. Кухня скоро закроется.

Хартсхорн вышел из-за стола, и они вновь обменялись рукопожатием.

4

Столовая, как и ожидал Логан, напоминала те, в которых он питался, когда приезжал раньше отдыхать на известные турбазы Адирондака: обстановка полностью соответствовала миссионерскому стилю и дополнялась японскими ширмами, светильниками с берестяными плетеными абажурами, выставочными витринами, изобиловавшими оригинальными жеодами и древними индейскими артефактами, а также камином, сложенным из тесаного камня, достаточно большим для приготовления в нем целой лошадиной туши. Столовой удавалось производить впечатление как сельской простоты, так и богатой изысканности. Озабоченный тем, что сказал ему Хартсхорн, Логан выбрал неприметный столик в дальнем углу, поймав на себе лишь несколько любопытных взглядов. Еда оказалась превосходной – тушеные ребрышки и маринованный дикий лук он запивал превосходным красным вином «Шатонеф-дю-Пап» – правда, из-за запоздалого прихода обслуживали его весьма поспешно, однако только около десяти часов он вышел обратно через вестибюль на открытую прогулочную площадку. Он постоял там немного, восхищенно глядя на звездный небесный купол, прислушался к шелесту ветвей и плеску волн в озере, чьи воды поблескивали за обширным ковром газона.

Пока Логан наслаждался природой, человек, сидевший на одном из кресел, обрамлявших площадку, взволнованно произнес:

– Джереми?

Оглянувшись на этот призыв, Логан увидел, как, поднявшись с кресла, к нему приближается мужчина с кожаным ранцем в руке. Когда человек вышел на освещенную часть площадки, Джереми слегка запоздало испытал потрясение, узнав старого приятеля.

– Рэндалл!

Мужчина улыбнулся и пожал Логану руку.

– Рад, что ты еще узнаешь меня.

– Ты почти не изменился.

И действительно, хотя Логан не видел друга два десятка лет, Рэндалл Джессап выглядел почти так же, как во времена студенчества в Йеле. Слегка поредела, возможно, рыжевато-каштановая шевелюра, да загорелое лицо с появившимися в уголках глаз морщинками явно свидетельствовало, что его обладатель много времени проводит на природе, однако от всей этой высокой и стройной мускулистой фигуры исходило почти осязаемое ощущение молодости, а в глазах горело извечное выражение задумчивой озабоченности.

– Мне сообщили, что ты заходил сюда, но не захотели выдать, где именно ты остановился, – пояснил Джессап.

Он был одет в оливковые рубашку и брюки, экипирован, как лесной рейнджер, песочного цвета шляпой с полями военного образца и широким поясом с кобурой.

– Соизволили только признать, что ты будешь жить в одном из здешних домиков, – добавил он, – служба безопасности здесь строга как в Кэмп-Дэвиде^[7].

– Да, я поселился тут рядышком. Пошли... сможем нормально поболтать в моей берлоге.

Логан прошел по газону и свернул на дорожку к своему дому. Открыв дверь, он отступил в сторону, сделав Джессапу приглашающий жест.

– Славное местечко, – признал Джессап, сумев сразу оценить обстановку благодаря оставленному Логаном освещению.

«Роскошная монашеская обитель», – подумал Логан.

– Я еще не успел распаковаться, поэтому понятия не имею, какие здесь есть припасы. Хотя сам предусмотрительно захватил с собой бутылку водки. Выпьешь со мной по стаканчику?

– С удовольствием, – откликнулся Джессап, положив ранец на пол.

Покопавшись в своем багаже, сложенном у подножия лестницы, Джереми извлек бутылку «Бельведера» и, пройдя на кухню, заглянул в буфет, быстро обнаружил там пару граненых стаканов, бросил в них по горсти льда из морозилки и плеснул в каждый водки на пару пальцев. Вернувшись из кухни, он вручил один стакан Джессапу, распахнул окно, и они вдвоем удобно устроились в одном из углов гостиной на угловом кожаном диване. Рядом стоял торшер с абажуром, сделанным из расписной бересты, и Логан, потянув за его цепочку, обнаружил, что лужица рыжевато-коричневого света залила их угол комнаты.

Пока они потягивали выпивку, Логан углубился в воспоминания о Джессапе. На предпоследнем курсе обучения в Йеле они довольно близко сошлись, Логан тогда специализировался на истории, а Джессап изучал

философию – и относился к собственной персоне, как это часто бывает с перспективными философами, весьма серьезно. В тот год он открыл для себя особую группу писателей – Торо, Эмерсона, Октавия Брукса Фронтингама – и глубоко увлекся трансцендентализмом^[8]. Часть выпускного курса он провел вне стен университета, работая на берегах Юкона над какой-то исключительной программой. Они потеряли связь, когда Джессап перешел на факультет лесного хозяйства и экологических исследований.

– Расскажи немного о себе, – предложил Логан. – Ты женат?

– Да. У меня двое ребят: Фрэнклину двенадцать, а Ханне – девять.

Логан мысленно ухмыльнулся. Даже дети, похоже, названы в честь философов^[9].

– А ты? – спросил Джессап.

– Был.

– Развелся?

– Нет, – Логан покачал головой, – она умерла несколько лет назад.

– О, боже. Извини.

– Все нормально. – Логан кивнул на экипировку друга. – Догадываюсь, что ты приобщился к лесу. Подальше от безумной толпы и прочих безумств цивилизации. Ты начал работать здесь сразу после Йеля?

– Нет, – Джессап снял шляпу и положил ее на диван между ними, – год-другой я скитался по миру... Индия, Тибет, Бирма, Бразилия, Непал. Вволю побродил по лесам, покорил много горных вершин. Много читал, много размышлял. Потом вернулся домой. Знаешь, я же вырос в этих краях, милях в пятидесяти отсюда, в Платтсбурге. Лет шесть я проводил лето на здешней турбазе около озера Таппер и успел довольно прилично узнать весь Адирондакский парк. Поэтому я и устроился сюда в команду лесных рейнджеров. – Он выдал шутливую самоуничижительную улыбочку.

– И ты дослужился до лейтенанта, по крайней мере так я слышал.

– Звучит более солидно, чем есть на самом деле. – Джессап рассмеялся. – По существу, я прошел всего лишь полпути по иерархической лестнице к тотемному столбу. Формально я присматриваю за порядком на участке Пять А – Пятой зоны. Под моим началом служат шесть рейнджеров. – Он помедлил. – Догадываюсь, о чем ты думаешь. Мне следовало бы уже дослужиться до капитана. Seriously, ведь я здесь околачиваюсь уже пятнадцать лет. Конечно, мне предлагали... Но я просто не хочу протирать штаны в кабинете. Мы живем на природе рядом с озером Саранак, входящим в мою юрисдикцию. Я сам построил себе дом. Здесь не

нужно много денег, чтобы хорошо жить, Сюзанна и дети счастливы.

Логан понимающе кивнул. Похоже, Джессап не изменился, остался таким же самоуверенным и самодостаточным, как в студенческие времена.

Он понял, что у старого друга есть что-то на уме – сам факт того, что он дважды сегодня зашел повидать его, говорил о многом. Логан обладал даром проникновения в чувства людей и обладал интуитивным чутьем, когда надо воспользоваться этим даром, позволить себе почувствовать в большей или меньшей степени эмоции и мысли своего собеседника. Пока он предпочел не применять свои способности; он знал, что Джессап сам выскажется, когда будет готов.

Поэтому, спокойно сделав очередной глоток выпивки, Джереми спросил:

– Как же мы вообще подружились? Не могу вспомнить.

– До того как стать друзьями, мы схлестнулись как соперники. Энн Брэнниган... помнишь ее?

– Нет... Ах, да... У нее еще на рюкзаке были нашиты луна и звезда, и она стала веганом задолго до того, как вообще изобрели это прозвище.

– Точно. – Джессап опять рассмеялся и глотнул водки. – А ты, значит, осел в Йеле.

– Да, после защиты докторской в колледже Магдалины в Оксфорде. Провел несколько лет в своих собственных скитаниях по миру, но не заглядывал в такие экзотические места, как Непал или Бирма, – в основном торчал в старых библиотеках, в монастырях и церквях Англии и континента. Вернувшись в Йель, я начал вести коллоквиум на тему «Черной смерти»^[10], поскольку заболел профессор, который собирался вести его. – Он пожал плечами. – Мне не оставили выбора.

– А я слышал нечто другое, – тихо произнес Джессап.

– Ты имеешь в виду мое аховое хобби?

Джессап кивнул.

– Согласен, странное хобби. Из-за него моя физиономия то и дело попадает в газеты.

Джессап опять кивнул.

– Ты ведь увлекался этим еще в Йеле. Я помню наш выпускной курс, когда ты доказал, что привидение, якобы посещавшее Сэйбрукский университет, было просто тайной традицией, передаваемой от одного посвященного аспиранта другому избраннику. – Помедлив, он добавил: – Пару лет назад я ознакомился с твоей биографией в «Пипл».

– Да уж, они поместили там ужасную фотографию. На ней я выгляжу настоящим толстяком.

– Ты сам назвал себя своего рода...

– Энигматологом. На самом деле кто-то предложил мне такой термин, но он, видимо, прижился.

– Да, я помню его описание в той статье. Там говорилось, что ты изучаешь явления, не имеющие нормальных научных объяснений: исследуешь странное и необъяснимое, доказываешь реальные истоки того, что большинство людей склонны называть мистическим или сверхъестественным.

– Или опровергаю ту же мистику... как в случае с Сэйбрукским призраком.

– Верно. – Джессап нерешительно помедлил, казалось, набираясь решимости. – Слушай, Джереми... ты, вероятно, догадался, что я заявился к тебе не просто ради возобновления старой дружбы.

– Мне, разумеется, приятно вновь видеть тебя, однако, ты прав, такая мысль приходила мне в голову.

– В общем, ты не против, если я поделюсь с тобой одной историей? Только между нами... по крайней мере до поры до времени.

– Конечно.

– Могу я сначала попросить добавки? – спросил Джессап, погремев льдом в опустевшем стакане.

– Виноват, моя оплошность.

Забрав его стакан в кухню, Логан плеснул на лед еще порцию водки и, вернувшись, отдал обратно Джессапу. Рейнджер сделал глоток, чуть помедлил, окинув взглядом комнату, и, глубоко вздохнув, начал говорить.

– За последние три месяца в нашей округе совершено два преступления, – сообщил Джессап, – убили двух туристов, любителей пеших походов.

Логан молчал, ожидая продолжения.

– Между этими убийствами обнаружилось много сходства. Оба мужчины были молоды, в отличной форме и хорошо знали опасные тропы и проблемные парковые зоны. И оба они являлись членами Адирондакского клуба покорителей «Сорока шести вершин».

Логан понимающе кивнул. Членом этого клуба мог стать только человек, забравшийся на все сорок шесть самых высоких вершин Адирондакского горного массива, чьи высоты превосходили четыре тысячи

футов. Условия вступления также включали подъем на горы как с проложенными туристическими тропами, так без оных, и, кроме того, как ему помнилось, хотя бы одно зимнее восхождение. Много лет назад они с Кит питали надежды вступить в этот элитный клуб, пока реальная жизнь не помешала их походам.

– Оба варварски, зверски растерзаны, – продолжил Джессап, – обоих убили примерно в одном удаленном районе – и с обоими это случилось во время полнолуния.

– В каком именно удаленном районе?

– К западу от дебрей Пятиозерья. – Джессап умолк, и тишину заполнили звуки, доносившиеся из открытого окна, – шелест листьев, встревоженных порывом заблудшего ветра, и уханье совы.

– Эти упорные походники принадлежат к особому племени, – пояснил Джессап, – никакие подвиги или сложнейшие восхождения не способны унять их стремления к новым вершинам. Поэтому, освоив все сорок шесть известных вершин, некоторые из горных фанатиков продолжают бросать вызов множеству других гор. Излюбленными всегда оставались три вершины. – Он вытащил из нагрудного кармана дневник в кожаном переплете, пролистал его и, остановившись на одной страничке, пробежал ее взглядом. – Их очевидный выбор представляет гора Лавин под номером шестьдесят три – сравнимая с высочайшими и наиболее знаменитая. Также гора Северной реки под номером пятьдесят шесть – всего лишь скромные четыре тысячи футов, то бишь чуть больше тысячи двухсот метров, но на нее многие стремятся, зная, что на нее забирался наш известный геолог Эбенизер Эммонс сразу после своего знаменитого восхождения 1836 года на гору Уайтфэйс. Однако большинство упорно стремятся покорить Уединенную гору, ее высота лишь всего около тысячи футов, она даже не входит в список клубных вершин. – Он убрал дневник. – Но ее покорением можно гордиться, и привлекательность ее заключается как раз в ее удаленности. Район Уединенного озера является, вероятно, наиболее изолированным и диким во всем парке – превосходя в этом качестве и расположенные в глуши Серебряное озеро и озеро Уилкокса. Но помимо дикости и удаленности для пешего туризма тамошние леса на редкость труднодоступны... никаких приемлемых дорог, мало озер со стоянками катеров, склоны там завалены деревьями, изобилуют ледниковыми болотами и всевозможными другими опасностями. Неопытного туриста вряд ли заинтересует такой поход, ему практически не преодолеть тамошние трудности. Само восхождение не представляет сложности. – Он покачал головой и рассмеялся с почти ощутимой горечью. – Именно

поэтому среди адирондакской горной элиты эта гора известна под названием «Злосчастливая сорок седьмая».

Короткая усмешка замерла в горле Джессапа.

– Обоих туристов обнаружили в окрестностях этой самой Злосчастной горы. Как ты можешь представить, те края посещаются редко, поэтому ко времени обнаружения их трупы успели сильно разложиться. В итоге вскрытия не дали убедительных результатов, но, учитывая зверские повреждения трупов, вину в обоих случаях возложили на бешеного медведя.

– Мы старались сохранить подробности этой истории в тайне, – заметил Джессап, опять глотнув водки. – В таких местах, как ваши «Облачные воды», к примеру, подобного рода известность нужна, как собаке пятая нога. Но слухи имеют тенденцию распространяться, и местные уже все знают.

– Печальная история, – задумчиво произнес Логан, – но почему тебе понадобилось так срочно посвящать в нее меня?

– Я упомянул тебе о формальном заключении вскрытия, – помедлив, пояснил Джессап, – но фактически некоторые из наших рейнджеров совсем не уверены в его правильности. Барibalы – единственный вид медведей в этом парке – малочисленны и не отличаются свирепостью. Даже одна жертва стала бы уникальной редкостью, но две... – Его голос сошел на нет.

– Известно много случаев внезапной агрессивности диких зверей по отношению к человеку, – заметил Логан. – Вспомни историю со львами-людоедами в Кении.

– Да я понимаю. И сам пытаюсь убедить себя в том же. Но как ты помнишь, в детстве я провел в этих горах много времени. И слышал тогда свою долю местных слухов и легенд. Большинство наезжающих в парк туристов прикипели к окультуренным зонам типа Лейк-Плэсид. К цивилизованным и многолюдным. Им неизвестно, что за этими турбазами раскинулись миллионы парковых акров – куда и доехать-то невозможно, – совершенно диких в своей первозданности. До сих пор есть такие леса, где еще не ступала нога человека, не разносилось эхо ударов топора.

– Ты говоришь как истинный философ, – мягко заметил Логан, пытаясь разрядить напряжение и вызвав в ответ смущенную усмешку Джессапа. – Полагаю, ты отправил поисковые группы в те края, где обнаружили эти тела, чтобы поискать бешеную зверюгу?

– Сделали одну небольшую вылазку. Никаких следов.

– В любом случае тебя не удовлетворила, видимо, официальная версия.

– Я не уверен, что вообще смогу согласиться с ней, – быстро откликнулся Джессап.

– Но ты думаешь, что у этой истории может быть продолжение. Что могут появиться новые жертвы.

– Знаешь, что говорил Эмерсон? «Природа и книги принадлежат глазам, которые способны увидеть их».

– Я помню, что на последнем курсе ты увлекся Эмерсоном. Но что это дает мне? Я же не Натти Бампо, он же Ястребиный Глаз, он же Зверобой. Последний пеший поход я совершил по Ньюпортской скалистой тропе, что и походом-то трудно назвать, скорее прогулкой.

– Здесь нужны способности иного рода. Не знаю толком причины, но странные обстоятельства этих смертей... я просто чувствую, что в них есть нечто извращенное, *инаковое*. И я говорю это как человек, много лет патрулировавший здешние леса. Однако, возможно, я излишне пристрастен и как рейнджер, и как местный житель. Мне нужен человек с твоей объективностью... и с твоими... э-э... необычными способностями.

«Вот и дошли до сути», – подумал Логан, испытывая смятение. Он, разумеется, ни за что не признается в этом своему старому другу, но прямо сейчас он меньше всего нуждался в таких осложнениях. Ему и так будет трудно сосредоточить все свои умственные усилия на завершении монографии... но во что же они выльются, если ему придется слоняться по этому обширному парку с расплывчатым заданием, недоступным его способностям?

– Послушай, Рэндалл, я понимаю твою озабоченность, – начал он, – и будь я на твоём месте, то чувствовал бы то же самое...

– Нет, ты не понял, – перебил его Джессап с легким оттенком настойчивости в голосе. – Я не чувствую ответственности за эти смерти – многие районы этого парка настолько удалены, что мы даже не пытаемся патрулировать их. Я просто чувствую, что, попросив тебя слегка ознакомиться с обстоятельствами этих смертей... в общем, я проявил бы должную осмотрительность. И сознавая это, смог бы спокойнее спать по ночам.

– Так говоришь, что почувствовал что-то извращенное, *инаковое*. Что именно?

– Не знаю. Если бы знал, то мне не пришлось бы спрашивать твоего совета. Я просто не могу отделаться от предчувствия, что опять произойдет нечто ужасное... и скоро.

– Буду рад помочь, – сказал Логан, – но пока не понимаю, какого рода оценку могу предложить. Я же не патологоанатом. И не заядлый следопыт.

Фактически я приехал сюда, чтобы закончить один труд, над которым корпел уже почти два года.

– Просто загляни в Пиковую ложбину, – прервал его Джессап. – В качестве личного одолжения, ради меня. Это поселение ближайшее к месту тех убийств. Съезди туда завтра, поспрашивай местных – не афишируя своего интереса, разумеется, – а потом мы вместе поужинаем. Познакомишься с моей женой и детьми. И тогда, если ты не захочешь заниматься этим дальше, мы не будем больше говорить об этом деле.

– Я... – начал Логан, но недоговорил. Его друг, несомненно, серьезно встревожен. И возражать дальше, видимо, бессмысленно. И, глубоко вздохнув, он согласился: – Ладно. Но твоей жене лучше бы оказаться хорошей кулинаркой.

Джессап вновь улыбнулся, на сей раз с явным облегчением.

– Не думаю, что у тебя появится повод пожалеть. – Он поднял с пола свой кожаный ранец, вытащил из него две толстые желтоватые папки и протянул их Логану. – Здесь копии из судебного архива. Просмотри их при случае. Но держи при себе. Наш парк похож на лоскутное одеяло перекрывающихся юрисдикций. Учитывая, что множество малых сообществ вообще не имеют своих отделений полиции, расследованием таких серьезных преступлений, как изнасилование или убийство – хотя они бывают здесь редко, – руководит полиция штата. Правда, я сам служу в отделе охраны и уполномочен утверждать все правила внутреннего распорядка, но я не имею права по своему выбору привлекать любителей к расследованию.

– Здорово. Значит, ты хочешь тайно поручить мне расследование?

– Уверен, что это не первая работа в твоей жизни, требующая проницательности и осмотрительности. Насколько я понимаю, твой допуск к секретным расследованиям имеет открытую дату.

– Я не подряжался на эту работу, помнишь? Но ты прав. Давай мне твой адрес, назначай время завтрашнего ужина, и я найду тебя там.

Джессап опять вытащил свой потрепанный ежедневник, нацарапал пару строк на листочке, вырвал его и вручил Логану.

– Семь вечера тебя устроит?

Увидев, что Логан кивнул, Джессап встал.

– Тогда, пожалуй, пора позволить тебе распаковаться. Спасибо, Джереми. Я понимаю, что обременил тебя. Но я не стал бы просить, если бы не считал это важным. – Его взгляд скользнул по архивным папкам.

– Удачи. Увидимся завтра.

Джессап, казалось, собирался что-то добавить. Но передумал, просто

кивнул, взял свой опустевший ранец, потряс Логану руку, нахлобучил свою рейнджерскую шляпу на голову и вышел из коттеджа в вечернюю тьму.

На следующее утро Логан рано позавтракал в главном здании, сел в свой родстер и выехал с территории «Облачных вод». Он уже пожалел, что пообещал Джессапу изучить обстоятельства этих убийств; в расхолаживающем дневном свете Джереми еще больше уверился в том, что ничего не сможет добавить к официальному расследованию, а его лэптоп, книги и записи, оставшиеся на рабочем столике в гостиной коттеджа, молчаливо осуждали его за то, что он отлынивал от запланированной работы. Однако сегодня вечером ему придется отужинать с семьей Джессапа; это представлялось наилучшим завершением для поверхностной оценочной попытки – опять же Рэндалл просил его о личной услуге, – после которой он сможет сообщить ему о безуспешных усилиях и спокойно займется тем, ради чего приехал сюда.

Поэтому, выехав на шоссе 3, он повел свою машину на запад между крутых склонов возвышающихся гор и вдоль берегов бурных потоков. Ему вдруг пришло в голову, что он еще никогда не заезжал так глубоко в этот парк. До поселка Пиковой ложбины придется проехать около сорока миль, и чем дальше он ехал, тем меньше становилось вокруг привычных стоянок или турбаз. Первыми остались позади летние стоянки с фальшивыми индейскими названиями и деревянные столбики указателей, неизменно красовавшиеся на берегах озер. Следом исчезли привлекающие туристов лавки древностей, торговавшие хвостами рыси, наконечниками стрел и прочими лесными сувенирами. Далее начали исчезать даже заведения, построенные для местного населения: заправки, ремонтные мастерские для вездеходов и мотосаней, выезды на частные лесовозные дороги. Миновав Севей, он свернул с шоссе 3 на узкую трассу 3А, уводившую все дальше на запад, к таким густым сосновым лесам, что их ветви сплетались над дорогой, образуя своеобразный туннель, где царили вечные сумерки. Воздух становился все более сырым и влажным. Эта дорога давно требовала ремонта, ее щебеночно-асфальтовое покрытие изобиловало такими трещинами и дырами, что местами проглядывала голая земля. Встречные автомобили попадались редко. Постепенно, один за другим, исчезли все показатели уровня приема на экранчике его мобильного телефона, и Логан начал испытывать смутное беспокойство: если вдруг

что-то случится с его винтажным родстером, то вряд ли и через сотню миль найдется механик, способный починить этот «Лотус Элан S4», не говоря уже о запасных частях для такого спортивного автомобиля полувековой давности.

Но его беспокойство подпитывалось и другим мрачным предчувствием, порождаемым... самим лесом. Он производил впечатление какой-то доисторической древности; Логану казалось, что в любой момент, съехав на обочину и зайдя в этот лес, уже через несколько минут он попадет туда – если сразу не заблудится, – где не ступала нога человека. Тревожное состояние усугублялось полным отсутствием признаков людского жилья. Логан чувствовал себя здесь чужаком, почти шпионом: к такому ничтожному, мелкому шпиону, возможно, отнесутся толерантно, но вряд ли окажут помощь или содействие. Ему вспомнились строки из английской мистической повести о похождениях охотников в канадской глуши: «Гнетущее величие этих далеких и необитаемых лесов породило в нем ошеломляющее ощущение собственной ничтожности. Непокоримая суровость глухих дебрей, описание которых требовало лишь таких определений, как безжалостные и ужасающие, исходила от того дальнего голубоватого лесного массива, что заявлял о себе, туманно вздымаясь на горизонте. Он понял это молчаливое предостережение. Осознал полнейшую собственную беспомощность...»^[11]

После неожиданного поворота дороги перед ним открылся вид на Пиковую ложбину: к северу от дороги ЗА тянулась единственная улица, где проживали, согласно выцветшему дорожному указателю, восемь сотен человек; со всех сторон это поселение окружали поднимавшиеся по склонам темные леса, так что само оно казалось встроенным в перевернутую полусферу сувенирного Снежного шара. Здесь появились по крайней мере некоторые признаки цивилизации: магазины, дома, закусочная, их фасады сгрудились возле самой дороги, словно эти заведения цеплялись за нее, как за спасительный пояс. Медленно проезжая по улице, Логан заметил один случайный любопытный взгляд, брошенный на его родстер. Туристов здесь точно не обслуживали, о чем ясно свидетельствовал обветшалый и небогатый вид многих домов. Местами от главной улицы ответвлялись узкие дороги, неизбежно заканчивающиеся около скопления унылых строений, с трудом сдерживающих натиск обступившего их леса. Он глянул через плечо в южную сторону, туда, где за домами высилась нерушимая лесная стена. В нескольких милях отсюда, как он знал, находился район Девственного Пятиозерья. А за ним Уединенное озеро... и места двух убийств.

Он объехал поселок по кругу – поездка заняла меньше десяти минут – и, вернувшись к дороге, заглушил мотор, прикидывая, как лучше действовать дальше. Ему частенько приходилось выполнять такие задания – приезжать в незнакомые поселения с целью получения сведений у местных жителей, которые далеко не всегда пылали желанием общаться, – и он уже придумал для себя некоторое количество ролей, способных помочь ему достичь цели. Подумав, он отверг роль туриста – туристу незачем задавать те вопросы, которые необходимо выяснить ему. Он также отверг идею прикинуться потенциальным покупателем дома: такая роль выглядела бы не слишком правдоподобно и, кроме того, вряд ли кто-то станет говорить о каких-то неприятностях с человеком, способным вложить деньги в их поселок. В итоге он решил сыграть роль фотографа-натуралиста. Это даст ему не только правдоподобный мотив для приезда в такую глушь, но и повод задать множество вопросов под предлогом поиска живописных пейзажей для съемки. И фотографа вряд ли напугают слухи о преступлениях: по существу, они могут даже возбудить его профессиональную любознательность.

Он открыл бардачок, достал оттуда пару больших очков в черепаховой оправе и нацепил их на нос, просто чтобы избежать случайного узнавания. Потом вылез из машины, открыл багажник и, порывшись в маскировочном реквизите, выбрал наконец уместный для фотографа выцветший жилет и зеркальную фотокамеру с телеобъективом: эта купленная по дешёвке фотокамера была безнадежно сломана, но производила отличное впечатление в качестве реквизита. Натянув жилет, он перекинул через плечо ремень фотокамеры и почувствовал себя готовым к прогулке по главной улице.

На территории Пиковой ложбины не было полицейского подразделения, поэтому Логану пришлось довольствоваться разговорами с владельцами разных общественных заведений. Для начала он заглянул в парикмахерскую, где без всякой необходимости постригся у парня по имени Сэм, который, как оказалось, жил здесь только ради того, чтобы рыбачить с удочкой на реке Осейбл. Далее он посетил единственную в поселке закусочную, где заказал ранний ланч, принесенный словоохотливой официанткой. Затем зашел в галантерейный магазин, где после длительной беседы с владельцем приобрел пару носков, чем смог по крайней мере оправдать свое посещение, поскольку (по словам галантерейщика) прогноз предсказывал внезапное похолодание.

Каждый разговор обеспечивал его новыми сведениями, которые он мог использовать в последующих заведениях для получения дополнительной

информации. Жителей, очевидно, беспокоили недавние убийства, но они, судя по всему, не особенно осторожничали, обсуждая их. И чем больше он узнавал о самом поселке и его окрестностях, тем легче выдавал себя за сведущего путешественника и тем охотнее люди откровенничали с ним. После каждого общения он вытаскивал блокнот, записывал то, что узнал, отмечая совпадения и различия.

Одно сообщение, в частности, всплывало практически в каждом разговоре.

Наконец около половины четвертого он забрел в «Уголок Фреда», маленький бар в дальнем конце улицы. В баре, как он и надеялся, кроме Фреда, никого не было. Логан заказал пиво, предположив, что такой напиток он сможет потягивать достаточно долго, вовлекая бармена в разговор. Пиво продавалось исключительно бутылочное – разливного не завозили, как не было и привозных, импортных марок. Логан выбрал светлое «Микелоб лайт».

После обмена вступительными любезностями Логан быстро вошел в роль – благодаря разнообразным замечаниям, почерпнутым из предыдущих бесед, – человека, по меньшей мере поверхностно знакомого с этим районом и его новостями. Во время разговора Фред кивал с притворным благоразумием, время от времени отвлекаясь, чтобы сорвать с плеча барное полотенце и протереть им потертую лакировку стойки.

– Я свободный фотограф, – ответил Логан на вопрос Фреда, – не сотрудничаю на постоянной основе ни с какими журналами или турфирмами. Никто меня никуда не посылает, никто не выдает мне заданий. То есть я сам выискиваю самые живописные кадры и пейзажи.

Он сделал большой глоток пива, а Фред в очередной раз благоразумно кивнул.

– Вот я и подумал, что неплохо было бы сделать несколько снимков в вашей округе, раз здесь произошли такие ужасные случаи, – продолжил Логан. – Вы же знаете об убийствах туристов.

– В той глуши? – уточнил Фред с легким недоверием в голосе.

– Да, там. В Девственном Пятиозерье. Это же довольно близко отсюда, верно?

– Вам туда не добраться. По крайней мере, без помощи вертолета или на худой конец танка. Там жуткие дебри. Никто туда не ходит, за исключением редких безумных бродяг. Да и те два последних бедолаги зашли туда и не вернулись. – Фред с умным видом приложил кончик пальца к крылу своего носа.

– А если с проводниками?

– Вам будет чертовски трудно найти хоть одного, – покачал головой Фред. – Особенно после того, что случилось.

– Ну, может, мне просто удастся самому походить там, знаете, с краю, не забираясь в глушь. На самом деле мне очень хотелось бы сфотографировать медведя. – Тут Логан с заговорщическим видом подался вперед. – Seriously, если я продам такую фотографию – выдав ее за фото медведя-людоеда, задровавшего двух туристов, – кто станет сомневаться, того ли самого медведя я щелкнул?

– Вовсе не медведь убил тех парней, – возразил Фред, тоже слегка подавшись вперед.

– Как это не медведь? – Логан изобразил удивление.

– Да вот так.

– А кто же тогда убил их?

– Точно неизвестно, полагаю, – помедлив, ответил Фред. – Не нашли никаких доказательств. Если, разумеется, не считать доказательством шестьдесят лет упорных сплетен да и того, что я видел собственными глазами.

Фред оказался самым разговорчивым из тех жителей Пиковой ложбины, с которыми удалось поболтать Логану. К тому же, похоже, он и знал больше всех. Однако после этого исключительно важного признания бармен замкнулся. Логан осознал, что ему, возможно, придется приоткрыть свои карты. Он допил бутылку, заказал другую и предложил Фреду тоже выпить за его счет. Когда он выставил новые бутылки, Логан неуверенно предположил:

– Должно быть, вы имели в виду тот клан.

– Блейкни, – кивнув, подтвердил Фред, открыл бутылку «Бадвайзера» и поставил на стойку перед собой.

Смутные намеки на ценные зацепки в той или иной форме Логан слышал почти от каждого из своих сегодняшних собеседников: таинственное уединение так называемого клана Блейкни поддерживало давно укоренившееся недоверие к ним среди местных жителей.

– Расскажите мне об этих Блейкни, – небрежно произнес Логан. – А то я слышал о них на редкость странные слухи.

Фред опять задумчиво помолчал.

– Я никому не скажу о том, что услышу от вас.

Еще немного подумав, Фред пожал плечами.

– Полагаю, не будет ничего плохого, если я расскажу о том, что все здесь уже и так знают. Эти Блейкни жили в здешних лесах с незапамятных времен.

– Где именно?

Фред махнул рукой куда-то за плечо Логана, в сторону юга-запада.

– На краю этой глухомани у них большое беспорядочно застроенное поселение.

– Какого рода?

– Их не беспокоят любопытные чужаки, это уж точно. – Фред пожал плечами. – Они давно отгородились от мира, живут обособленно на подножном корму, редко заходят в наш поселок. Среди моих знакомых никто там не бывал, но, судя по слухам, у них полно ветхих построек самого разного назначения.

Логан отодвинул непочатую бутылку пива в сторону.

– Согласен, звучит странно. Но почему кто-то думает, что они имеют отношение к этим убийствам?

– Во-первых, в наших краях мало медведей. Время от времени их теперь замечают в районе Высоких вершин, хотя они и избегают встреч с людьми. Во-вторых, с детства я слышал много странных историй об этих Блейкни – и именно из-за тех историй, я думаю, что они способны на убийство... и не только.

– А что это за странные истории?

Фред сделал изрядный глоток пива.

– Они слишком долго жили обособленно в своей лесной глуши. А такое житье, как вы понимаете, сильно меняет людей. Но, судя по рассказам, этот клан всегда отличался злобностью и жестокостью. Такие вот дела, и... к тому же в семидесятых годах здесь у нас часто пропадали дети... – Удрученно вздохнув, он добавил: – Об этих пропажах умалчивали, но всем известно, кто их умыкнул... и зачем.

Фред уже разговорился, но Логану все равно не хотелось самому спрашивать, *зачем же* умыкнули детей. Он просто вопросительно поднял брови.

– Для ритуалов. Тайных обрядов. И я имею в виду не черную магию... а нечто пострашнее. Эти Блейкни якшаются в лесной глуши с дикими животными... в общем, противоестественно, как говорится. Но такое общение с природой позволяет им стать ее частью. Порочной частью. Как знать, в кого они там превращаются и на что способны, приняв иное обличье?

– Да, есть от чего встревожиться. Но все-таки зачем им могло понадобиться убивать тех туристов?

Несмотря на то что в баре никого, кроме них, не было, Фред склонился к нему еще ближе и тихо произнес:

– Я могу вам объяснить это всего в двух словах: дурная кровь.

Вернувшись в машину, Логан коротко записал разговор с барменом Фредом, потом просмотрел все свои сегодняшние записи. Все его собеседники в Пиковой ложбине сходились в двух мнениях: никакой медведь не причастен к смерти этих туристов и в убийствах замешан клан Блейкни. Но как именно замешан, никто не мог или не хотел сказать.

Финальный сегодняшний пункт его поисков, таким образом, казался очевидным.

Он включил зажигание и медленно проехал по главной улице к ее пересечению с дорогой 3А. Когда он попросил Фреда дать ему более точные указания местонахождения поселения Блейкни, Фред – после многочисленных предостережений относительно опасности попытки их посещения и ужасающих предсказаний последствий такой попытки – в итоге сдался.

– Надо проехать дальше на запад, может, около мили, там слева увидите ответвление, – сообщил он, – его трудно заметить, никаких указателей или вывесок, ничего. Единственная возможность заметить этот путь – знать, что вам нужно искать грунтовую дорожку, которая пересекает тот участок шоссе.

Свернув с улицы на дорогу 3А, Логан глянул на счетчик пробега. Часы показывали всего четверть пятого, но под густым, заслоняющим небо лесным пологом было по-вечернему сумрачно. Проехав по шоссе от поселка Пиковая ложбина чуть больше мили, он заметил ответвление и предположил, что это и есть путь к территории Блейкни: на юг, исчезая в лесу, уходила грязная, глубоко изрезанная колеями дорога, чуть шире, чем просто тропа. Согласно словам бармена Фреда, ее действительно с трудом удалось разглядеть.

Осторожно свернув с шоссе, он начал медленно, с треском и кряхтением, продираться на своем «Лотусе» по этой просеке. Она была такой узкой и тесной, что ветви деревьев хлестали и скребли бока его маленького родстера. Ему удалось проползти вперед около четверти мили, но потом он остановил машину в углубившихся колеях: подвеска уже дважды скребла по земле и он побоялся вести машину дальше. Развернуться здесь явно невозможно, так же как и разъехаться со встречным автомобилем: ему пришлось попросту оставить машину на

дороге.

Джереми попытался открыть водительскую дверцу, но живая преграда подлеска, стиснувшая бока машины, сделала это невозможным. В итоге ему пришлось приоткрыть складной верх и вылезти через ветровое стекло. Спрыгнув на землю, он помедлил немного, собираясь с мыслями, оценивая обстановку и отпуская на волю свою сверхъестественную чувствительность.

На этом пути, представлявшем собой нечто чуть большее, чем просто протоптанная лесная тропа, сырость ощущалась гораздо больше, чем на шоссе. Окружившие его пушистые ветви сочились холодной влагой, а от земли поднимались пронизывающие до дрожи туманные испарения. Он оглянулся на свой родстер, торчавший в зарослях, точно пробка в горлышке бутылки. И вновь Логан почувствовал, еще более отчетливо, свою чужеродность в этих дебрях... уже не по одной, а по двум причинам.

Начав пробираться дальше по этой прихотливо извитой дорожке, он осознал, что лес становится все дремучее и непроходимее, отметив заодно еще одну особенность. Целый день – пока он ехал к Пиковой ложбине и бродил по поселку – он слышал птичье пение. Но здесь стояла полная тишина. У него появилось сильное впечатление, что сам лес к чему-то прислушивался. Он продолжил тихо, чуть ли не на цыпочках, продвигаться вперед.

Очередной поворот тропы неожиданно вывел его на небольшую вырубку; грубо обрубленные с двух сторон от тропы ветви деревьев и кустов были свалены в развалистые гниющие кучи. Лезвие большого тяжелого ножа типа мачете со старой резной рукояткой глубоко вонзилось в ствол ближайшего красного клена. Но вовсе не это привлекло внимание Логана, заставив его резко остановиться в состоянии, близком к недоверию.

Прямо перед ним дорожка упиралась в стену – преграду явно выше двух с половиной метров, сооруженную из множества прутьев сходного размера, установленных вертикально, плотно прижатых друг к другу и обвязанных буровой, ржавой проволокой. В этой сплошной ограде не было никаких признаков калитки, если она вообще там могла быть. Соединения и переплетения прутьев выполнили с невероятной, безумной точностью, что придавало самой сельской ограде странный вид дьявольского пазла. Собственно, прутья использовались довольно тонкие, но их множество в общей толщине стены, составлявшей не меньше фута, делало эту ограду буквально непроницаемой. Соорудили ее явно очень давно, и что-то в ней – в качестве выбранных прутьев или в их фантастическом и безумно плотном и сложном переплетении – лишило

Логана присутствия духа. Обостренное восприятие подсказало ему, что ограда скрывает нечто инороднее; нечто, связанное с порочностью. Бармен Фред упоминал о том, как этот клан приобщился к природе, но у Логана появилось глубокое ощущение – почти как предостерегающий вопль в голове, – что с этой обособленностью связано нечто совершенно *противное природе*.

Приглядываясь к этой внушающей страх самодельной ограде, Джереми прошел вдоль нее сначала в левую сторону, затем повернул и прошел вправо до того места, где она исчезала в лесных зарослях. Деревья и кусты с обоих концов расчищенного участка обступали эту преграду так плотно, что продаться дальше не представлялось возможным, однако казалось очевидным, что сама стена окружает обширную территорию, по меньшей мере в несколько акров или и того больше.

Открыв рот, Логан хотел подать голос, вызвав кого-нибудь из-за этой глухой стены, но обнаружил, что онемел. Нервно сглотнув слюну, он облизал губы и попытался еще раз.

– Привет, – произнес он еле слышным хриплым голосом. Прочистив горло, он сказал уже более громко: – Привет! Меня зовут Логан. Мне хотелось бы поговорить с вами всего минутку.

Никакого ответа. Территория за плетеным, обвязанным проволокой укреплением оставалась такой же тихой, как окружающий лес.

Логан отступил назад, окинув взглядом пространство над стеной. Справа за ней поднимался крутой горный склон густого соснового леса. Над стеной также виднелась верхняя часть боковых стен какого-то сооружения: явно очень большой постройки под двускатной крышей, крытой поросшей лишайником кровельной дранкой. Издалека казалось, что это сооружение изрядно прогнило. Он разглядел два ряда окон, теснившихся под широкими свесами крыши. В нижнем ряду слабо мерцали огоньки, отбрасывая неровный свет на древние оконные стекла. Верхние окна темнели закрытыми ставнями. Все остальные постройки, скрытые за этой загадочной плетеной стеной, были более низкими.

Под плотным пологом леса становилось все темнее; вскоре будет уже трудно хоть что-то разглядеть. Логан опять приблизился к укреплению и медленно пошел вдоль него, пытаясь отыскать щелку и увидеть, что же скрыто за этой оградой. Внезапно он нашел прореху: щелка обнаружилась в центре поляны и, очевидно, ее оставили специально – только в этом месте тщательно сплетенные прутья чуть расходились. Эта щелка находилась на уровне глаз и имела коническую форму, расширявшуюся к внутренней стороне стены. Осознав, что это отверстие, должно быть, сделано для

самых обитателей поселения, Логан припал к нему глазом и разглядел за оградой много каких-то ветхих, видимо, служебных построек, амбар самого древнего вообразимого вида, огороженные участки для зерновых и странное сооружение, которое с его стороны выглядело как большая куча мусора.

И пока он обозревал внутренние постройки, обостренная интуиция вновь подсказала ему, что в этом огороженном поселении есть нечто странное – очень странное.

В этот самый момент отверстие вдруг заполнилось дулом ружья, ржавым стволом большого калибра.

– Живо убирайся отсюда, – прохрипел из-за ограды грозный басок.

– Я совершенно не намерен вторгаться в ваши владения, – подавив страх, ответил Логан. – Мне просто хотелось узнать, не могу ли я задать вам несколько...

Он умолк, услышав щелчок вставленного в ружье патрона.

– Убирайся с нашей земли, – грубо повторил тот же голос. – Или последнее, что ты увидишь на этом свете, будет дуло этого треклятого дробовика.

Логану не понадобилось никаких дальнейших увещаний. Не произнеся больше ни слова, он мгновенно начал пятиться от стены и быстро ретировался с вырубки обратно на узкую лесную дорожку. Только там он развернулся, стремительно добежал до своей машины, забрался под ее приоткрытую крышу и задним ходом выполз с этой жуткой сдавленной подлеском дорожки на безопасную парковую трассу ЗА.

В начале восьмого Логан остановился перед небольшим и ладным деревянным домом Джессапа. Дом уютно расположился на берегу озерца, всего в миле от оживленной, излюбленной туристами базы отдыха на озере Саранак. Обстановка здесь сказочно отличалась от поселения Пиковой ложбины с его уединением среди бесконечного мира темных зловещих лесов.

Домашний интерьер оправдал ожидания Логана: мебель в простом деревенском стиле; на стенах вставленные в рамы пейзажи местных художников; журнальный столик, заваленный странной смесью научных философских журналов и изданий, посвященных лесному хозяйству. Во время великолепного ужина, наслаждаясь вкусом говядины по-бургундски

и запеченной картошкой с расплавленным швейцарским сыром, он познакомился с парочкой светловолосых детей и Сюзанной, красоткой с неожиданным для Логана язвительным остроумием. До встречи с Джессапом она училась в Рэдклиффском колледже, потом преподавала в духовной семинарии, старой престижной частной школе Манхэттена. В плане образования она явно составила отличную пару его старому другу и философствующему скитальцу, и хотя Логан втайне сомневался, что ей удастся поддерживать на должном уровне свой умственный потенциал в этом сонном лесном сообществе, она, очевидно, полностью посвятила себя домашнему обучению их детей, а также, как выяснилось, бесплатно обучала детей из малоимущих семей в этой округе.

Закончив ужин, Логан вежливо отказался от кусочка шоколадного бисквита и с кофейной чашкой в руке проследовал за Джессапом на просторную веранду, где они, устроившись в неизменных фирменных креслах Адирондака, созерцали поблескивающие воды озера. Окна отбрасывали на лужайку желтые полосы света, и вечернюю тишину оживляло лишь жужжание насекомых. Растущая, почти полная луна заливала окружающий лес бледным сиянием.

Джессап глотнул кофе, потом поставил чашку на широкий подлокотник кресла.

– Итак, – начал он, – что ты думаешь о Пиковой ложбине?

– Она не стала бы моим первым выбором для пенсионного отдыха.

– Дай попробую угадать, – криво усмехнувшись, сказал Джессап. – Народ там поведал тебе, что не согласен с официальным заключением, возложившим вину на безумного медведя.

– Да. У них есть собственные версии по поводу виновных.

– Дай опять угадаю... клан Блейкни.

– Верно. И я нанес им визит, прежде чем отправиться сюда. А за свою навязчивость получил в лицо дуло дробовика.

– Лучше бы ты не совался туда. Тебе повезло, что этим все и ограничилось. – Немного помолчав, Джессап добавил: – У меня сложилось впечатление, что существует список особых причин, побуждающих людей жить в этом парке. Во-первых, если они родились в этом мире и только его и знают, не имея ни желаний, ни стремления познать то, что находится за его пределами. Во-вторых, полюбившие эти леса туристы либо часто возвращаются сюда, либо оседают здесь, открывая какие-то заведения, или пансионаты, или еще что-либо в таком роде. Есть еще третья причина. Третий тип обитателей не прижился в современном обществе; они чувствуют себя там чужаками, полусонно слоняясь по жизни. Таких людей

тянет в Адирондакский парк, потому что им хочется жить *разумно*, то бишь, повторяя слова Торо: «иметь дело лишь с важнейшими фактами жизни...»

– «Господень мир, его мы всюду зрим», – процитировал в свой черед Логан. – «...А в нас так мало общего с Природой...»^[12]

– Да, Вордсворт тоже имел верные представления. Но, так или иначе, некоторые люди из этой третьей группы бывают слегка с приветом. Посмотрим правде в глаза: одной из причин для жизни в лесной глуши, в изоляции от людей, может быть плохая социализация. В общем, да, будучи рейнджером, я наслушался историй о многих чудаках, живущих обособленно в разной степени удаленности. Такие люди склонны привлекать внимание и порождать слухи... что вполне естественно. – Он сделал глоток кофе. – Но клан Блейкни – это особый случай.

Логан хранил молчание, позволив своему старому другу продолжить.

– Я давно знал о них, разумеется, но только после смерти второго туриста начал активно изучать их историю. Жители Пиковой ложбины говорят, что они жили там всегда, и официальные документы ни в коей мере этому не противоречат: их поселение находилось там издавна, по меньшей мере еще до учреждения этого парка в 1885 году. Парковое начальство оставило их в покое, может, опасаясь, что конфронтация приведет к трагедии типа Уэйко^[13]. Их территорию никогда не удавалось официально проверить, но весь тот лесной район к юго-западу от Пиковой ложбины исконно принадлежал их клану. Хотя их хозяйство никак не учитывалось и не облагалось налогами.

– Понятно.

– Естественно, живя там в непосредственной близости, жители относятся к Блейкни весьма подозрительно. Ходили слухи, что изредка посторонним удавалось свести относительно близкое знакомство с этим кланом. Несомненно, однако, что по природе своей они склонны к обособленности и скорее всего параноидально преданы своему роду и клану, чья многолетняя изоляция привела к искаженному представлению о внешнем мире. – Помедлив немного, Джессап спросил: – Говорил ли тебе кто-то из обитателей поселка, скажем так, о некоторых их особенностях?

– Нет, ничего особенного. Большинство из них только приписывали Блейкни вину за эти убийства. Больше всех разоткровенничался владелец бара Фред. – Логан вытащил свой блокнот и бегло просмотрел записи. – Он говорил, что они слишком давно жили в этих лесах. Говорил, что такая жизнь меняет человека. Приписывал им кражи детей для неведомых

ритуалов. Еще упоминал о каких-то их ненормальных отношениях с животными в лесной глуши... и что у них, по его словам, дурная кровь.

– Дурная кровь, – хмыкнув, пробурчал Джессап. – Джереми, позволь объяснить тебе кое-что. По поводу того, насколько ты, как посторонний, мог ожидать откровенности от обитателей Пиковой ложбины. Между собой они говорят уже совершенно о других подробностях. Я знаю, потому что слышал кое-какие из этих откровений.

– Например?

– В общем, Фред Бриджер прав. За последние несколько десятилетий действительно пропало несколько детей. За последние сорок лет также на территории парка произошло некоторое количество необъяснимых смертей, причем несоразмерно много именно в окрестностях Пятиозерья. Уже давно – хотя никто не скажет тебе этого прямо – жители того паркового района полагают, что им *точно* известно, кто такие эти Блейкни... и какие именно изменения с ними произошли.

Джессап опять глотнул кофе. Жужжание насекомых стало громче.

– Итак? – нарушил молчание Логан. – Кто же такие Блейкни, по мнению тех жителей?

– Ликантропы^[14], – Джессап тщательно и медленно выговорил это слово, словно пробуя его на вкус.

– Ликантропы? – повторил Логан. – Так люди думают, что клан Блейкни стал вервольфами или оборотнями? Это же...

– Что? Смехотворно? Не заслуживает внимания такого энигматолога, как ты?

– Но нет же никаких медицинских свидетельств в поддержку такого явления. Превращения человека в волка.

– Судя по тому, что я читал, тебе приходилось исследовать и более странные явления. И не забывай, эти люди лучше всех знакомы с Блейкни... много поколений они жили практически в непосредственном соседстве с этим кланом. Они видели то, что не видели мы с тобой.

Логан глянул на рейнджера с еще большим удивлением. Неужели Джессап мог действительно поверить в такую историю?

Пристально взглянув на друга, Джессап догадался о его мыслях. Он вновь улыбнулся так хорошо знакомой Логану задумчивой и мечтательной улыбкой.

– Теперь ты понимаешь, почему я попросил тебя заехать сегодня в Пиковую ложбину... и почему только тебя я мог попросить об этом. Я имею в виду, посмотрим правде в глаза... что это твоя работа.

Логан мысленно признал, что это правда; как энигматолог, он не мог

игнорировать никакой вероятности. К тому же Джессап знал эти леса и их жителей гораздо лучше, чем он.

– Я не говорю, что верю в эту историю, – продолжил Джессап, – вовсе не говорю. Но как рейнджер я также не могу игнорировать этого. Слухи не рождаются на пустом месте. А на этих шести миллионах лесных акров скрывается много странностей.

Логан не спешил с ответом.

– Просто подумай немного об этом деле, – предложил Джессап после продолжительного молчания, – и почитай судебные материалы.

Допив кофе, он опять поставил чашку на подлокотник и устремил пристальный взгляд на залитое лунным светом озеро.

9

Следующие два дня Логан провел затворником в «Облачных водах». Выдались теплые дни золотой осени, и ночи радовали свежестью и безоблачностью. Он вдруг осознал, что быстро освоился с новым режимом. Пропуская завтрак, он заваривал сам себе много кофе, который потом попивал в течение дня. Ланч, всегда превосходный, приносили ему прямо в коттедж около часа дня. Только вечером он выходил из коттеджа ради ужина в столовой главного корпуса, где познакомился с соседями из ближайших коттеджей – художником-абстракционистом и композитором-пианистом – и где велись неспешные разговоры о погоде и творческих задумках.

Логан опасался, что ему понадобится много времени для погружения в материалы монографии, но «Облачные воды», похоже, оказали почти магическое влияние: вынужденные уединение и слабые признаки иного бытия в соседних коттеджах способствовали его сосредоточенности. К концу первого дня он оживил в памяти первоисточники и перечитал уже написанные главы; к концу второго он уже активно писал дальше. И именно осознав реальный прогресс своего труда, вечером, после ужина на второй день, он позволил себе ослабить контроль и наконец заглянуть в судебные материалы Джессапа.

Медицинские подробности отчетов мало добавили к тому, что он уже знал об этих убийствах, – за исключением их полнейшей дикой свирепости, которая стала очевидной из свидетельских фотографий, несмотря на все следы разложения. Тела жертв не были съедены, но их расчленили, растерзали на части с поразительной яростью. Разложение трупов

позволило дать лишь приблизительную оценку нанесенных ран, а зверская сила, необходимая для подобной расчлененки, была главной причиной, что побудила медэксперта предположить медвежьи нападения.

Остальные общие сведения он уже знал: обе жертвы были заядлыми походниками, обоих убили в окрестностях Уединенной горы, причем именно в период полнолуния.

Отложив судебные материалы, Логан подключился к Интернету и провел полтора часа, изучая сведения о вервольфах. Ситуация оказалась, как он понял, несколько необычной. Существование зомби могло быть объяснено всасыванием в кровоток ядовитого порошка с тетродотоксином, симптомами паралича; вера в вампиров, как полагали некоторые источники, основывалась на симптоматике порфирии^[15] или на массовой истерии, вызванной смертями, приписанными так называемому сербскому вампиру Петру Благоевичу. И тем не менее существование вервольфов всегда казалось с научной точки зрения наименее объяснимым. И в Сети Логан не нашел ничего, что могло бы изменить его мнение. Он признавал, разумеется, случаи болезненной ликантропии – бредовое, даже шизофреническое воображение больного, представлявшего, что он превратился в зверя. Он также узнал кое-что о гипертрихозе, или «синдроме вервольфа», редком заболевании, сопровождающемся чрезмерным, аномальным ростом волос иногда по всему телу. Однако ни один из этих вариантов не годился для подлинного определения вервольфа: человека, способного реально превратиться в ужасное, подобное волку создание.

Впрочем, никто не отрицал, что легенды о вервольфах, на редкость древние и живучие, уходя корнями во времена Древней Греции, достигли полного расцвета в средневековой Центральной Европе. И в последующие века они продолжали существовать: в книге Клода де Лавалля «Диалоги о ликантропии», увидевшей свет в 1596 году, или в «Анатомии меланхолии» 1621 года, где Роберт Бертон посвятил целую главу ликантропии, или «волчьему безумию», якобы порожденному чрезмерным ублажением меланхолии, при котором страдалец воображал, что превратился в волка. Даже Джон Уэбстер позволил герцогу Фернандо, злодею из его печально известной кровавой трагедии «Герцогиня Амальфи», поддаться такой болезни:

«...кажется ему,
что стал он волком.
Больной на кладбище крадётся ночью

И вырывает трупы из могил.
Два дня тому назад был пойман герцог
За церковью святого Марка в полночь,
Он на плече нёс ногу мертвеца
И страшно выл, и говорил, что волк он —
С той только разницей,
что у него под кожей шерсть,
у волка же – снаружи...»^[16]

В елизаветинскую эпоху^[17] – Логану удалось раскопать некоторые первоисточники – вервольфов, людей-волков, считали порождением колдовских заговоров или временами объясняли их существование непосредственным вмешательством самого Сатаны. В одном из подобных памфлетов под названием «Подлинная история. Обнародование проклятой жизни и смерти некоего Питера Штубе, наипорочнейшего колдуна, который, уподобившись волку, совершил много убийств» описывался злодей, который посредством черной магии мог превращаться в волка практически произвольно и особо любил нападать на беременных женщин, «вырывая детей из их чрев кроважально и свирепо и поедая их сердца, задыхаясь в неукротимой ярости».

В сущности, расхождения всех изученных им историй и описаний касались способов, времени и причин превращения ликантропов из людей в волков, а также того, насколько они могли управлять этим процессом. Однако в одном моменте большинство источников сходилось: в ночи полнолуния вервольфы обладали наибольшим могуществом и свирепостью и минимальной способностью управлять своими звериными позывами.

Вздыхнув, Логан закрыл лэптоп. По своей сути занятие энигматологией предполагало сохранение объективности в любом случае, какими бы странными ни казались явления; и он никак не мог объяснить собственного сопротивления, даже скептицизма в отношении возможности существования такого феномена, как ликантропия.

Чувствуя потребность вдохнуть свежий воздух, он вышел из коттеджа и побрел по дорожке в сторону главного корпуса. Почти все его множество окон испускало теплый желтый свет, а легкий осенний ветерок доносил тихие отголоски разговоров: несомненно, сегодняшнее собрание завершалось обсуждением. Логан невольно сравнивал притягательное гостеприимство этого большого здания с древним, пугающим сооружением, верхнюю часть которого он разглядел за оградой поселения

Блейкни.

Дойдя до газона, он направился в сторону озера. Голоса сюда уже не долетали, он слышал только плеск волн перед его ногами и неугомонный вечерний шум лесных насекомых. Луна, уже полностью округлившаяся, низко висела над водой, такая большая, что, казалось, до нее можно дотянуться рукой.

За его спиной послышался тихий звук шагов по траве, а затем проявился и голос:

– Добрый вечер, доктор Логан.

Логан обернулся. К нему подошел управляющий директор турбазы Хартсхорн.

– И вам того же. Прекрасный выдался вечерок.

– Да, это мое любимое время года. Теплые дни, прохладные ночи. В такую погоду отлично спится. Летние туристы уже укатили, а лыжники еще не прикатили. – Лунный свет, играя в директорской гриве белоснежных волос, придавал ей какое-то призрачное сияние. – Как вам работается?

– Замечательно. Учитывая продвижение трудов, возможно, я сокращу срок моего пребывания у вас.

– Мы не допустим этого. – Хартсхорн улыбнулся.

Он выглядел спокойнее, чем во время их первой встречи. Очевидно, скромное бытие Логана успокоило директора.

– Насколько я понял, тот рейнджер навестил вас в первый же вечер, – заметил Хартсхорн с умышленной небрежностью.

«От глаз этого парня, похоже, ничего не скроешь», – подумал Логан.

– Как я и говорил вам, нам с ним есть что вспомнить.

– Вы говорили, что вместе учились в Йеле, – покачав головой, сказал Хартсхорн. – Надо же, рейнджер с высшим образованием. Как интересно.

– Скорее я назвал бы его прирожденным философом, которому выпал случай провести свои дни в лесах.

– Так он просто заглянул к вам по старой дружбе, – усмехнувшись, уточнил Хартсман.

Логан мгновенно сделал верный вывод: Хартсхорну известно об убийствах туристов, конечно, и его интересовало – по неизвестной причине, – не стремился ли рейнджер привлечь Логана к делу.

– Мы с ним не виделись много лет, – ответил он, – с тех пор много воды утекло.

Хартсхорн просто кивнул.

Возможно, осознал вдруг Логан, стоило слегка удовлетворить любопытство директора. В конце концов, если он не проявит ни малейшего

интереса к местному фольклору, это будет выглядеть слишком странно и лишь усилит подозрительность Хартсхорна – а ему меньше всего хотелось какой-либо слежки за его здешней жизнью.

– За время работы рейнджером Рэндалл многое повидал, – продолжил он, – а обитатели этого парка, видимо, с удовольствием делятся не только легендами и небылицами.

– Что, естественно, могло заинтересовать вас... я имею в виду, учитывая ваше хобби. Что ж, сам я редко общался с местным населением, однако мне известно достаточно, чтобы относиться к их байкам весьма скептически. Понятное дело, чисто субъективно. Но со мной не согласится, полагаю, разве что Олбрайт.

– Простите?

– Гаррисон Олбрайт. Наш признанный поэт. Он вырос в этом парке, но уехал отсюда подростком. А в конце девяностых вернулся и с тех пор уже обзавелся в Адирондаке собственным домом. Он не оставляет без должного внимания никаких слухов и не сомневается в здешних легендах. Кстати, на следующей неделе он будет выступать у нас с лекцией. Его истории могут порадовать вас.

– Обязательно постараюсь послушать. Спасибо.

– Что же, наслаждайтесь вечерним отдыхом. И удачи вам с монографией. – В очередной раз улыбнувшись, Хартсхорн развернулся и отправился обратно в сторону главного корпуса.

На следующий день после ланча Логан не стал возобновлять работу над монографией. Он заказал машину, прошелся по подъездной дороге «Облачных вод» до шоссе и сам доехал до большой турбазы на озере Саранак, где взял напрокат джип «Рэнглер». Его собственный родстер после заезда на территорию Блейкни выглядел грязным и поцарапанным, и ему не хотелось подвергать его в будущих поездках более серьезным испытаниям. Кроме того, «Рэнглер» здесь будет привлекать меньше внимания.

Оформляя прокат машины, Логан небрежно спросил клерка о Гаррисоне Олбрайте. Оказалось, что он знал не только самого поэта, но и где тот обитает. Оправдались слова, сказанные ему Хартсхорном: «При всей своей обширности Адирондакский парк в определенном смысле склонен оставаться небольшим сообществом». Таким образом, возвращаясь

с озера Саранак, Логан проехал мимо поворота к «Облачным водам», направившись дальше на запад, опять свернул с трассы 3 на 3А и принялся, не доезжая пару миль до поворота к Пиковой ложбине, выискивать треугольное строение с красным «Фордом F1» на подъездной дорожке. «По иронии судьбы, – подумал Логан, – пытаюсь удержать меня в «Облачных водах» упоминанием об Олбрайте, Хартсхорн, сам того не желая, подсказал мне очередной шаг расследования».

Сегодня утром выпив кофе, Логан зашел в главный корпус и ознакомился с изысканной и разнообразной библиотекой «Облачных вод». Среди многочисленных изданий он обнаружил несколько поэтических сборников Олбрайта: «Из глубины лесов», «Алгонкинская вершина», «Замшелая седловина». Пролистав их, он обнаружил доступные для понимания стихи, написанные в грубоватом стиле, которые тем не менее говорили о значительном мастерстве и природном таланте. Некоторые стихи были навеяны размышлениями о жизни Адирондака, в иных сельских балладах чувствовалось влияние творчества Роберта У. Сервиса^[18] и Джона Мейсфилда^[19]. Краткая биографическая справка на задней обложке сборников рекламировала Олбрайта как «новоявленного Дэви Крокетта^[20], который родился, образно выражаясь, “с кленовым сиропом в венах”».

Второй раз проезжая по этой трассе, Логан вновь осознал, что удаляется от цивилизации, погружаясь в таинственные глубины обширной дикой природы. Странное осознание: в прошлом исследования в качестве энигматолога заводили его в гораздо более удаленные места – заповедные парки Аляски, в сотни миль к северу от Полярного круга; болотистые низины южного Судана, известные как Судд, – однако нигде там он не испытывал такой сильной и смутной тревоги, как сейчас, когда направлялся в сторону поселка Пиковая ложбина, уже зная, что поблизости от него находится странная плетеная стена, скрывающая от внешнего мира территорию Блейкни.

Трасса сделала поворот, и справа по курсу появилась треугольная постройка. Логан сбросил скорость и завернул на короткую подъездную дорожку. Дом высился примерно в сотне футов от трассы и – хотя и отличался от ухоженного и солнечного жилья Джессапа – выглядел вполне прилично. Под навесом, рядом с пикапом, белели торцы дров, сложенных в большую поленницу, а над краснокирпичной трубой поднимался серый дымок. О заднем дворе здесь говорить не приходилось, с трех сторон дом окружал лес.

Выбравшись из джипа, Логан прошел по земляной дорожке, наполовину скрытой под сосновыми иглами, поднялся на крыльцо и, не увидев дверного звонка, постучал в дверь. Тишину быстро нарушил шум какого-то движения, и дверь открылась. Из сумрачной прихожей на него внимательно смотрел мужчина лет шестидесяти: высокий и крепкий, с пронизательными голубыми глазами, коротко стриженными седыми волосами и такой же седой бородой, полностью скрывавшей очертания нижней части лица. Наряд его, состоявший из клетчатой рабочей рубашки, заправленной в выцветшие джинсы, дополняли подвешенные к ремню потертые кожаные ножны с длинным ножом. Ничего не сказав, он просто вопросительно поднял свои кустистые брови.

Только тогда Логан вдруг осознал – сам удивившись столь нехарактерной для него непредусмотрительности, – что забыл подготовиться к этому визиту. После замечания Хартсхорна он предположил, что стоило бы выслушать мнение Олбрайта о недавних убийствах, однако не удосужился продумать, как ему лучше объяснить этому человеку, с какой стати его могут интересовать эти убийства. Отправившись на запад от Саранака, он слишком увлекся попытками проникновения в тайны окружавшего его дремучего леса, чтобы уделить толику внимания психологическому подходу предстоящей встречи. Придется действовать экспромтом.

– Мистер Олбрайт? – спросил он.

Мужчина кивнул.

– Не позволите ли зайти к вам на минутку?

Мужчина по-прежнему невозмутимо смотрел на него.

– Я ничего не продаю. Меня зовут Логан.

– Я знаю вас, – наконец изрек бородач скрипучим баритоном, – смотрел передачу на канале «Дискавери», ту самую, в которой вы опровергли существование Лохнесского чудовища. Не уверен, что мне хочется впускать вас.

Теперь недоумевать пришлось Логану.

– Догадываюсь, почему вы здесь. Но я люблю эти леса... и не хочу, чтобы их испоганили дурной славой.

«Понятно», – подумал Логан.

– Может, мне удастся умиловить вас, если я скажу, что живу в «Облачных водах», работая над завершением одного исторического эссе? Я приехал сюда не ради рекламы, будь то хорошей или плохой. Более того, я делаю все возможное, чтобы не привлекать к себе никакого внимания. В сущности, директор «Облачных вод» мог бы очень огорчиться, если бы

узнал, что я заехал к вам.

Хозяин дома поразмыслил над его словами. И его морщинистое лицо расплылось в улыбке.

– Ладно, – изрек он, – на следующей неделе я читаю там лекцию, и если мне не понравятся последствия этого разговора, то я заложу вас.

– Вполне справедливо, – согласился Логан не в силах подавить легкое опасение.

Бородач отступил в дом и предложил Логану пройти в маленькую гостиную, обставленную просто, почти по-спартански. Большая часть мебели, видимо, была сделана вручную. Самодельные книжные полки пестрели корешками самых разных изданий; письменный стол; несколько деревянных кресел и торшер с традиционным в здешних краях берестяным абажуром.

Олбрайт показал Логану на явно неудобное кресло с прямой спинкой.

– Пиво? – предложил он.

– Нет, спасибо.

– Вот и славно, а то у меня в холодильнике осталось всего две бутылки, и мне совсем не хочется опять ехать в магазин, – признался хозяин, со вздохом опускаясь в другое кресло. – Итак, почему бы вам прямо не сказать мне, чем я могу вам помочь?

– Прежде всего мне хотелось бы задать вам один вопрос. Вы, видимо, уже знаете, кто я. Не могли бы вы рассказать мне немного о себе?

– Рассказывать-то особо нечего, – пожав плечами, откликнулся Олбрайт. – Я родился всего в десяти милях отсюда. Мой старик занимался лесозаготовками. Научил меня всему, что сам знал об этих лесах, ориентироваться в них да плотничать. Умер он от несчастного случая, когда мне было четырнадцать. Мать не могла дожидаться, чтобы вывезти нас с братом из этой глуши. Мы переехали в Олбани, где я мог бы получить то, что она называла «настоящим образованием». Поступил в Нью-Йоркский университет. Там заинтересовался литературой, особенно поэзией. Поездил по южным штатам, подражаясь на самые разные работы, а по вечерам писал стихи. В итоге вышел мой первый сборник «Начало пути». В общем, дальше я старался заработать достаточно денег, чтобы вернуться сюда... как я всегда хотел. – Он встал, вышел из комнаты и, быстро вернувшись с бутылкой пива, спросил: – Достаточно?

– Спасибо.

– А теперь, – сказал Олбрайт, сделав хороший глоток пива из бутылки, – может, вы расскажете мне, как вы стали э-э... не помню уж, какой термин употребили в той документальной передаче?

– Энигматологом. В общем, в моем случае началось все с увлечения сказочными привидениями: когда в ранней юности читаешь все, что попадает под руку по этой тематике, то несколько отклоняешься от реальности. Добавьте к этому в свое время нашумевшую книгу «Страннее, чем наука». И вот уже вы начинаете увлеченно искать необъяснимое в реальной жизни. По правде говоря, я совершенно не планировал втягиваться именно в такую деятельность... она сама нашла меня. – Логан пожал плечами. – Сотни лет назад издавалось множество сенсационных таинственных историй о бродячих призраках, охотниках за колдунами и прочем подобном. В наши дни это стало областью знания.

Олбрайт кивнул, опять отхлебнув пива.

Поначалу Логан настроился на уклончивый разговор с поэтом, но осознал, что перед ним проницательный, умный человек, и решил попробовать говорить откровенно.

– Я скажу, зачем приехал к вам. Один мой друг – лесной рейнджер – прослышал, что я собираюсь пожить в «Облачных водах». Он попросил меня изучить обстоятельства недавних смертей двух походников в окрестностях Уединенной горы. Видимо, его не убедило то, что, по официальной версии, их убили медведи.

Олбрайт опять кивнул. Он не выглядел удивленным.

– Я успел побеседовать с жителями соседнего поселка Пиковая ложбина. Они тоже не верят в медвежью версию. Они склонны винить клан Блейкни. И, как мне сообщили, полагают, что эти Блейкни являются... скажем так... вервольфами.

Выражение лица Олбрайта не изменилось. Он просто увлекся изучением этикетки на пивной бутылке.

– А потом я услышал о вас. И подумал, что раз уж вы родились и выросли в Адирондаке, то скорее всего знаете эти глухие леса как свои пять пальцев. С другой стороны, вы прожили во внешнем мире достаточно долго, чтобы обрести некоторую объективность. – Логан задумчиво помолчал и продолжил: – В моей сфере деятельности необходимо сохранять объективность в любых случаях. Но, честно говоря, мне трудно сейчас дать осмысленную оценку произошедшему. Опять же легендарные вервольфы... Так или иначе, мне просто хотелось узнать, каково ваше мнение.

– Мое мнение... – Олбрайт поставил бутылку пива на пол около своего кресла, – полагаю, я смогу тоже выразить его достаточно просто. Знаете, Логан, я понимаю ваш здоровый скепсис. За двадцать лет, с тех пор как я вернулся сюда, я сам успел услышать довольно много безумных историй.

Но я скажу вам кое-что... возможно, вы и сами это знаете, учитывая ваш специфический род занятий. Зачастую легенды – как бы странно они ни звучали – уходят корнями в реальность. И в таких труднодоступных и древних местах, как Адирондак, вполне могут существовать явления, кои не способен полностью объяснить или даже постичь беспристрастный здравый рассудок двадцать первого века.

– Иными словами, мне не следует игнорировать мнения местных жителей, как бы безумно, по моему разумению, они ни звучали.

Олбрайт кивнул.

– А что думаете лично вы? Верите ли вы, что виновны эти Блейкни? Верите ли, что они способны превращаться в волков?

Олбрайт усмехнулся. Покачал головой и развел руками.

– История адирондакской глухомани, доктор Логан, уходит в далекое прошлое... и в нем есть свои тайны. По-моему, вам все-таки стоит выпить пива.

Через два часа, когда солнце уже клонилось к закату и лес погрузился во мрак, Логан простился с Олбрайтом и забрался в свой арендованный джип. Исчерпав возможности добиться ответов от поэта, Логан все равно продолжал болтать с ним и вскоре обнаружил, что за его неприветливой и даже грубоватой наружностью скрывается острый и очень цепкий ум. «Как интересно, – подумал он, включив зажигание и вновь выехав на трассу 3А, – этот бородач отличается от Джессапа». Во многом, видимо, оригинальность Олбрайта восходила к его исконной приобщенности к лесной жизни, он вырос среди Адирондакских гор и, несмотря на попытку матери дать ему «настоящее образование», не потерял навыков лесной жизни – или в каком-то смысле лесного мироощущения, – унаследованных им от отца. Джессап, с другой стороны, провел детские годы в окрестностях Платтсбурга. Их различия определялись, вероятно, самим отношением к природе. Джессап с его отличным философским образованием воспринимал ее сквозь призму взглядов Торо: вселенского приверженца гуманизма, представлявшего природу зеркалом, отражавшим то, как нам следует жить и относиться к нашим ближним. Олбрайт, однако, опять же приобщился, видимо, ко взглядам своего отца: природу надо чувствовать, познавать и наслаждаться ею, но при этом ее стихийные силы следует уважать... и при необходимости опасаться их.

Его размышления прервал телефонный звонок. Логан вытащил из кармана мобильный телефон.

– Да?

– Джереми? – донесся из трубки слабый, хриловатый голос. – Это Рэндалл. Ты где?

– Еду обратно в «Облачные воды».

– Я пытаюсь дозвониться до тебя уже минут пятнадцать. Скоро ли ты доедешь туда?

– Видимо, не было связи. Мне понадобится еще около получаса. А что случилось?

– Очередное убийство.

– Такое же? – уточнил Логан, невольно сжав покрепче мобильник.

– Очевидно. Я сейчас направляюсь туда. Прибавь газу... я подхвачу тебя по пути. – На этом связь оборвалась.

Логан с задумчивым видом сунул телефон обратно в карман. Потом глянул в окно, бросив взгляд на проглядывающее между густо сплетенных древесных ветвей небо. В глаза ему бросился невозмутимый бледно-желтый раздувшийся диск полной луны.

11

Взяв из коттеджа сумку с приборами, Логан встретил Джессапа на трассе около «Облачных вод», стремясь избежать внимания обитателей базы отдыха к появлению служебной машины с включенной мигалкой. Джессап быстро мчался по извилистому шоссе, пронзая лучами фар безысходную тьму. Изредка мимо окон мелькали размытые световые пятна поселений. В отраженном освещении приборной панели лицо рейнджера казалось застывшей мрачной маской. Выехав на грунтовую дорогу, Джессап сделал пару поворотов, и Логан вскоре потерял ориентацию, видя только проносившиеся мимо ряды стволов да темневший над машиной ветвистый полог. В салоне внедорожника стояла тишина, не считая случайных потрескиваний полицейской рации.

– Где обнаружили тело? – наконец нарушил молчание Логан.

– Около Песчаного ручья. Нашел его какой-то охотник, проезжавший мимо частных владений на вездеходе.

– Турист?

– Пока не знаю.

– Поблизости от Злосчастной горы?

– Близко. В районе Пятиозерья, может, милях в четырех от Пиковой ложбины.

Джессап уже свернул с грунтовой дороги, и теперь тяжелый

внедорожник дико подпрыгивал и, с трудом переваливаясь через выпиравшие из земли корни и глубокие колеи, давил шинами высокие травы и подлесок. Впереди Логан разглядел слабый, мерцающий свет.

Совершенно неожиданно лес расступился, и перед ними открылась поляна. У самого края теснились стоявшие полукругом полицейские внедорожники, пикапы рейнджеров и машина «Скорой помощи» – их двигатели тихо урчали, а свет фар сходилась в одном месте. Затормозив, Джессап пристроился к ближайшему автомобилю.

– Оставайся в тени, – бросил он Логану, – но держи уши и глаза открытыми.

Джессап вылез из внедорожника, и Логан последовал за ним мимо остальных машин в сторону группы людей, тихо переговаривающихся между собой. Еще один парень, офицер полиции, очевидно, огораживал желтой лентой большую территорию освещенного фарами места преступления. В небе сияла жирная полная луна.

– Криминалисты? – коротко спросил Джессап знакомого рейнджера.

– Выехали из Платтсбурга. Вот-вот должны появиться.

– Есть идеи по поводу времени смерти?

– Медэксперт даст нам более точный ответ, но, по-моему, сутки максимум.

– Личность установлена?

– Никто не трогает тело до приезда бригады криминалистов.

Так распорядился полицейский офицер с двумя серебряными нашивками на униформе: крупный и плотный серьезный мужчина, явно взявший на себя руководство. Полицейский глянул на знакомого Джессапу рейнджера, потом окинул взглядом самого Джессапа и Логана, стоявшего за его спиной. С минуту он пристально смотрел на них и опять повернулся к человеку, с которым беседовал: приземистым и толстым, бледнолицым мужчиной в полинялой армейской куртке. «Вероятно, – предположил Логан, – именно он и обнаружил жертву преступления».

Логан посмотрел в сторону жертвы, освещенной безжалостными лучами фар, и быстро отвел глаза. Ему приходилось неоднократно сталкиваться со смертью, конечно, однако впервые он видел труп, так жестоко разодранный и растерзанный. От одежды остались лишь пропитанные кровью клочки, точно красные конфетти, украсившие ближайшие растения. Все конечности сломаны и вывернуты под странными углами. Вырванные и разбросанные в разные стороны внутренности пропитывали землю черной кровью, а за вскрытой грудной клеткой и брюшиной зияла черная пустота. Лицо было искромсано до

неузнаваемости.

Испытав приступ тошноты, он отошел подальше, вернувшись к машине Джессапа, и стал приглядываться к окружающему пейзажу. По контрасту с ярким светом множества фар вечерний лес казался темнее обычного. Странно, но ему показалось, что за этой поляной деревья росли более редко. Девственное Пятиозерье... Логан попытался прикинуть, насколько далеко отсюда поселение Блейкни.

Обойдя внедорожник Джессапа, он осторожно двинулся по темной и кочковатой земле, подойдя в итоге к ограничительной ленте, окаймившей место преступления, но с противоположной стороны от группы людей, тихо говоривших в другом конце поляны. Убедившись, что никто не обращает на него внимания, он поставил свою сумку на землю и расстегнул молнию. Склонившись, он достал оттуда маленький прибор с цифровым индикатором, включил его и покрутил регулирующую головку счетчика ионизации воздуха. Вытянув руку с прибором, он провел им по воздуху вокруг себя, одновременно подстраивая диапазон индикаторной шкалы. Появившиеся показания почти не отличались от основных показаний, замеренных им в первый день по прибытии в «Облачные воды»: ионизация воздуха была значительно ниже 250 ионов на кубический сантиметр. Он мог также при случае взять показания в Пиковой ложбине и около ограды поселения Блейкни, но сомневался, что их результаты позволят сделать хоть какие-то решающие выводы.

Убрав этот прибор в сумку, он достал другой: трехпольный электромагнитный детектор. И вновь, сделав круговой замер, он вытянул этот аналоговый детектор в направлении тела и, держа его неподвижно, внимательно отследил отклонения стрелки на шкале. И на сей раз показания электромагнитного излучения ничего особенного не выявили.

Оборудование сообщило ему то, что он и сам ожидал. В этом месте не наблюдалось ни спектральной, ни паранормальной активности: случившееся здесь полностью относилось к сфере физической деятельности; исключительно к реальной области – и растерзанный на земле труп предоставлял этому чертовски жестокие доказательства.

Уложив детектор электромагнитного излучения в сумку и застегнув молнию, Логан по-прежнему стоял за внешней границей места преступления, обозначенной желтой лентой, продолжая смотреть на труп. Будучи прирожденным эмпатом, он сумел развить свои способности восприятия не только эмоций и чувств окружающих людей, но и в некоторых случаях скопившихся в особом месте переживаний. Как правило, обостренная восприимчивость просыпалась в местах, где

довольно длительное время действовала чья-то сила, обычно порочная сила. Однако иногда, если вопиющее зло, насилие в определенном месте свершилось быстро, то там можно было какое-то время ощутить его остаточную пагубную ауру. Закрыв глаза, Джереми освободился от всех собственных мыслей и эмоций, отключился от тихого постороннего говора и открылся навстречу внешнему мраку, ожидая, когда эта округа, это распростертое перед ним тело заговорит; выдаст свои тайны, позволит ему понять то, что происходило здесь.

Несколько минут он просто стоял в опустошенном и расслабленном ожидании. И вдруг резко напрягся. И оставался в напряжении больше минуты до того самого момента, когда его слух прорезал вой сирен, возвестивший, что на место преступления прибыли медицинский фургон и два красных полицейских внедорожника, несомненно с бригадой экспертов-криминалистов.

Логан с трудом осознал их прибытие. Он открыл глаза, его плечи устало поникли. Взяв свою сумку, он медленно добрался до машины Джессапа, залез в нее и стал ждать возвращения рейнджера. Он увидел – и прочувствовал – достаточно для одного вечера.

Ведь, стоя там, перед местом этой почти невообразимой ярости, Джереми почувствовал... Это был единственный всплеск. Аура места пропиталась чудовищной *инаковостью*: чем-то, что он не смог понять или даже полностью постичь. Убийца, почувствовал он, был человеческим существом... и, однако, вместе с тем с *нечеловеческой* примесью.

Штаб-квартира лесных рейнджеров Пятого района заповедника штата Нью-Йорк представляла собой неказистое двухэтажное сооружение из шлакоблоков на окраине поселка Рэй-брук. На следующее утро, за пару минут до одиннадцати часов, Джессап встретил Логана у входа в эту самую штаб-квартиру и провел его на второй этаж в конференц-зал. Там было полно рейнджеров с их однотипными шляпами, сидевших бок о бок с одетыми в униформу полицейскими штата наряду еще с несколькими людьми в штатском. Джессап представил его высокому и крепкому, статному мужчине, в лице которого он узнал Джека Корнхилла, смотрителя Участка С, после чего предложил ему занять стул в задней части зала.

– Я думал, мне следовало не привлекать внимания, – тихо пробурчал Логан, – а ты привел меня в волчье логово.

– Надо воспользоваться шансом, – также тихо ответил Джессап, – медэксперт готов предоставить отчет. Если кто-то пристанет, просто напусти тумана относительно специфических исследований, которые ты проводишь для Йеля. И старайся держаться подальше от Креншо.

– Креншо?

Джессап кивнул в сторону трибуны, рядом с которой стоял дородный полисмен, замеченный Логаном еще вчера вечером на месте преступления.

– Капитан Креншо, – пояснил Джессап, – командующий по обеспечению безопасности, подразделение В. Его полномочия распространяются на большинство районов Адирондака. Я уже говорил тебе, что в заповеднике полно перекрещивающихся юрисдикций. Но, учитывая три нераскрытых убийства, Креншо, конечно, возьмет командование на себя. Сам он с юга штата, родился и вырос на Лонг-Айленде.

– А как его сюда занесло?

– Об этом тебе придется спросить самого капитана. В любом случае Креншо – типичный полицейский. Старательно поднимался по служебной лестнице. Одарен реакцией каймановой черепахи^[21]. Можешь представить, с каким неодобрением он отнесется к слухам, которые ты изучаешь.

В передней части зала началась неожиданная суматоха, на трибуну поднялась миниатюрная женщина в строгих брюках и белой блузке и постучала по микрофону.

– Элис Ханниган, – прошептал Джессап Логану, вытащив свой дневник и приготовившись делать заметки, – капитан Пятого района. Отвечает за восемь северных округов.

– Прошу внимания, – оживленно начала Ханниган, – мы постараемся не задерживать вас дольше необходимого. Я сообщу вам несколько предварительных данных. Потом мы выслушаем краткий отчет доктора Брайса Плаусона, медэксперта из Платтсбурга, относительно вскрытия последней жертвы преступления. И в заключение капитан Креншо из полиции штата Нью-Йорк рассмотрит задачи и дальнейшие следственные процедуры.

Прочистив горло, она просмотрела несколько документов.

– Жертву опознали, убитый Марк Артовский, двадцати двух лет. На момент обнаружения был мертв около восемнадцати часов. Аспирант, работал в небольшой исследовательской группе, снявшей в аренду заброшенную пожарную станцию в южной части района Девственного Пятиозерья. Как вы знаете, в отличие от двух туристов, чьи останки обнаружили ранее, Артовского нашли в восточной части этого района,

примерно в шести милях к северу от этой бывшей метеостанции и менее чем в четырех милях к юго-западу от Пиковой ложбины. У кого есть вопросы?

Вопросов не оказалось, и она уступила кафедру пожилому лысому мужчине в очках с толстыми линзами и белом халате поверх черного костюма. Приподняв микрофон, он обвел взглядом собравшихся.

– Я поделюсь с вами всеми доступными мне медицинскими деталями, – произнес он высоким, пронзительным голосом. – Сначала хорошие новости. Как только что сообщила вам капитан Ханниган, тело обнаружили относительно быстро после смерти. Это означает, что в данном случае удалось провести значительно более точное вскрытие, чем с двумя жертвами, найденными ранее. К сожалению, несмотря на этот факт, многое в этой смерти остается неясным.

Доктор Плаусон глотнул воды из стакана на краю кафедры.

– Вполне понятно, что нападение было таким же свирепым и яростным, как и на две предыдущие жертвы, однако следы проколов и глубина ран недостаточно велики, чтобы указать на медведя. Более вероятным животным мог быть обыкновенный волк.

Волк. Логан почувствовал, как напрягся рядом с ним Джессап.

– Размеры и распределение проколов наряду с яростными укусами вокруг шеи согласуются с версией волка. Колотые раны нанесены, несомненно, зубами верхней челюсти, которые – как известно по случаям нападений собак или волков – служат своего рода якорями для последующих разрывов, когда напавшее животное начинает трясти свою жертву. К сожалению, специальному анализу и сравнению следов волчьих зубов и когтей посвящено мало научной литературы, в силу чего нельзя утверждать на сто процентов, что эти раны нанесены именно волком. Кроме того, повреждения тела слишком велики и не позволяют обнаружить каких-либо следов лап. Именно обширность повреждений станет дополнительной трудностью для судебного анализа. Как правило, за нападением волка – в случаях по крайней мере неистовой ярости или стремления защитить детенышей – обычно следует посмертное поедание. У нас не такой случай. С особой жестокостью конечности были отделены от тела жертвы – причем способом, никак не согласующимся с того рода укусами и разрывами, которые мы обычно ожидаем от нападения волка. Кроме того, полость тела выпотрошена исключительно необычным образом. Одонтологический анализ ран на конечностях и внутренних органах мог бы дать дополнительные сведения, но, учитывая состояние жертвы, практически невозможно составить внятное описание следов

укусов.

Капитан Креншо, стоявший рядом с судмедэкспертом, оживился.

– Извините, доктор, – сказал он, – правильно ли я понял, что определенные аспекты этого нападения согласуются с версией волка, хотя есть и совершенно им противоречащие?

– Верно, – согласился доктор Плаусон, – как я уже упоминал, типичны укусы, сосредоточенные в области шеи, и характер колотых ран. И тем не менее многие детали – тип повреждений, нанесенные телу тяжелые травмы, потрошение и отсутствие признаков посмертного поедания – абсолютно не типичны для нападений волков и фактически их трудно или даже невозможно объяснить.

– Мог ли такие раны нанести человек с помощью оружия, к примеру большого ножа или вил?

Медэксперт поправил сползшие на кончик носа очки.

– С такой версией можно согласиться в отношении рваных ран практически для всех разрывов тела, однако она не позволяет объяснить характер других укусов.

– Если только предполагаемый преступник сам не искусал жертву, – возразил Креншо. – Спасибо, доктор. Вам есть что добавить к сказанному?

– Пока нет. Если дальнейшие исследования выявят новые детали, я сообщу вам, конечно, незамедлительно.

Креншо кивнул и, когда доктор отошел от микрофона, сам занял его место.

– Итак. Согласно отчету доктора Плаусона, мы не можем исключить ни одной из двух возможных версий, убийцей может быть как животное, так и человек. Учитывая, что это уже третье аналогичное убийство, теперь у нас нет иного выбора, кроме как провести тщательную проверку леса. Координировать лесные поиски будет капитан рейнджеров Ханниган. Необходимо сосредоточить все силы на районе Пятиозерья и окрестностях Уединенной горы. Принимая во внимание длительные промежутки времени между самими убийствами и их обнаружениями в первых двух случаях, не говоря уже о труднодоступности местности, ранее проводились только минимальные поиски. На сей раз нам придется приложить к поискам максимальные усилия. В помощь поисковикам я вызову вертолет. Несмотря на все, что мы слышали, надо быть готовым к любому варианту – столкновениям с медведем или волком. Одновременно полицейские под моим командованием будут расследовать версию причастности к преступлению человека. Мы будем допрашивать местных жителей, поднимем криминальные архивы, изучим компьютерную базу данных

городской тюрьмы Даннеммора на предмет недавно освобожденных заключенных и проверим наличие сходных случаев преступлений. Младшие полицейские получают конкретные указания от своих непосредственных командиров и сержантов. Вопросы есть? Нет? Отлично. Тогда совещание закончено.

Рейнджеры и полицейские, переговариваясь между собой, начали расходиться, и Логан заметил, что Креншо, спустившись с трибуны, пробирается между рядами стульев, глядя прямо на него.

– Ой-ой, – пробурчал Джессап, – готов к допросу с пристрастием?

Капитан Креншо остановился прямо перед Логаном, скрестив на груди свои толстые руки.

– Что именно вы здесь делаете?

– Будучи историком из Йеля, – переводя дух, ответил Логан, – я занимаюсь исследованием...

– Ученых не приглашают на такие официальные брифинги, – невесело улыбнувшись, сказал Креншо. Несмотря на внушительные объемы, он имел на редкость маленькие, глубоко посаженные глаза, способные угрожающе сверлить собеседника взглядом. – Кроме того, мне известно о ваших исследованиях, *доктор Логан*. Я не раз видел вашу физиономию по телевизору. И могу догадаться, зачем вы явились сюда... я слышал также о некоторых разговорах, исходящих из Пиковой ложбины. Если хотите знать мое личное мнение, то вы зря тратите свое время. Никакой зверь тут не виноват, и ясно как божий день, что монстр тут тоже ни при чем. В сущности, у меня уже есть одна вполне вероятная версия относительно виновного.

– И кто же это, по-вашему? – спросил Джессап.

– Сол Уоден. – Теперь Креншо повернулся к рейнджеру: – Что касается вас, лейтенант Джессап, вы должны будете позаботиться о том, чтобы Логан не вмешивался в это дело... и не привлекал нежелательного внимания прессы. В любом случае никто его не станет привлекать к официальному расследованию. Вам ясно?

– Вполне, – ответил Джессап.

Креншо перевел взгляд с Джессапа на Логана и обратно. И, не сказав больше ни слова, развернулся и направился к группе полицейских в другом конце зала.

Джессап со вздохом поднялся со стула. Логан последовал его примеру.

– Кто такой Сол Уоден? – спросил Логан.

– Понятия не имею. Но, по-моему, нам лучше поскорее убраться отсюда, а то ведь Креншо может приказать и выпроводить тебя насильно. –

Джессап покачал головой. – Извини за этот выпад.

– Пустяки. В «Облачных водах» меня ждет научная работа... и надо еще изучить кое-что интересное.

Джессап проводил его к выходу, Логан дошел до своего арендованного внедорожника, включил зажигание и выехал в сторону «Облачных вод». Но, несмотря на новые обстоятельства, несмотря на то что он начал опять настраиваться на работу над монографией, он не мог выбросить из головы заключения медэксперта.

«...многое в этой смерти остается неясным... тем не менее многие детали... абсолютно не типичны для нападений волков, и фактически их трудно или даже невозможно объяснить».

13

Лишь спустя три дня у Логана состоялся очередной телефонный разговор с Джессапом.

– Джереми, привет! Я подумал, может, Креншо совсем запугал тебя.

– Я просто решил переждать, пока суматоха слегка не уляжется. Улеглась?

– Улеглась? Нет. Но методы стали более определенными. Креншо и его парни начали опрашивать местное население. Прием им оказали, мягко говоря, не слишком горячий, это уж точно.

– Он пытался побеседовать с Блейкни?

– Да, пытался. Очевидно, с тем же успехом, что и ты. Не знаю, как именно проходило их общение, но пока он, похоже, оставил их в покое. Выставил патруль около их ограды. Поговаривал о засылке туда разведывательного беспилотника.

Джессап грустно усмехнулся.

– А как дела у поисковых отрядов?

– Они прочесывали лес. Теперь полным ходом ведется обследование в районе Пятиозерья и Уединенной горы.

– Есть какие-то успехи?

– Ничего, кроме натертых мозолей, двух растянутых лодыжек да тяжелого случая отравления ядовитым сумахом.

– Почему они не пользуются помощью собак?

– В этих поисках от них ни малейшей пользы, – очередной грустный смешок, – они лишь поджимают хвосты да скулят. Отказываются брать след.

– А вы не общались с исследовательской группой, в которой работал этот погибший аспирант? С ними проводится еще расследование?

– Нет. Креншо побывал в их лагере в тот день после совещания. Поспрашивал их пару часов. После смерти Артовского там и осталось-то всего два человека. Учитывая обстоятельства, честно говоря, я удивлен, что они давно не свернули все свои исследования.

– То есть я мог бы нанести некоторые визиты, не привлекая внимания закона? – Логан подумал, что надо бы попытаться прояснить для себя эти «обстоятельства».

– По-моему, можешь. Сомневаюсь, узнаешь ли ты вообще что-то новое, но меня радует, что ты еще заинтересован в расследовании.

На самом деле Логана не особенно интересовало расследование. По иронии судьбы подталкивало его к выяснению всех возможных вариантов собственное неверие в местные байки о ликантропии; он понимал, что если будет бездействовать, то пострадает не только он сам, но и его необычное хобби. Поэтому, получив точные указания от Джессапа относительно выставленных полицией постов, около десяти утра он отправился в путь на своем джипе.

Первую часть маршрута он уже знал достаточно хорошо – с трассы 3 на трассу 3А, – и долгая поездка в заповедные лесные глубины теперь вызывала у него менее тревожные предчувствия, чем в предыдущие заезды. Он проехал мимо Пиковой ложбины, мимо поворота к территории Блейкни, рядом с которым на обочине стоял полицейский внедорожник, а затем, проехав еще около мили, и сам покинул щебеночно-асфальтовое шоссе 3А, свернув на ухабистую лесную просеку, похоже, углублявшуюся в лесной массив парка. После двух развилок, несмотря на инструкции Джессапа, Логан дважды поплутал. Первый раз поворот на земляную дорогу закончился непроходимыми завалами; второй раз он осознал, что выбранное направление привело его по кругу обратно к шоссе. Но в итоге ему удалось добраться до расчищенного участка, где находилась старая пожарная станция. Собственно, эта станция представляла собой разрушенную пожарную вышку, когда-то довольно высокую, но сейчас обвалившуюся; от этих развалин тянулось длинное депо пожарной команды, напоминавшее большой ангар; на участке также имелось несколько служебных построек и парковочная площадка с двумя машинами. Рядом с ангаром урчал большой промышленный генератор, запитанный от цистерны с пропаном емкостью в пять тысяч галлонов. Откуда-то издали донесся разок собачий лай.

Логан заранее провел небольшое исследование истории

наблюдательных пожарных вышек Адирондака. Первую построили в конце первого десятилетия XX века, после того как за то самое десятилетие пожар уничтожил почти миллион акров леса. В будущем воздвигли еще около шестидесяти вышек, в большинстве случаев вместе с пожарными депо. Станции действовали более полувека, прежде чем их заменили более современные технологии наблюдения. В этом районе еще оставалась пара дюжин вышек, некоторые использовались как туристические объекты, некоторые попали в Национальный реестр исторических мест США, а остальные – как эту станцию – перепрофилировали, дав новую жизнь.

Выбравшись из джипа, Джереми прошел по гравийной дорожке к старому пожарному ангару, очевидно – судя по некоторым признакам ремонта и спутниковой тарелке на крыше – центру этой научной работы. Подойдя ко входу, он постучал в дверь.

Через минуту дверь открыл молодой, слегка располневший человек в лабораторном халате. Голову его покрывала взъерошенная шевелюра, а на лице темнели телячьи карие глаза.

– В чем дело? – спросил парень, прищурившись на Логана.

– Меня зовут Логан. Вы не позволите мне зайти на минутку?

– Вы опять из полиции? – спросил лаборант.

– Нет. – Улучив момент, Логан протиснулся в ангар мимо парня. – Как вас зовут?

– Кевин Пейс, – после паузы, обведя задумчивым взглядом помещение, ответил лаборант.

– А вы здесь отлично все устроили, – заметил Логан, ничуть не погрешив против истины.

Неказистая, убогая наружность ангара разительно отличалась от внутреннего помещения, где обосновалась вполне современная лаборатория. Внимание привлекали три рабочих стола с аппаратурой; несколько просмотровых устройств с подсветкой и разнообразные оптические приборы; стойка с компьютерными серверами и разнообразными научными анализаторами; ряды пластиковых клеток для мелких животных; многочисленные стеллажи из серого металла, тщательно отмаркированные наклейками; секционный медицинский стол; и в одном углу дверь, видимо, в стерильное помещение. На ближайшем лабораторном столе поблескивала вставленная в рамку фотография: молодая женщина в обнимку с пожилым высоким седым мужчиной с бородой цвета соли с перцем, они стояли в кирпичном прямоугольнике двора, напомнившем Логану один из дворов Оксфорда. На одной стене висела доска объявлений с многочисленными приколотыми к ней мотыльками, бабочками и

небрежно нацарапанными записками. В воздухе витал слабый запах формальдегида.

– Чем именно я могу вам помочь? – спросил Пейс.

– Я тоже занимаюсь научной работой, – сказал Логан, – и живу пока, так уж случилось, в «Облачных водах» в коттедже Томаса Коула, завершая одну монографию. Я услышал о вашем научном форпосте, расположенном в этой глуши, и меня одолела любознательность.

– Понятно, – сказал лаборант.

Логан уже почувствовал замкнутость и робость парня, явно не склонного к разговорам.

– Мне также хотелось выразить соболезнования в связи с гибелью вашего коллеги. Какой ужасный конец.

Пейс кивнул.

– Насколько я понял, он тоже занимался исследованиями?

– Да.

– И давно вы здесь работаете?

– Около восьми месяцев. Исследования организовал доктор Фивербридж.

– Фивербридж? – удивленно повторил Логан. – Чейз Фивербридж?

Пейс опять кивнул. Но взглянул уже на Логана более пристально и заинтересованно.

Логан немного слышал о Фивербридже. Он считался выдающимся и крайне оригинальным во взглядах натуралистом, достаточно богатым и состоятельным, чтобы заниматься исключительно интересующими его темами и финансировать собственные исследования. Насколько помнилось Логану, он снискал дурную репутацию из-за его скептического отношения к традиционным научным представлениям.

– Погодите-ка, вы говорили, что ваша фамилия Логан? – спросил Пейс с внезапной искрой узнавания в его телячьих карих глазах.

– Да, верно.

– Доктор Джереми Логан?

– И опять верно.

– Доктор Логан, – глубоко вздохнув, озабоченно произнес Пейс, – простите мои слова, но, по-моему, мне не следует больше разговаривать с вами о нашей лаборатории. Фактически мне не следовало даже впускать вас. Этот вопрос должна решить Лора.

– Лора? – удивленно повторил Логан.

В этот момент входная дверь открылась и на пороге появилась женщина – высокая, лет тридцати, с ореховыми глазами и скуластым

лицом: женщина с фотографии. Она была в стильной водонепроницаемой куртке (компании «Барбур»), взлохмаченные ветром пряди ее светлых волос упали на лицо и рассыпались по плечам.

Она бросила взгляд на обоих мужчин.

– Я Лора Фивербридж, – сказала она Логану мелодичным контральто. – Чем могу помочь вам?

– Это Джереми Логан, – пояснил Пейс и, неуверенно помедлив, добавил: – Я... э-э... как раз собирался пойти в подсобку распаковать прибывшие вчера приборы.

И он быстро вышел из лаборатории, оставив Логана наедине с женщиной, которая, по его предположению, приходилась дочерью доктору Фивербриджу.

– Что я могу сделать для вас, мистер Логан? – спросила Лора Фивербридж.

– Во-первых, позвольте мне выразить глубокие сожаления о потере вашего коллеги. И нет, я ни в коей мере не связан с полицией.

Лаура Фивербридж кивнула. Логан сделал шаг в ее сторону. Он сумел почувствовать исходящие от нее сомнения, потрясение, настороженность и глубокую неизбывную печаль.

– Скажу вам всю правду. Некоторые люди здесь, в Адирондаке, полагают, что эти три недавние смерти – включая вашего помощника Артовского – не только трагичны, но и на редкость необычны. Меня попросили в неофициальном порядке разобраться в них. Понятно, что сейчас я пришел совсем не вовремя, но не могли бы вы уделить мне немного вашего времени... и, возможно, также вашего отца, если вы не сочтете мою просьбу чрезмерной.

Пока Логан говорил, глаза женщины сначала расширились, а потом обратно сузились.

– Мой отец умер.

– Ох, – потрясенно откликнулся Логан. – Простите, мне очень жаль. Я не слышал.

Лаура Фивербридж нерешительно помедлила. Прищурившись, она легким касанием отвела в сторону упавшие на глаза волосы. Затем кивнула в сторону двери.

– Пойдемте во двор, – сказала она, – там мы можем поговорить.

Они опустились на грубо сколоченные деревянные скамейки, стоявшие параллельно входной двери в лабораторию. Лора отстраненно смотрела в сторону леса, сцепив руки.

– Опять же, очень печально слышать об уходе вашего отца, – сказал Логан. – Мир потерял блестящего натуралиста.

– На самом деле он защитил докторские диссертации как по биохимии, так и по естественным наукам и по молодости читал лекции по обоим дисциплинам. Но вы правы... натурализм всегда оставался его первой любовью.

Последовала пауза.

– Что вы можете рассказать мне об Артовском? – нарушил молчание Логан.

– Я уже рассказала полиции практически обо всем, – сказала она. – Марк был самым преданным науке аспирантом и исследователем, какого только можно пожелать. Он был дружелюбным, знающим, увлеченным нашей работой.

– Его тело нашли примерно в шести милях к северу отсюда. Вы не знаете, почему он оказался так далеко от лаборатории?

– Всю свою жизнь Марк прожил в городе. Родился и вырос в Куинсе. Мы беспокоились, сможет ли он приспособиться к жизни в таком удаленном и диком месте. Но, как ни странно, ему здесь очень понравилось. Может, даже слишком понравилось. У него появилась страсть к лесным походам, но он не очень хорошо ориентировался, в общем, скорее даже плохо ориентировался в лесу. Дважды он забредал в какие-то дебри, сворачивая с проторенных путей, и блуждал там целую ночь. Рейнджерам пришлось спасать его. – По губам Лоры Фивербридж промелькнула унылая улыбка.

– Не завел ли он здесь каких-то врагов?

– Нет. Ни врагов, ни научных завистников... здесь определенно не было.

– А не завязал ли он какие-то знакомства с местными жителями?

– Нет, никто из нас не завел здесь знакомых. Два раза в месяц мы ездим в район озера Саранак пополнить запасы продуктов и забрать посылки с почты. Все остальное время мы живем уединенно своим коллективом.

– Могли бы вы предположить, что именно, с вашей точки зрения, случилось с Артовским?

– Что он опять заблудился... и на сей раз оказался в неудачное время и в неудачном месте. Говорят, на него напал медведь... или, может,

рассвирепевший волк. – Ее бросило в дрожь от этой мысли. – Жуть какая-то.

– Да, именно так. Жуть... и трагедия. – Логан помолчал. – Доктор Фивербридж, вы бывали в Пиковой ложбине?

– Нет.

– Вам приходилось слышать о так называемом клане Блейкни?

– Нет. Полиция задавала мне почти те же вопросы. Вы уверены, что не связаны с ними?

– Как раз наоборот. Честно говоря, доктор Фивербридж, они не обрадуются, узнав, что я пытаюсь что-то выяснить.

– Тогда зачем вам это надо?

– Как я уже упоминал, у некоторых жителей Адирондака – ответственных жителей – возникли вопросы, сомнения относительно характера смерти двух туристов, убитых в глухом лесу в нескольких милях отсюда. Боюсь, что их сомнения лишь усилились после смерти мистера Артовского.

– И именно поэтому они попросили вас заняться расследованием?

– Скажем так, мое занятие предполагает изучение тех деталей, которые выходят за рамки обычных полицейских или иных исследований.

Лаура Фивербридж ничего не сказала на такое пояснение. Она лишь тихо присвистнула, по-прежнему глядя в сторону леса. Почти мгновенно из-за какой-то постройки выбежали две холеные и мускулистые легавые. Они начали прыгать перед этой ученой свистуньей, часто дыша и повизгивая, пока она не взяла палку и не бросила ее в конец участка. Оба питомца бросились за ней, возбужденно лая.

– Красивые собаки, – оценил Логан.

– Спасибо. Тоши и Миша. Они мне почти как дети.

– Напрашивается вопрос. Это необычная обстановка для исследовательской лаборатории... мягко говоря. Насколько я понимаю, ваш отец имел средства организовать научную работу в любом интересном ему месте. Почему вы решили забраться в такую глушь, где жизнь и работа, безусловно, сопряжены с исключительными трудностями?

Лаура долго молчала. Логан понял, что ей не хочется отвечать на его вопросы. Он также почувствовал в ней какую-то внутреннюю борьбу – то ли необычайно усиленную, то ли ослабленную. С чем борьба связана, понять он не мог. Тем не менее женщина выглядела настолько ошеломленной потерей Артовского, что жила в режиме автопилота, отвечая на вопросы без раздумий.

– Вы знаете о работе моего отца?

– Вернее было бы сказать, что я знаю о его репутации.

– Тогда вам, возможно, неизвестно, что последние несколько лет жизни, в частности, он в большей степени подвергался губительному презрению, даже высмеиванию, со стороны традиционного научного сообщества. Ученые, мистер Логан, бывают неумолимы и отвратительны в своих нападках. Злорадство или приводящие в замешательство язвительные экспертные оценки, похоже, у них всегда наготове.

– Это я знаю. Знаю, в сущности, как доктор Логан. Я преподаю историю в Йеле.

– Тогда вы поймете, о чем я говорю. Отцовские теории высмеивались, в статьях его труды назывались антинаучными, даже псевдонаучными. Мой отец, доктор Логан, был достойным уважения человеком. Он очень гордился своими исследованиями. Старался не обращать внимания на злопыхательство, однако его глубоко ранила непрерывная критика. В конце концов, от возмущения он замкнулся в себе, твердо решив избегать любой публичности до завершения своих исследований. И все-таки этого оказалось мало – он стал настолько унылым и подавленным, что вскоре я стала серьезно опасаться за его здоровье. И тогда я устроила наш приезд сюда – только для отца, меня самой и наших двух аспирантов – для продолжения его научной работы в том месте, где злобным академическим нападкам будет трудно достать его.

– А что именно исследовал ваш отец? – спросил Логан. – Я знаю, что он занимался естественными науками и, пожалуй, не более того.

На лице женщины мгновенно проявилось настороженное выражение.

– Не волнуйтесь, – добавил Логан, – менее всего мне свойственно насмешливое отношение к гипотезам других ученых.

– Вы имеете в виду, что это обусловлено вашим исследованием особых деталей, «выходящих за обычные рамки»?

– Угадали. Мои побочные занятия – помимо исторических изысканий в Йеле – связаны с тем, что можно назвать энигматологией.

– Отлично, – вздохнув, сказала она, – уверена, вы поймете, если я не стану углубляться в детали. Наши исследования связаны, скажем так, с воздействием луны.

– Вы имеете в виду изучение корреляции между разными фазами лунного цикла и поведением животных?

– Вы что, слышали об этом? – изумленно взглянув на него, спросила она.

– А что вас удивляет, учитывая мое хобби? Да, естественно, предполагается наличие связи между полнолунием и усиленной

симптоматикой эпилепсии, шизофрении и так далее.

– В любом случае это упрощенное представление – и отчасти именно оно создавало моему отцу такие трудности в научном сообществе. Действительно, есть уже опубликованные монографии по исследованиям «связи психоза с лунными фазами»: всплески неустойчивого поведения, самоубийства, психиатрические отклонения, даже увеличение дорожных аварий и агрессивности собак в определенные фазы луны. Но боюсь, что наши здешние исследования гораздо менее сенсационны. Я не могу посвятить вас во все подробности. Но отчасти работа моего отца связана с составлением генетической карты, весьма подробной и полной, корреляции лунного воздействия между ночными и дневными животными. Мелкими животными типа землероек и летучих мышей. И, как обнаружилось, этот удаленный район Адирондака является идеальным не только для экспериментальных исследований, но и для наблюдений. Теперь я намерена закончить работу, которую ему уже не суждено завершить.

«Парадоксально, – подумал Логан, – но версия Джессапа и исследования доктора Фивербриджа связаны, хотя и совершенно по-разному, с одним и тем же: с лунной». Он сомневался, знал ли Джессап хоть что-нибудь о трудах Фивербриджа.

– Отчего же он умер, если вы не сочтете мой вопрос нетактичным?

– Около полугода назад он отправился прогуляться по лесу. Отец любил лесные походы и... на мой взгляд, именно благодаря ему Марк тоже пристрастился к такому бродяжничеству. Он поднялся к верхней части Краппова ущелья, взгорью меньше чем в двух милях отсюда. Должно быть, сорвался со скалы, поскольку упал к подножию водопада с высоты в несколько сотен футов.

– Какой ужас!

– Мне пришлось опознавать то, что осталось от моего бедного отца. Ничего... более тягостного мне еще не приходилось делать... – Ее голос постепенно сошел на нет.

Логан понимающе молчал. Он восхищался мужеством этой женщины, ее несомненной решимостью и готовностью поделиться с незнакомым человеком таким мучительным воспоминанием. Вернулись легавые, одна с палкой в зубах. Она положила ее к ногам Лоры Фивербридж, учащенно дыша и нетерпеливо подрагивая, и хозяйка вновь взяла палку и зашвырнула ее подальше в сторону леса.

– Как бы то ни было, но продолжение отцовских исследований кажется лучшим способом почтить его память. – Она встала. – И теперь, доктор Логан, мне пора, полагаю, вернуться к работе.

Логан тоже поднялся.

– Конечно. И мне думается, у вас достанет мужества прекрасно завершить ее. Поверьте мне, я знаю, как трудно работать, сознавая, что весь мир готов посмеяться над тобой. Вы проявили ангельское терпение, отвечая на мои вопросы. Надеюсь, вы простите меня, если я задам еще только один вопрос... и поверьте, мне не хотелось бы, чтобы вы болезненно восприняли его. Вы говорили, что привезли отца в это удаленное место, опасаясь, что академические насмешки, которым он безжалостно подвергался, могут привести его... в общем, в состояние, мягко говоря, глубокой депрессии. Можете ли вы быть уверены, что то падение со скалы было ненамеренным с его стороны?

Ореховые глаза женщины омрачились.

– Нет, – помолчав, ответила она, – я сама задавалась этим вопросом, и нет ни малейшей возможности обрести такую уверенность. Могу только сказать вам, что это уединение стало для него приятным освобождением от треволнений внешнего мира... здешняя тишина помогала ему упорядочить свои размышления. По-моему, он выглядел здесь счастливее, чем последние годы, словно обрел гармонию с собой.

– Благодарю вас, доктор Фивербридж. Я очень ценю вашу откровенность. И желаю вам всяческой удачи в завершении ваших исследований.

– Приятно было познакомиться с вами, доктор Логан.

Они обменялись рукопожатием. Лора Фивербридж удалилась в лабораторию, а Логан направился к своему джипу.

В глубокой задумчивости он проехал весь часовой обратный путь до «Облачных вод».

Следующий день начался солнечным и свежим утром, позже собрались облака, и на землю опустилась легкая туманная дымка. После ланча Логан уложил свой лэптоп и блокнот в сумку, перекинул ее через плечо и, покинув коттедж, прошел по дорожкам и через лужайку к главному корпусу. Дежурный администратор кивнул ему, когда он проходил мимо стойки. В холле стояла тишина; он почти зримо представил окружающее его роение творческой активности, усердные труды – в бесчисленных личных номерах, – в коих рождались тезисы, романы, доказывались теоремы.

В силу своего характера он уже обследовал этот корпус и даже некоторые из его обширных подвалов: обычно он чувствовал себя спокойнее, получив практические знания об окружающей его среде. Сейчас он поднялся на третий этаж и прошел по шикарному ковру коридора к центру здания, где приоткрытая дверь вела на узкую деревянную лестницу. Он поднялся по ней в клетушку, притулившуюся под самой крышей. Эта комнатка, как он узнал, известна как «гнездо Форсайта». Давно, в конце XIX века, когда «Облачные воды» еще пребывали «Домом дождевой тени», эта грандиозная резиденция служила летним домом для Уиллиса Дж. Форсайта, судоводного магната. Согласно истории, он вообразил себя кем-то вроде эссеиста или сочинителя изящной литературы и завел обыкновение подниматься в эту крошечную чердачную комнатенку, где мог быть уверен в полнейшей оторванности от земной суеты, дабы сосредоточиться на сочинительстве. Если эта тактика и сработала, то Логан не обнаружил никаких свидетельств этого: в библиотеке «Облачных вод» не нашлось ни одной книги того самого Форсайта.

Скудностью обстановки это помещение напоминало монастырскую келью, вмещающая только один стол и деревянный стул с прямой спинкой. Как он и ожидал, сейчас «гнездо» пустовало. Из единственного двухстворчатого окна открывался вид на лужайку и затуманенное озеро, и именно ради этого роскошного вида он пришел сюда: сидя утром в коттедже Томаса Коула, он вдруг почувствовал себя сдавленным окружающими деревьями, и ему захотелось большего простора для глаз, где он мог бы свободно принять решение относительно своих дальнейших действий.

Вытащив из сумки лэптоп и блокнот, он поместил их на стол, хотя сомневался, что ему понадобится оживлять в памяти какие-то сделанные в них заметки. Затем он прошел мимо стола и, заложив руки за спину, пристально глянул в окно на туманный пейзаж.

– Ладно, Кит, – прошептал он, мысленно обращаясь к своей умершей жене, – не пора ли нам проанализировать накопившиеся материалы?

Настало время сделать заключительное усилие и пересмотреть все, что он слышал, читал и наблюдал хотя бы ради того, чтобы выполнить обещание, данное его другу, Рэндаллу Джессапу.

Первое и главное: произошли три убийства. Каждое случилось в полнолуние; каждое совершено с безумной яростью; и в каждом случае остается неясным, как и чем разделались с жертвами. Третье тело, аспиранта Артовского, нашли на некотором расстоянии от двух предыдущих, но это означает лишь расширение смертельно опасной зоны. Разумно предположить, что за все три убийства ответственно одно и то же

живое существо. Сначала выдвигали версию виновности взбесившегося медведя, а недавно официальной версией стали происки волка, хотя капитан Креншо больше склонялся к убийце в человеческом облике, несмотря на явно нечеловеческую силу, необходимую для такого зверского расчленения тел.

Жители Пиковой ложбины, ближайшего к местам убийств поселения, обвиняют во всем клан Блейкни. По местному убеждению, основанному на давнем поверье, Блейкни считаются ликантропами. Вервольфами, оборотнями. Он слышал это от них, из первых уст; он слышал это и от Джессапа.

В библиотеке турбазы Саранакского озера он прочесал местные газеты за последние пятьдесят лет. Строго говоря, ему встретилось много интригующих статей, иногда помещенных на первых полосах, а иногда сокрытых в неприметных подвалах задних страниц: истории о странных наблюдениях, тяжелых травмах, наносимых животными, а изредка даже об исчезновениях охотника или рыбака – не говоря уже о четырех детях, пропавших за последние два десятилетия. Ни одно из этих исчезновений не удалось успешно объяснить, однако о клане Блейкни вообще ни в одной статье не упоминалось.

Понятно, что Джессап, работая здесь, мог подозревать нечто странное, и Логан поступил бы недобросовестно, если бы не держал в уме того, что его друг разбирался в местной жизни гораздо лучше, чем он. С другой стороны, сам он занимался множеством сходных расследований по всему миру и всякий раз слышал странные слухи, зачастую зловещие и неизменно смутные и таинственные. Крайне редко они оказывались правдивыми. Кроме того, были и другие препоны – несмотря на его работу в качестве энигматолога, когда беспристрастное восприятие являлось существенным в расследовании, почему-то само понятие ликантропии встало ему поперек горла. И не только оно, но и сами Блейкни, несмотря на проявленную лично к нему враждебность, казались попросту слишком очевидными козлами отпущения.

Показания счетчика ионизации воздуха, электромагнитного детектора и других приборов, задействованных им в разных местах, не выявили никаких аномалий. Оставалось обдумать только один пункт: тревожные ощущения, которые он с его особой чувствительностью испытывал всякий раз, продвигаясь по трассе ЗА все глубже в лесную глушь... заповедную глушь, о которой он ничего не знал, даже не подозревал о ее существовании в те времена молодости, когда по выходным совершал восхождения на главные вершины. Он мог прийти только к одному заключению: сам

Адирондакский парк полон неизведанных, неукротенных природных сил, в лучшем случае безразличных к человеку, а в худшем – враждебных. И такие неодолимые силы подавляли его обостренные способности к эмпатии, не позволяя осознать странные наблюдения или постичь странные ощущения, оставляя в нем лишь общее ощущение неведомой чужеродности, *инаковости*.

И поэтому, разумеется, он становился бесполезным для своего друга рейнджера.

Продолжая созерцать заоконный пейзаж, он вытащил свой мобильник, машинально проверил наличие сигнала приема связи – эта привычка появилась у него после блужданий по здешним дебрям – и сделал звонок.

– Джессап слушает, – ответил ему знакомый голос.

– Это Джереми.

– Привет, Джереми. Есть новости?

– Увы. За исключением того, что я все обдумал и... в общем, решил сдаться.

В ответ он услышал напряженное молчание.

– Послушай, Рэндалл. Я сделал все что мог. Поговорил с местными, изучил материалы по этим убийствам, а третью жертву лицезрел воочию. Ради тебя я старался оставаться беспристрастным. Я потратил на это дело в десять раз больше времени, чем думал, когда соглашался изучить его. Но я наткнулся на своего рода кирпичную стену.

– А как насчет Блейкни?

– Креншо уже выставил у них бдительных стражей, как ты знаешь. Дело просто в том, что мне не удалось найти никаких зацепок. Я элементарно не могу обнаружить ту мелкую улику, убедительную или сомнительную, которая дала бы мне ниточку к дальнейшему расследованию. Жаль, но придется на сей раз предоставить органам правопорядка – включая тебя – право сделать свою работу. И к тому же я теряю драгоценный интерес к проекту, ради завершения которого приехал сюда. По-моему, также Хартсхорн, здешний директор, начал подозрительно относиться к моим отлучкам. Вчера за ужином он бросил на меня весьма неодобрительный взгляд. Мне не хочется, чтобы меня незамедлительно выдворили из «Облачных вод». – Он помедлил и, вздохнув, заключил: – Прости. Я понимаю, как это важно для тебя, и мне хотелось бы сказать тебе нечто более позитивное. Но, не видя даже скромного прогресса в своих изысканиях, я просто не могу себе позволить уделить им больше времени.

– Я понимаю, – помолчав, ответил Джессап, – и ценю твои усилия... правда, ценю. Ты всячески старался помочь нам, а ведь я даже не имел

повода надеяться на это, заявившись к тебе в коттедж и восстановив нашу давно потерянную связь.

– Об этом я даже не задумывался.

Очередная пауза.

– Однако, Джереми, прежде чем ты поставишь крест на этом деле и полностью погрузишься в свою науку, не мог бы ты оказать мне последнюю услугу?

– Какую именно? – сдержанно поинтересовался Логан.

– Может, ты съездишь со мной завтра утром, чтобы поболтать с Солом Уоденом?

– Сол Уоден? – задумчиво повторил Логан. Имя показалось знакомым... и вдруг он вспомнил, от кого слышал его: Креншо упоминал его после совещания в штаб-квартире рейнджеров: «Никакой зверь тут не виноват, и ясно как божий день, что монстр тут тоже ни при чем. В сущности, у меня уже есть одна вполне вероятная версия относительно виновного».

– У меня появилась возможность заглянуть к этому Уодену, – пояснил Джессап. – Оказывается, двадцать пять лет назад он зверски убил двух человек – южнее, в Катскильских горах, не у нас, – но его сочли невиновным по причине умопомешательства и отправили в психиатрическую больницу на окраине Скохари. Примерно год назад его выпустили оттуда. Врачебное заключение свидетельствовало, что он излечился. Теперь он живет в Большом Лосе, на заповедных берегах Вороньего озера, от твоих «Вод» до этой деревушки около сорока миль.

– А какой смысл мне говорить с ним? – уточнил Логан, хотя, задавая вопрос, уже догадался, каким будет ответ.

– Смысл есть... мне нужно знать твое мнение об этом типе. Мог ли он быть нашим убийцей? Стоит ли мне поддержать Креншо и его законные подозрения? Мне необходимо знать, могу ли я раз и навсегда сбросить со счетов свои интуитивные подозрения.

Логан вздохнул. Он уделил этому делу уже кучу времени... может, сделать и одно последнее усилие.

– Ну ладно. Но учти, после этого я выхожу из игры. У меня назначена встреча в Средних веках.

– Согласен.

– Может, мы опять встретимся около главного въезда? И, если можно, пораньше, скажем, еще до завтрака? Меньше всего мне надо, чтобы Хартсхорн опять увидел, как я уезжаю куда-то с тобой.

– Я подъеду туда к половине седьмого.

– Договорились. И кстати, Рэндалл... Излечился там это Уоден или нет,хвати с собой на всякий случай личное оружие... ладно?

– Иначе и быть не может. Пока, увидимся утром. – На этих словах связь оборвалась.

16

– Что именно ты узнал о Соле Уодене? – наконец спросил Логан.

Они ехали уже больше часа, изредка перебрасываясь случайными фразами. Джессап выглядел напряженным, и Логан вполне мог его понять: сам он тоже испытывал смятение, словно они нацелились на то, что лучше всего оставить в покое, и уже не раз он пожалел, что согласился на сегодняшний визит.

– Вчера вечером я перечитал его досье, – ответил рейнджер. – Вон оно лежит между креслами, если захочешь взглянуть.

– Предпочитаю услышать детали от тебя.

– Уоден вырос в захолустном районе в окрестностях Катскильского хребта. Мягко говоря, его социальное общение оставляло желать лучшего. Родители грубо обходились с ним, особенно отец, который исчез, когда Уодену было около семи лет. У ребенка проявились эмоциональные проблемы, ошибочно принятые за умственную отсталость, – мать, видимо, ненавидела его за это и по достижении парнем половой зрелости сочла, что может больше не пытаться дать ему образование. По существу, выгнала его из дома. Большую часть времени он проводил один в лесу, где его состояние ухудшилось. В итоге, дожив до двадцати лет, он убил двух человек топором... изрубил их на куски. Одной жертвой стал молодой парень, турист, который случайно забрел в лесную хижину, сооруженную для себя Уоденом. Дело происходило в полнолуние. Второй жертвой стала семнадцатилетняя девушка, работавшая в прачечной самообслуживания на окраине какой-то деревни, когда возвращалась на велосипеде домой после работы. Это произошло на четыре дня позже, ранним вечером, когда луна уже начала убывать. Когда Уодена схватили – он не пытался оказать сопротивления аресту, – он нес какой-то бред о преследовании, о голосах, что-то нашептывавших ему по ночам, о том, что два убитых существа, «посланники дьявола» и явились украсть его душу.

– Мания преследования, – предположил Логан, – слуховые галлюцинации. Похоже на случай параноидальной шизофрении.

– Такое же заключение вынес суд. Его признали невиновным по

причине невменяемости и отправили в лечебное учреждение на юге штата. Как я уже упоминал, около года тому назад его условно освободили. Положенный срок за ним велся тщательный надзор, после которого его сочли здоровым. Тогда-то, полгода назад, он перебрался в эту глушь.

В ту самую глушь.

От озера Таппер они свернули на юго-западную трассу и со временем доехали до совершенно неведомого Логану леса. Деревья в нем росли на редкость густо, их шишковатые и искривленные стволы, казалось, изуродованы свое-образным артритом; еще оставшаяся на тощих ветках листва почти почернела. По природе здесь стоял листопадный лес, лишь изредка доносился приятный аромат от одиночных, высоких и величественных сосен, которые преобладали в лесных массивах, окружавших «Облачные воды». То и дело между стволами проглядывали болота или озерца: засоленные, унылые и такие же темные, как окружавшие их тщедушные деревца. Он давно не замечал никаких признаков обитаемого жилья, они проехали только мимо какой-то колымаги – обшарпанного пикапа образца 1950-х годов прошлого века. Дорога здесь была еще хуже, чем за Пиковой ложбиной, внедорожник Джессапа так трясся, подпрыгивал и дребезжал, словно в любой момент мог развалиться на запчасти.

– Где это мы проезжаем? – спросил Логан.

– По дебрям Вороньего озера.

В салоне машины вновь повисло затяжное молчание.

– Как случилось, что ты не знал о появлении этого типа в вашем парке? – в итоге спросил Логан. – На мой взгляд, это относится к категории новостей.

– Свой срок заключения и реабилитации он прожил далеко отсюда, на юге штата. Когда закончилось время его условного освобождения, он уехал на север... втихаря, не привлекая внимания. Словно хотел убраться как можно дальше от людей и всей цивилизации. Но, как бывшему заключенному, ему следовало сообщить новый адрес проживания в контору совета по условно-досрочному освобождению. Подозреваю, что Креншо предупредили его южные дружки. В полиции штата все знали, но не удосужились известить нас. Не забывай – нас, рейнджеров, здесь очень мало. Всего около сотни на весь штат. Нам не под силу все знать, за всем уследить.

– Кстати, говоря обо всем, как продвигается расследование?

– Хуже некуда, – скривившись, оценил Джессап, – нам пришлось призвать на подмогу рейнджеров с четырех разных участков. И мы не

обнаружили ничего – ни медведей, ни волков, вообще никаких следов. Через денек-другой нас собираются отозвать... иначе, по-моему, народ взбунтуется.

– Полагаю, что Креншо и сам уже поговорил с Уоденом?

– Пару раз. Очевидно, их беседы прошли без особого успеха. Парень по-прежнему главный подозреваемый. Сейчас Креншо просто дожидается, что он совершит ошибку, надеется, что он предпримет очередную попытку.

Далеко впереди показался припаркованный на обочине полицейский внедорожник, слегка скрытый листвой.

– Нам надо быть осторожными, – сказал Джессап, – пригнись к полу.

– Зачем?

– Креншо выставил кордон вокруг жилья Уодена. Но не прямо у него под носом – вероятно, понял, что не стоит тревожить подозреваемого. Честно говоря, я предпочел бы, чтобы Креншо не знал о том, что я привозил тебя сюда.

Логан послушно сполз с сиденья и спрятался. Машина медленно ползла вперед, потом остановилась.

– Доброе утро, офицер, – услышал он голос Джессапа.

– Лейтенант, – донесся резкий ответ с обочины.

– Далеко ли еще до его лачуги?

– С четверть мили. Сразу за поворотом.

– У нашего капитана появилась пара вопросов, и она послала меня задать их Уодену. Не волнуйтесь, они не спугнут его. Дело пары минут. У вас здесь дежурство? Если что, я дам вам знать.

– Ладно.

– Спасибо.

И машина медленно покатила дальше. Скорчившегося на полу Логана теперь трясло гораздо сильнее. Он почувствовал, как внедорожник сделал поворот, съехав в какую-то весьма глубокую колею, и остановился.

– Прибыли, – сказал Джессап, – можешь вылезать.

Логан облегченно выпрямился, открыл дверцу и выполз на землю. Сначала он увидел перед машиной лишь непроглядный бурелом, поросший кустами и папоротниками. Потом в темно-буrom хаосе он разглядел кособокую, похожую на пещеру лачугу, видимо, ее соорудили из подручных лесных материалов, подобно тому, как грызуны, устраивая нору под корнями дерева, натаскивают в нее мох и листву. Единственная низкая стена из подгнивших необработанных жердей служила как фасадом, так и подпоркой от обрушения наломанных ветвей, образующих крышу. За внедорожником Логан разглядел подобие изгибающейся дорожки – скорее

просто травянистой тропы, – терявшейся в расплывчатом лесном полумраке.

Джессап с предостерегающим и в то же время ободряющим видом кивнул Логану, проверил свое оружие и двинулся вперед. Логан последовал за ним.

Подойдя к входной двери – шатко закрепленной на косяке кожаными петлями, – Джессап поднял руку, собираясь постучать. Но Логан остановил его, выступил вперед и тихо стукнул разок по хлипкой двери.

– Мистер Уоден? – произнес он. – Сол Уоден?

Никакого ответа из-за двери они не дождались.

– Меня зовут Логан. Джереми Логан. Я не из полиции. Мне просто хочется поговорить с вами минут пять.

По-прежнему тишина.

– Понимаете, Сол, мне нужна помощь... и, по-моему, вы могли бы помочь мне. Не могли бы вы позволить мне войти на минутку? Пожалуйста!

Еще около минуты тянулось безответное молчание. Потом изнутри донеслись звуки быстрых шагов, и дверь со скрипом приоткрылась. Из домашнего мрака выглянули два горящих, как тлеющие угли, глаза.

– Меня зовут Джереми, – повторил Логан. – Можно мне зайти к вам на минутку? Обещаю, что не задержу вас надолго.

Мужчина нерешительно медлил. Потом приоткрыл дверь пошире. Шагнув в лачугу, Логан почтительно кивнул. Джессап последовал за ним.

Сол Уоден оказался низким, коренастым, очень крепкого телосложения человеком. Лицо его обрамляла всклокоченная борода, а спутанные волосы рассыпались по плечам. Внимание привлекали глаза: блестящие, настороженные. Они встревоженно расширились при виде вошедшего рейнджера. Старая одежда хозяина лесной хижины истрепалась почти в лохмотья, но выглядела чистой. То же самое можно было сказать о его жилище: когда зрение освоилось в полумраке, Логан увидел, что сплетенная из ветвей и обмазанная глиной крыша над их головой сходится к вытяжному отверстию, а для поддержки стен слева и справа установлены дополнительные жерди. Свет давала керосиновая лампа, висевшая на деревянном крючке, вделанном в скошенный потолок, который понижался к задней части этой единственной комнаты, так что в дальнем конце передвигаться, видимо, приходилось в полусогнутом состоянии. Постель представляла собой оборванный и потрепанный тюфяк без всякого одеяла. В доме витал неприятный застоявшийся запах. Вдоль одной стены почти до потолка громоздились ряды консервных банок. Обстановку составляли

всего два деревянных чурбана разного диаметра. Похоже, Джессап верно оценил ситуацию: Уоден определенно стремился удалиться как можно дальше от цивилизации. На полу валялось множество пузырьков клозапина^[22], как пустых, так и еще неоткрытых.

– Что вам нужно? – спросил Уоден. – Я ничего не делал.

– Я знаю, – спокойно и мягко ответил Логан. – Можно нам присесть ненадолго? – И он показал на деревянные чурбаны.

– Я ничего не делал, – повторил Уоден. – Те полицейские уже надоели мне. А я ничего не делал!

За время этого короткого объяснения его голос набрал пронзительную силу, глаза расширились и выпучились. Логан осознал, что для осуществления их задачи остается совсем мало времени.

– Я занимаюсь научными исследованиями, – сообщил он все тем же успокоительным тоном, опустившись на один из чурбанов, – изучаю историю. И не имею никакого отношения к делам полиции.

Он уже почувствовал, что ничего не узнает от Уодена о недавних убийствах вне зависимости от того, виноват ли он в них или не виноват. Он мог лишь надеяться на проникновение в психику этого человека, попытку приоткрыть оконце в сумрак его души.

Тогда, медленно и подозрительно, Уоден опустился на другой чурбан. Пару раз его взгляд нервно метнулся к Джессапу, который, поддерживая видимость спокойствия, стоял возле двери, опустив руки и держа наготове лишь свой вездесущий ежедневник.

– Сол, – начал Логан, – я знаю, что вы сделали. Но это же было очень давно. А теперь вы чувствуете себя лучше. Вы выздоровели. Вы принимаете лекарства. И я пришел сюда не для того, чтобы осуждать вас. Мне просто нужно... понять. Видите ли, у меня есть определенные способности, – он тщательно выбирал слова, сознавая, что Уоден страдал от мании преследования, – и, возможно, я даже смогу вам помочь. Мне лишь нужно от вас небольшое содействие. Можно я возьму вас за руку?

Уоден удивленно вздрогнул. Его руки сжались в кулаки.

– Это помогает мне понять собеседника. Благодаря контакту мне не придется ни о чем вас спрашивать, а вам не надо будет ничего говорить. Совсем ничего. Я понимаю, это звучит странно, но доверьтесь мне.

С ободряющим видом он медленно вытянул вперед руку с открытой ладонью.

Успокаивающий и ровный голос, медленные жесты Логана достигли желаемого результата. По-прежнему выглядя встревоженным, Уоден тем не менее разжал кулаки. Медленно, словно приближаясь к раскаленной плите,

он тоже вытянул руку навстречу. Логан отметил, что и рука сама была чистой, хотя под ногтями темнел чернозем.

Логан мягко накрыл руку Уодена своими руками.

– Сейчас, Сол, я попрошу вас об одной последней помощи – всего одной. А потом я уйду и больше не потревожу вас. Мне нужно, чтобы вы подумали о прошлом... о вашей прошлой жизни... о тех плохих поступках, которые вы совершили.

На лице Уодена отразилась сильная тревога, он попытался выдернуть руку. Но Логан не позволил ему, мягко, но твердо удержав ее.

– Просто подумайте немного о прошлом. О том, что случилось... и почему.

Уоден взглянул на него. И внезапно Логана захлестнула такая мощная волна эмоций, что он едва не свалился с чурбана. Его затопило ощущение страха, порожденного тем, что больной никому не мог верить: все вокруг него желали ему зла, извечные тревоги и бессонница и не покидавшие его голоса – те самые нашептывающие голоса постоянно насмеялись над ним, предостерегали и командовали. Логана до глубины души пронзило ощущение опустошительного одиночества, реального безнадежного отчаяния; такой обреченной безысходности он еще никогда не испытывал. Эти внутренние голоса становились все громче и требовательнее; из какой-то туманной дали выплыл топор, возникло ощущение его успокаивающей и надежной весомости в руках... внезапное вынужденное действие, разрозненные голоса, пронзительные мучительные крики, сменившиеся ликованием. Но вскоре голоса опять начали свое монотонное нашептывание... и вновь окутывающий всеобъемлющий мрак...

Впервые, насколько ему помнилось, Логан отдернул руку во время эмпатического сеанса. Неохотно он взглянул на Уодена. Мужчина пристально смотрел на него. Тревога покинула его глаза, теперь их взгляд стал странным, почти интимным, словно они поделились сокровенной тайной, словно часть Уодена теперь стала частью Логана и уже никогда не покинет его.

Потрясенный, Логан с трудом поднялся на ноги.

– Благодарю вас, – умудрился вымолвить он, – теперь мы оставим вас в покое.

Возле двери Логан пошатнулся, и Джессап помог ему дойти до машины и забраться в нее, где он опять скрючился на полу, пока они проезжали мимо полицейских. Потом рейнджер остановил внедорожник, помог Логану нормально сесть и, накинув на него ремень безопасности, защелкнул его.

На обратном пути к «Облачным водам» Джессап мудро хранил молчание, дожидаясь, пока Логан придет в себя и осмыслит новую информацию. Только перед самым въездом на территорию «Облачных вод» он остановил машину на обочине и взглянул на друга с немим вопросом во взоре.

Логан тоже посмотрел на него.

– Я расскажу тебе то, что испытал, – сказал он, – но только один раз. Ради бога не проси меня ничего повторять. Мне и так будет трудно забыть об этом.

Джессап кивнул.

– Я почувствовал непреодолимый страх. Почувствовал тяжело больной, извращенный ум. Почувствовал ярость... дикую ярость. Но эта ярость показалась мне... очень давней. По-прежнему живой в его душе... но давней.

– Мог ли Уоден совершить эти три убийства? – тихо спросил Джессап.

– Не знаю. Не могу исключить такой возможности. Как я сказал, все его чувства уходят в давнее прошлое... ничто в них не связано с недавними убийствами. Однако в его прошлом так много безумного насилия, что я ни в чем не могу быть уверенным. Возможно, его хорошо подлечили, как сказано в официальных бумагах. Очевидно, они полагают, что он больше не способен на убийство, иначе они не отпустили бы его досрочно. Но лично я полагаю, что он способен... и опасен.

Джессап опять кивнул.

– Спасибо тебе, Джереми, – вздохнув, заключил он, – за все, но особенно за эту встречу. Я не стал бы просить о ней, если бы знал, каким тяжелым испытанием она обернется для тебя. Может, все-таки прав Креншо. В любом случае теперь я могу принять решение, что делать дальше. Довезти тебя до базы?

– Нет, спасибо. Я предпочитаю прогуляться, если не возражаешь, чего и тебе желаю.

– Конечно. Я позвоню через пару дней. Можем опять вместе поужинать... без всяких деловых разговоров, обещаю.

– Договоримся.

Логан вылез из машины, подождал, пока она скроется за поворотом шоссе, и с трудом двинулся по подъездной дороге к «Облачным водам».

Медленно переставляя ноги, Логан пытался совладать с охватившим его жутким смятением. Обладая повышенной чувствительной способностью, он пережил в прошлом много неприятных столкновений – хотя мало таких тревожных, как с Солом Уоденом, – и сейчас, ковыляя по дорожке, он выполнял психологические упражнения: по возможности спокойно и разумно он последний раз прочувствовал недавнее переживание. А потом, вполне обдуманно, сложил его в шкатулку памяти, закрыл ее на ключ и убрал в дальний угол своего сознания, где – следует надеяться – она и останется, не тревожа его своими видениями.

Свернув на тропу к своему коттеджу, Логан глянул на часы. К его удивлению, было всего лишь без четверти два. Он чувствовал себя совершенно разбитым; ни о какой работе сегодня не могло быть и речи. Пройдя мимо коттеджа Альберта Бирштадта, мимо коттеджа Уильяма Харта, он наконец повернул к своему собственному домику. И там остановился в озабоченном удивлении. На его крыльце кто-то сидел. Он узнал Пейса, лаборанта, с которым встречался на днях; парня, работавшего с Лорой Фивербридж.

«Что же, черт возьми, ему-то от меня нужно?» – с тоской подумал Логан. Понятно, что этот парень не вздумал вдруг заехать в «Облачные воды» с ответным, пусть и несогласованным, визитом вежливости. Меньше всего сейчас он нуждался в каком-то общении: в данный момент ему хотелось просто зайти в дом, выпить чего-нибудь покрепче, несмотря на ранний час, улечься на диван и закрыть глаза. Но, собравшись с силами, он постарался придать своей походке легкую упругость и приблизился к коттеджу. Поднос с его ланчем, как он заметил, оставили, как обычно, слева от двери под парой крышек из блестящей нержавеющей стали.

– Кевин Пейс, верно? – сказал он лаборанту, вставшему при его приближении.

Пейс кивнул.

– Давно ждете?

– Да с полчаса. – Парень попытался пригладить свои взъерошенные мышиного цвета волосы. – Извините, что побеспокоил вас. Я вспомнил, как вы говорили, что остановились в хижине Томаса Коула, и блуждал здесь, пока не нашел ее. – Он выглядел взволнованным, бросал беспокойные взгляды по сторонам, хотя никого, кроме них, возле дома не наблюдалось. – Простите, но не могли бы вы позволить мне немного поговорить с вами?

– Конечно. – Постаравшись не выдать своего замешательства, Логан открыл ключом дверь, предложил гостю войти и, взяв поднос с ланчем, последовал за ним.

– Присаживайтесь где хотите, – сказал он, унеся поднос на кухню и вернувшись в гостиную.

Пейс устроился на угловом диване, и Логан опустился в кресло напротив него. Лаборант облизнул губы, вытер руки об джинсы. Не требовалось повышенной чувствительности, чтобы заметить расстройство, возможно, даже страх этого парня.

– Пожалуй, вам лучше рассказать, что я могу для вас сделать, – сплел пальцы и положив руки на колени, предложил Логан, чуть подавшись вперед.

Но, несмотря на то что он проехал всю дорогу от исследовательской станции, а потом еще ждал полчаса Логана на крыльце, лаборант, казалось, не спешил высказаться – или, вероятнее всего, не знал, с чего начать. Он прочистил горло, взглянул на Логана своими робкими глазами и глубоко вздохнул.

– Все в порядке, – подбодрил его Логан. – Что бы там ни было, я уверен, что мне приходилось слышать и более удивительные истории.

Пейс еще раз глубоко вздохнул.

– Много ли доктор Фивербридж рассказала вам о нашей работе?

– Она пояснила, что вы изучаете влияние лунных фаз на поведение мелких грызунов.

– Верно, – медленно кивнув, признал Пейс, – это заняло больше времени, чем ожидалось... все пошло медленнее, конечно, после смерти ее отца. В любом случае сам я проводил наблюдения за *Peromyscus maniculatus* и *Blarina brevicauda*.

– Извините, не понял?

– Ох, простите. – Пейс вдруг улыбнулся, впервые за короткое знакомство с Логаном. – За оленьим хомячком и северной короткохвостой бурозубкой. Особенно я наблюдал за бурозубками в связи с их морфологическими изменениями в периоды снижения активности – зубы, черепа, даже внутренние органы значительно уменьшаются. Среди прочего я пытался определить, можно ли стимулировать такие изменения при каких-то условиях, помимо погодных.

– Надо же, как интересно, – подбодрил его Логан.

– Да, я изучаю грызунов... впрочем, формально бурозубки не относятся к грызунам... в различные фазы луны я наблюдаю за ними и в лаборатории, и в естественной среде как в дневное, так и в ночное время.

Логан кивнул. Создавалось впечатление, что Пейс кружит вокруг да около, не желая переходить к сути дела.

– Большинство ночных наблюдений я проводил в «загоне»... так мы

называем небольшой огороженный участок, примыкающий к задней стене нашей основной лаборатории. На самом деле именно там... в общем, я начал слышать странные звуки.

– Звуки?

– Да, странный шум по ночам. Бормотание, перешептывание, иногда приглушенные удары. Я не особо любил углубляться в эти леса... в отличие от Марка Артовского, он-то стремился к ним, как рыба к воде... И поначалу я просто списал это на разыгравшееся воображение. А потом увидел огни.

– Где?

– Трудно сказать, учитывая, какие там дебри. Но они, казалось, исходили со стороны старой постройки.

– Постройки пожарной станции?

– Да, мы никогда не использовали то помещение, – кивнув, добавил Пейс, – дом находится слишком глубоко в лесу, к югу от нашей лаборатории.

– Когда вы впервые заметили их? – спросил Логан.

– Трудно сказать наверняка, – немного подумав, признался лаборант. – По-моему, примерно в то время, когда обнаружили тело второго туриста. Но, возможно, и раньше. – Он помедлил. – Я старался не думать об этом, винил во всем повышенную раздражительность от нашего уединенного существования. Может, и оно тоже сыграло роль. Но после того, что произошло с Марком... я почувствовал, что должен кому-нибудь рассказать об этом. Я не мог больше держать это в себе.

– А почему вы не рассказали полицейским? – спросил Логан.

Вполне справедливый вопрос: ведь копы заходили в лабораторию уже после обнаружения тела Артовского.

– Я хотел, поверьте. Но это же такая невнятная, неубедительная история... Я подумал, что меня сочтут идиотом. А если и нет, то они могли начать рыскать по всей нашей лаборатории, еще больше вмешиваться во все наши исследования и... и задавать еще кучу вопросов. – Видимо, представив себе такую ситуацию, Пейс еще больше встревожился. – А как раз этого мне хотелось меньше всего. Не хотелось больше никаких осложнений.

– А потом вы зашли в лабораторию. – Неожиданно парень взглянул прямо на Логана. – Вы упомянули о научной любознательности... и желании выразить соболезнования. В качестве причин для вашего визита. Но я-то узнал вас. Я смотрел документальный фильм по телику, где вы рассказывали о снежном человеке. Тогда я заподозрил, какова реальная

причина вашего прихода в нашу лабораторию... и, подумав об этом, осознал, что лучше всего рассказать обо всем именно вам.

Логан сдержанно промолчал. «Хорошая реклама», – удрученно подумал он.

Пейс опустил взгляд на руки.

– Я просто понял, что в этих дебрях происходила какая-то жуткая чертовщина. И поскольку я слышал и видел что-то странное... да еще немного знал о ваших исследованиях... в общем, я прикинул, что вы будете более восприимчивы, чем копы или рейнджеры. Вот и все.

Логан помолчал, потом кивнул.

– Понятно.

– И что вы собираетесь делать? – спросил Пейс.

– Делать? Ну, в данный момент я собираюсь выспаться. – И он встал. – Спасибо, что заглянули ко мне. Я понимаю, как сложно вам было решиться облегчить душу, поделившись такими сведениями. Но, надеюсь, теперь вам станет легче.

Он улыбнулся и протянул лаборанту руку.

Пейс непонимающе прищурился. Потом внезапно вскочил с дивана и пожал протянутую руку.

– Спасибо, – сказал он, но через мгновение тревога опять омрачила его лицо. – Вы не скажете полиции о том, что услышали что-то от меня?

– Услышал? Этого разговора никогда не было.

Пейс кивнул, и Логан проводил его к двери.

– Повнимательней следите за дорогой. И удачи вам в исследованиях.

Прищурившись, Пейс вновь кивнул. Потом развернулся и поспешил по дорожке в сторону парковочной площадки.

Два следующих дня Логан усердно трудился над своей монографией. Вот только при всем старании не смог достичь особого прогресса. Потратил кучу времени на проверку первоисточников, которые уже вполне удовлетворительно проинспектировал; перечитывал отрывки, которые ранее отредактировал и считал безукоризненными. Также слишком много времени занимало у него созерцание растущих за окном деревьев и размышления об успехах, достигнутых в окружающих его коттеджах: Дайан Кернс, абстрактная художница, усиленно трудилась над незавершенными композициями под номерами семьдесят четыре и

семьдесят пять; Рудольф Цейсс писал свой одночастный концерт для фортепиано со струнным оркестром.

Постепенно Джереми осознал причину такой рассеянности: ему не давал покоя Кевин Пейс с его рассказом о странных голосах и огнях в лесу за пожарной станцией. Сколько Логан ни твердил себе и Джессапу, что он закончил попытки расследования этих убийств и как бы ему ни хотелось в это верить, он понимал, что потратил уже так много времени и размышлений на расследование, что не успокоится, пока не проверит и этот след тоже. Может, все объяснится какой-то ерундой, почти наверняка ерундой... и однако такое совпадение – необъяснимые подозрительные дела около лаборатории, где работала последняя жертва, к тому же неподалеку от Уединенной горы, – как подсказывало ему шестое чувство, нельзя просто так игнорировать.

И поэтому на второй день после ужина он забрался в арендованный джип и выехал из «Облачных вод», направившись по трассе 3 в сторону Пиковой ложбины. Сознывая всю непривлекательность перспективы поездки по здешним глухим лесам после наступления темноты, он помнил, однако, о том, что Пейс слышал эти голоса только по ночам. Помимо того, не имея достаточной причины для посещения пожарной станции в первый раз, он не мог теперь придумать никакого предлога для появления там со своими поисками при дневном свете во второй раз. Скорее всего его и на порог-то не пустят; наверняка эту постройку тоже арендовали Фивербриджи. Он мог просто прогуляться вокруг, тщательно все осмотреть и уехать. И тогда, вполне вероятно, окажется способен сосредоточиться на своей научной работе.

Даже днем эти леса выглядели достаточно таинственными и густыми; а вечером ему казалось, что он углубляется в какие-то бесконечные живые дебри. Его окружала чернота, пугавшая своей полнейшей непроницаемостью. Навстречу ему не попало ни одной машины; как будто он остался один на неведомой поросшей диким лесом планете. Следя за дорогой, Джереми старался не вспоминать о Соле Уодене и том ожесточенном и мучительном неистовстве, которое почувствовал в душе этого бедняги. Он старался думать о Пейсе. Упорно убеждал себя, что из этой бесплодной затеи ничего не выйдет... что он лишь зря потратит время из-за разыгравшегося воображения парня, напуганного глухими лесами и недавними убийствами. И тем не менее его мысли упорно возвращались в одному вопросу, оставшемуся незадачным в его разговоре с Пейсом, вопросу, который, по крайней мере отчасти, побудил его пуститься в это ночное приключение: «Почему вы не сообщили о том, что слышали Лоре

Фивербридж?»

Заметив перекресток с трассой 3А, он проехал мимо поворота к Пиковой ложбине и к поселению Блейкни, а потом, резко сбросив скорость, свернул налево с шоссе и принялся петлять по узкой земляной дорожке, все глубже продвигаясь в лес. На сей раз, к огромному облегчению, ему удалось не заблудиться – этот путь был еще свеж в памяти, – и вскоре сквозь густое сплетение ветвей он разглядел слабый свет. В то же мгновение он выключил фары, остановил джип и заглушил мотор. Посидев еще немного в машине, прислушивался к пульсациям охлаждающегося мотора. Затем, вооружившись спутниковым навигатором и взяв с пассажирского сиденья мощный фонарь, открыл дверцу, выскользнул из машины и как можно тише закрыл ее.

Он немного постоял в темноте, вдыхая влажный ночной воздух. Сквозь сплетения ветвей над его головой слегка проглядывала бледная луна, еле заметная за темными кучевыми облаками. Раздался громовой раскат. У Джереми появилось смутное ощущение какой-то порочности; какого-то порочного отклонения от природного порядка. Но такое ощущение здесь, за Пиковой ложбиной, в окрестностях Пятиозерья... и поселения Блейкни, у него появлялось всегда.

Луч его мощного – в восемь тысяч свечей – фонаря был исключительно ярким, и Логан перевел регулятор в минимальное положение. Направив фонарь на землю, он включил его ненадолго, только чтобы определиться с направлением пути. Он глянул на свои часы: половина одиннадцатого. И наконец, глубоко вздохнув, он двинулся вперед. Оттуда доносились повизгивания и лай собак. Ночной ветерок дул ему в лицо, значит, их не могло встревожить его приближение. Он надеялся, что легавые сидят на привязи; если же они на свободе, то его ночная эскапада могла закончиться преждевременно.

Медленно продвигаясь дальше, он то и дело включал фонарь, чтобы сориентироваться – слабые огни лаборатории стали ярче. И вот он вышел из леса. Обвалившаяся пожарная вышка походила на обрубок пронзившего ночное небо черного пальца. Здание основной лаборатории стояло темным, за ним тихо урчал генератор. Свет, на который он шел, как оказалось, исходил от дома на дальней стороне парковочной площадки; очевидно, там находились жилые комнаты. Там, за одним из занавешенных окон, он разглядел чей-то двигавшийся силуэт. Нерешительно помедлив, он прикинул, как лучше действовать дальше. В итоге, держась ближе к деревьям, Логан начал обходить по краевой дуге полукруглый участок станции в дальнем конце от жилого дома. Он прошел мимо пожарной

вышки и лабораторного ангара, мимо нескольких небольших построек – темных и в основном совсем ветхих и закрытых ставнями. Луна уже полностью скрылась за тучами, изливая лишь тусклый свет, и ему пришлось теперь пользоваться фонарем чаще, чем когда он пробирался по чащобе по колено в траве и подлеске. Минут через пять он достиг дальней стороны участка. Отсюда он смог разглядеть своеобразную исследовательскую землянку – сооружение, названное Пейсом «загоном», за ним темнел какой-то склад; а наискосок оттуда тянулась длинная цепь, на которой, к его большому облегчению, сидели обе собаки. Он даже разглядел их темные фигуры, бегавшие туда-сюда и поскуливавшие. Полностью проигнорировав его появление, они смотрели, очевидно, испуганно в противоположном направлении.

Джереми вновь помедлил, оценивая обстановку на местности. Пейс говорил, что огни и звуки доносились из старого сарая в глубине леса к югу от лаборатории. Он осторожно двинулся вдоль южной кромки деревьев, остановился, осознав, что луна вдруг выглянула из-за туч. Тогда он разглядел еле намеченную тропинку, уходившую в лес со станции. Жилой дом уже скрылся за постройками, и он, рискнув вновь включить фонарь, быстро заметил, в какую сторону изгибается лесная тропка. В лесу наблюдалось полное спокойствие, нарушаемое лишь шелестевшим листвою ветром да беспокойной возней собак... Однако... не слабый ли свет мелькает там вдали между деревьями? И не оттуда ли доносится тихое бормотание голосов: похоже, там разговаривают два человека? Логан пустился в путь по этой узкой тропе, пользуясь фонарем еще чаще, чем на участке станции или в чащобе. И вновь до него донеслись голоса: низкий, вроде бы мужской и более высокий – женский.

Неожиданно ветер сменил направление, и тут же тихий скулеж собак сменился яростным лаем: они почуяли его запах. *Черт*. Логан быстрее устремился дальше по тропе, надеясь удалиться за пределы их обоняния, но громкий лай продолжался еще несколько минут, а потом наконец затих. Тогда Джереми тоже затаился, прислушался. Тишина: голоса умолкли, остался только тихий шелест ночного леса. Да и слышал ли он их или его, как и Пейса, подвело воображение?

Впереди царил крошечная непроглядная тьма, и теперь уже Логан постоянно пользовался фонарем, направляя его луч на узкую извилистую тропку. Через минуту впереди между деревьями замаячили очертания какой-то постройки: длинное, низкое, обветшалое сооружение под жестяной крышей и, вероятно, с полудюжиной окон, закрытых чем-то вроде толстой подгнившей мешковины. Перед домом виднелся небольшой

расчищенный от леса участок. Он не представлял, для чего изначально могла предназначаться такая постройка – может, спальня барак или общая столовая – и зачем ее соорудили прямо в лесу? Ясно было лишь то, что она выглядела таинственно темной и необитаемой.

Луч фонаря пробежал по всему зданию из конца в конец. Здесь ли находился источник света и голосов, о которых говорил Пейс? Вполне вероятно: именно здесь заканчивалась узкая тропа, около единственной двери этого барака.

Логан постоял, напряженно прислушиваясь, но тишину нарушало лишь отдаленное повизгивание собак. Он приблизился к двери и взялся за старинную ручку.

Дверь оказалась открытой. Он опустил ручку и, толкнув дверь, вступил внутрь. Закрыв за собой дверь, он осветил фонарем помещение.

Увиденное стало для него откровением. Вместо ожидаемой старой рухляди – столов и скамей, покрытых паутиной и мышинным пометом, – в этом ветхом бараке оборудовали небольшую лабораторию. Она казалась беспорядочно укомплектованной, но тем не менее приборы в ней выглядели еще более современными, чем в главной лаборатории, где трудились Лора Фивербридж и Пейс. Луч фонаря скользнул по автоклаву, центрифуге, двум видам сложных микроскопов, масс-спектрометру, прибору для ультрафиолетового просвечивания флуоресцирующих в свете или поглощающих свет объектов, аппарат, похожий на капиллярно-гелевый секвенсер ДНК, и много другой аппаратуры, незнакомой Логану. Дверь в дальней стене вела, видимо, в другое помещение, в котором он разглядел лишь узкую кровать. Как и в основной лаборатории, здесь имелись клетки для мелких животных – мышей, бабочек, гусениц, саламандр, – стоявшие на деревянном стеллаже. Очень большой в форме барабана светильник с защитной сеткой, выглядевший как оборудование фотолаборатории или киностудии, крепился к колесной стойке, но в комнате имелось и другое оптическое оборудование. Тем не менее все здешние научные приборы явно имели более узкую медицинскую специфику, чем в главной лаборатории.

Внезапно Логан застыл на месте. Луч фонаря замер, высветив две фигуры, тихо и недвижимо стоявшие в углу помещения. В одной из них он узнал Лору Фивербридж. Она держала в руке дробовик, нацеленный на Логана. Рядом с ней стоял пожилой мужчина, очень высокий и сухопарый, с бородой цвета перца с солью и копной белоснежных волос, фото этого мужчины Логан видел на лабораторном столе. Чейз Фивербридж. Отец Лоры – разбившийся насмерть во время прогулки полгода назад.

Мгновение все трое стояли как заворуженные. Потом Лора медленнo опустила дробовик.

– Доктор Логан, может, вы перестанете слепить нам глаза вашим фонарем? – спросила она.

Логан отвел луч в сторону. Послышался очередной отдаленный раскат грома.

Теперь Логан понял: внезапный лай собак насторожил эту парочку и они выключили свет, надеясь, что их никто не обнаружит. Но это было единственное, что он понял. Все остальное в этой ситуации казалось лишенным смысла.

Пожилой ученый глянул на него в рассеянном свете фонаря, на лице его помимо непонятного беспокойства отразились смешанные чувства смущения и удивления.

– Ты знакома с этим человеком, Лора? – произнес он низким и звучным голосом с еле заметным английским акцентом.

– Джереми Логан. Пару дней назад он заходил в лабораторию.

– Что ж, тогда, наверное, можно включить свет, – продолжил старик. – Нет смысла разговаривать в темноте.

– Отец? – Она вопросительно взглянула на него.

– А почему бы и нет? Если бы он привел с собой подмогу, то она была бы уже здесь.

Немного помедлив, Лора щелкнула выключателем. И лабораторию залил верхний свет.

Она с легкой грустью улыбнулась Логану.

– После вашего ухода Кевин рассказал мне о необычном характере вашей научной работы. И я даже подумала, не пересекутся ли вновь наши пути? Правда, не ожидала, что это случится здесь.

– А это вам зачем? – спросил Логан, кивнув на дробовик.

– Вы, верно, так шутите? После того что произошло с Марком?

– Да, вполне справедливо. Но это же ваш отец... верно? – Логан повернулся к мужчине. – Вы Чейз Фивербридж?

Пожилой ученый нерешительно помолчал, но потом медленнo кивнул. Пронзительный взгляд его синих глаз, казалось, видел Логана насквозь.

– Если вы не возражаете, – сказал он, – я, пожалуй, присяду.

Подойдя к ближайшему рабочему столу, он опустилсЯ на лабораторный стул.

После минутного колебания Лора, видимо, приняла решение.

– По-моему, мне лучше объяснить вам эту ситуацию, – сказала она. – Похоже, у меня нет выбора. Либо объяснить... либо пристрелить вас.

– Я предпочел бы первый вариант, – обронил Логан.

По лицу пожилого мужчины скользнула призрачная улыбка.

– Лора, – сказал он, – в данных обстоятельствах, не думаешь ли ты, что будет лучше, если я сам...

– Нет, отец. Позволь мне сделать это, – не дав ему договорить, сказала она и судорожно вздохнула.

Потом, используя дуло дробовика, она молча предложила ему следовать за ней к выходу из дома.

Они вышли в холодную ночь. Лора тихо прикрыла за ними дверь, когда Логан включил свой фонарь. Она сделала несколько шагов в сторону поляны за углом дома, и он двинулся за ней. С главного участка не доносилось ни звука, и свет тоже не проникал между деревьями.

Потом вдруг жалобно взвыли собаки.

– Что это с ними? – спросил он.

– С Тоши и Мишей? По ночам я стала сажать их на цепь... если по округе бродит какой-то безумный медведь или волк, то мне не хочется, чтобы они столкнулись с ним. И, по правде говоря, они начали странно себя вести... как будто чуяли, что поблизости в лесу появилось какое-то незнакомое животное. Это единственная причина, которую я смогла придумать для объяснения их рычания и завываний после заката.

Она стояла, залитая тусклым лунным светом, покачивая в руках дробовик и собираясь с мыслями. Потом она решительно, даже вызывающе взглянула прямо на Логана.

– Послушайте. Я уже говорила вам, почему мы организовали здесь нашу лабораторию. Это не только идеальное место для наших исследований, но защита моего отца от безжалостной критики, которой подвергались его труды. Все это правда. Но этого оказалось недостаточно. Даже здесь критика доставала нас... через Интернет и электронную почту. Мой отец очень гордый человек... но в то же время беспокойный и уязвимый. Несмотря на весь свой надменный вид, он всегда был болезненно чувствительным. После нашего прибытия сюда его смятение продолжало усугубляться. Возможно, вернее будет сказать, что его состояние значительно ухудшилось. Я знаю, доктор Логан, что вы можете меня понять, поскольку, насколько я представляю, и сами вкусили это... одно дело столкнуться с неприятием, но совсем другое стать объектом презрения, даже осуждения от коллег, которым следовало бы поддержать

его. А потом он опубликовал те две последние статьи... но сделал это преждевременно, издав их без моего ведома, давая в тексте многочисленные обещания, не подкрепленные, однако, научными обоснованиями и соответствующими экспериментальными данными. Подозреваю, что он хотел лягнуть своих очернителей, пытаясь доказать свою правоту. Но результат получился противоположный тому, на который он рассчитывал, – его подвергли еще более суровому осмеянию. И вот тогда он... попытался покончить с собой.

– Что? – изумленно произнес Логан. – Здесь?

Она кивнула.

– Я зашла в этот барак, когда он собирался повеситься. Опоздай я на пять минут, и уже ничего нельзя было бы исправить. Пока я обрезала веревку, он говорил, что я зря стараюсь, что он просто найдет другой способ уйти из жизни. Я не знала, что еще можно сделать, – задумчиво пожевав губу, призналась она, – ведь я сама притащила всех в эту глушь... но, увы, этого оказалось недостаточно. У меня возникло чувство полной беспомощности. И вот однажды я отправилась погулять по любимым тропам Марка. Мне хотелось уйти подальше от лаборатории, спокойно подумать, попытаться придумать, что делать. И тогда-то все и случилось. Примерно в двух милях от лаборатории я заметила труп – человеческий. Он лежал на дне Краппова ущелья, возле водопада. Этому мужчине было лет шестьдесят или семьдесят... Точнее я не могла сказать, он слишком сильно разбился и потерял много крови. Должно быть, он упал совсем недавно. Жуткая картина, – она передернулась от воспоминаний, – но было ясно, что он свалился с обрыва. Вокруг него валялись обломки камней, а наверху я увидела уступ, с которого они отвалились. В ужасе я подумала, что надо связаться с полицией... но по некоторой причине... не связалась. Понимаете, меня осенила идея, уж не знаю, что меня надоумило... Но совершенно неожиданно я подумала, что возможно... только возможно... я нашла искомый выход из нашей аховой ситуации.

Она опять глубоко вздохнула.

– Около тела валялся рюкзак. Я обыскала его. Вполне ожидаемый набор: продукты, походная кухонная утварь, спальный мешок... и дневник. Я быстро пролистала страницы. Оказалось, что погибший был фанатиком выживания в диких условиях, бродяга. Он жил в лесах годами. Этот дневник был своего рода исповедью; список его личных убеждений, его обвинения против цивилизации. У того человека не было никаких родственников, некому было сообщать о его кончине, и определенно он не имел никаких близких или любимых людей, и о нем, похоже, тоже все уже

забыли; человек, порвавший связи с миром, отказавшийся от всей своей прежней жизни, он долгие годы бродил по диким лесам Северной Америки, движимый собственными желаниями и прихотями.

Лора умолкла. Молчание тянулось слишком долго, и Логан осознал, что ему придется продолжить эту историю за нее.

– Короче говоря, никто не заметил бы пропажи этого бродяги, – заключил он.

– Он был почти одного роста с моим отцом, – кивнув, сказала она, – примерно такого же телосложения и возраста. Кроме того, после падения он стал неузнаваемым. Это было как подарок. Станный, жуткий подарок. Я отправилась искать ответ... и вот он лежит буквально у моих ног. Я побежала обратно на станцию. Мне далеко не сразу удалось уговорить отца на такую авантюру, но в итоге он согласился, собственно, после того, как я объяснила, что это лучший выход, единственный способ раз и навсегда обрести свободу действий. Захватив отцовский бумажник, я бросилась обратно к водопаду и обменяла его на несколько жалких документов этого погибшего скитальца. Забрала рюкзак и зарыла его в лесу за нашей лабораторией. Дневник сожгла. Потом переселила отца сюда, в этот дальний барак, где никто не стал бы ни искать, ни беспокоить его. А на следующий день сообщила в полицию, что он пропал. Я предполагала, что для обнаружения этого погибшего не понадобится много времени... его могли найти копы, или рейнджеры, или даже Марк во время одной из своих прогулок. Так все и случилось. Естественно, обнаружив отцовский бумажник, они попросили меня опознать изуродованное тело. И я опознала... по крайней мере подтвердила его личность. Через неделю мне выдали пепел. Я рассеяла его у подножия того водопада. И должным образом сообщила о его смерти научному сообществу. Потом, заказав дополнительные приборы и оборудование, я тайно обустроила вторую лабораторию. Заново провела туда электричество. Регулярно навещая там отца, я приносила еду, помогала в работе, но только поздно вечером, когда Марк и Кевин уже ложились спать.

Внезапно, к потрясению Логана, она вцепилась в его рукав.

– Разве вы не понимаете? – напряженно спросила она. – Хорошо это или плохо, но полгода назад я осознала, что у меня нет иного выхода, никакого иного выхода для спасения отца. Он совершенно измотался, выглядел как живой труп... был только вопрос времени, когда он умрет по-настоящему.

На лице Лоры застыло печальное, до крайности измученное выражение.

– Джереми, – уже мягче произнесла она, – я не горжусь этой ситуацией. Но она никому не причинила вреда. Смерть того бродяги была трагична... но мне она показалась обнадеживающим знамением. Только отцовская «смерть» могла утихомирить так терзавшие его насмешки и язвительные замечания. Тогда он смог бы спокойно продолжать свои исследования. И знаете, в эти полгода мой отец работал более плодотворно, точно помолодел, чем за десяток последних лет. И я верю, что его открытия будут полезны миру.

– Итак... – Лора вдруг взглянула на него с прежней решимостью, – что вы теперь собираетесь делать?

Логан растерялся. Его так потрясло созерцание живого Чейза Фивербриджа, что такой вопрос еще не приходил ему в голову.

– Мы в вашей власти, – продолжила она, – мы оба. Но то, что вы говорили мне во время нашей первой встречи... о том, что вам знакомо, каково это работать, когда весь мир смеется над вашими трудами... позволяет мне думать, что вы поймете, почему мне пришлось пойти на такой шаг. Вы вышли за рамки традиционной науки, так же как мы. Вы не связаны с копами. Если вы захотите выдать нас... что ж, я не стану пытаться остановить вас. Но надеюсь, что вы не сделаете этого, что вы не осудите нас, что вы все поймете. Если вы разоблачите его перед миром... это будет его смертным приговором. Он опять попытается совершить самоубийство... и на сей раз попытка будет успешной.

Логан открыл рот, собираясь ответить ей, но промолчал и опять закрыл его. Он вдруг осознал, что попал в чертовски затруднительное положение. Формально Лора сделала нечто незаконное или по меньшей мере неэтичное – она намеренно ввела в заблуждение полицию, неверно опознав труп. С другой стороны, она сделала это из лучших побуждений. Человек погиб в результате несчастного случая, одинокий скиталец, не имевший родни и связей в обществе. Его пепел давно развеян по ветру. Он подумал о пожилом докторе Фивербридже, оставшемся в тайной лаборатории в глубине этого леса. Несмотря на краткость общения, он почувствовал исходящие от ученого интеллектуальную силу и харизматическую уверенность в правоте собственных убеждений. Он также почувствовал его отчужденность, эксцентричность – ту самую, что обычно пугает недостаточно умных людей: академиков, с готовностью отвергнувших его труды. Как напомнила ему Лора, он сам слишком хорошо знал, какие чувства испытывает человек, чьи исследования и выводы отвергаются. Логана восхитила ее преданность – он почувствовал, каких усилий ей это стоило, через какое отчаяние пришлось пройти, пытаясь помочь отцу и

защитить его. Еще в их первую встречу он почувствовал в ней какую-то загадку... ощутил сложность ее внутреннего мира. Теперь он узнал ее тайну.

Он также понимал, что предложил бы ему сделать Джессап. Однако Логан мысленно спросил себя: «Имело ли здесь, в сущности, место преступление? И кто пострадал в результате?» Очевидно, никто. С другой стороны, если он обнародует правду, старик, вероятно, покончит с собой... оставив дочь одну и свою незавершенную работу.

Лаура Фивербридж не сводила с него напряженного взгляда. Он мельком глянул на дробовик в ее руках и опять задумчиво посмотрел ей в глаза. Он просто не знал пока, как разрешить эту дилемму.

– Давайте вернемся обратно.

Она помедлила, глядя на него, потом кивнула и молча прошла по полюне к тайной лаборатории.

20

Когда они вошли, доктор Фивербридж, по-прежнему сидевший за лабораторным столом, поднял голову и устремил на Логана спокойный, но гордый взгляд.

– Полагаю, дочь поведала вам мою историю, – сказал он. – Смятенный дух, ученый, вставший на путь саморазрушения.

Логан молча кивнул, заметив, что Лора оставила дробовик в углу.

– Я не горжусь тем, доктор Логан, что пытался свести счеты с собственной жизнью. Но я просто не мог больше выносить... обуревавшее меня яростное отчаяние. – Задумчиво помолчав, он добавил: – Вероятно, мне следует считать себя счастливейшим из отцов в этом мире, имея дочь, готовую столь многим пожертвовать ради меня. Последние полгода я жил практически как свободный человек. Понимаете, мне не важно, будут ли результаты моих исследований опубликованы посмертно, важно только, чтобы мне дали возможность закончить их вне досягаемости постоянного, сводящего с ума, злопыхательного потока оскорблений и скепсиса. За исключением того, что в последнее время мы, видимо, забыли об осторожности. Полагаю, кто-то слышал наши голоса, увидел горевший здесь свет.

– Наверняка. – Лора с горечью покачала головой, мельком глянув на Логана. – И полагаю, за ваше возвращение мы должны благодарить Кевина.

Они сдерживались, говоря очень тихо, явно для того, осознал Логан,

чтобы теперь этот самый Кевин не подслушал их.

– На самом деле моя работа чрезвычайно важна. Я близок к завершению... крайне близок. – Фивербридж более пристально взглянул на Логана. – Я понимаю, что вы испытываете противоречивые чувства. Вы не знаете, надо ли предупредить власти о всей нашей афере. Возможно, вам будет легче прийти к согласию с самим собой, если я во всей полноте представлю вам сущность моих исследований, покажу вам то, чего нам действительно удалось достичь.

– Отец! – Лора стрельнула в него настороженным взглядом. – Ты уверен...

– А есть ли у нас выбор? Кроме того, твой доктор Логан может даже счесть наши достижения весьма поучительными. – Он опять взглянул на Логана. – Позвольте задать вам вопрос. Что, как вы полагаете, чувствовали наши древнейшие предки – восточноафриканские гоминиды, глядя на полную луну?

– Страх, – немного подумав, предположил Логан.

– В самую точку. Две сотни тысяч лет тому назад для среднего человекообразного двуногого существа полная луна означала сезон охоты... древние предлюди сами становились дичью. Для хищника типа саблезубого тигра полная луна, подобно прожектору, освещала добычу. Когда люди думают о действии луны, если они вообще о нем думают, то обычно воспринимают свидетельства его проявления как полную ерунду, своеобразные городские легенды, над которыми можно просто посмеяться: неудачные хирургические операции, увеличение рождаемости, вспышки насилия и безумия, шизофренические обострения. Дурацкие сенсации в духе таблоидов. – Фивербридж усмехнулся. – Но чем больше я сам думал об этом, чем больше изучал это явление, тем отчетливее осознавал, что луна, особенно полная луна, фактически всегда оказывает поистине необъяснимое влияние на земную жизнь, и более всего на животных, ведущих дневной образ жизни. Изначально оно порождало страх, как вы сами только что сказали. Позднее его считали причиной безумия, даже ликантропии. – Он пренебрежительно махнул рукой. – В последнее время второе отвергли... и современная наука, как обычно бывает, когда приходится сталкиваться лицом к лицу с древними легендами и поведенческими, с трудом воспринимаемыми современным человеком, вернулась к первой версии. Но тем не менее лунного влияния никто не оспаривал. И я вознамерился попытаться понять, что же именно лежит в основе одного влияния.

Ученый встал и начал мерить шагами комнату.

– Я прочел все документальные свидетельства, изучил все сообщения о случаях влияния луны. Я взялся за всестороннее изучение этой проблемы: психологическое, физиологическое и эволюционное. И хотя я мог доказать, что полная луна всегда производила необычное влияние, мне не удавалось выявить его причину. До тех пор пока я не столкнулся с сообщением о прилунении «Аполлона».

– Не понял? – услышав столь неожиданное заявление, Логан озадаченно нахмурился.

Фивербридж усмехнулся, видя замешательство Логана.

– Все нормально. Вам известно, разумеется, что, вернувшись с Луны, «Аполлон 11» доставил много образцов лунного грунта, упакованного в запечатанные металлические контейнеры, где поддерживались условия низкого лунного давления. Но когда астронавты приземлились, герметичность этих контейнеров нарушилась. Печати вскрылись. – Он подошел к ближайшему к Логану рабочему столу и, присев на него, продолжил: – И это далеко не все. Шесть раз команды «Аполлонов» возвращались с лунным грунтом в запечатанных контейнерах. И шесть раз, как они ни старались, герметичность нарушалась к тому времени, когда они достигали Земли. Не желаете ли предположить причину?

– Я даже не представляю, в какую сторону думать, – покачав головой, признался Логан.

– Пыль, – вновь рассмеявшись, произнес Фивербридж.

– Простите?

– Пыль! Лунная пыль. Видите ли, на Луне не бывает ветров. Там нет воды, нет эрозии... Луна не похожа на Землю, где скалы и булыжники становятся гладкими и округлыми благодаря абразии. Пыль на Луне – тоже пыль, но невероятно остра, как острие ножа. По сути, это измельченное в порошок стекло, крошечные осколки. И пыль не только покрывает всю лунную поверхность, но также висит над ней, точно облачная завеса, достигая более чем пятидесятимильной высоты в лунной экзосфере. Она поднимается потоками – никто не знает конкретной причины, но некоторые допускают, что в данном случае применим принцип «фонтанной модели»: солнечная радиация выбивает электроны из атомов лунной пыли, придавая им положительный заряд и вызывая их подъем в своего рода солнечном ветре. В тринадцатом году НАСА даже запустило спутник – для исследования лунной атмосферы и пылевого окружения, для изучения, так сказать, пылевой атмосферы. Спустя шесть месяцев он намеренно врезался в темную сторону луны. Насколько мне известно, полученные данные до сих пор анализируются.

Оттолкнувшись от стола, ученый опять начал прохаживаться.

– Задайтесь вопросом: что такое лунный свет? Это просто видимое солнечное излучение, отраженное от луны, – однако, заметьте, отфильтрованное в этом странном облаке лунной пыли. В ходе дальнейшего анализа я обнаружил, что при соответствующих условиях данная лунная пыль изменяет *качество* самого света: изменится длина волны, она поляризуется. Эти условия включают и такую необыкновенную активность, как солнечные вспышки. Но я начал размышлять дальше: возможно ли, чтобы такое необычное качество света, видимого дневными земными тварями, воздействовало на мозг достаточно сильно для вызова изменений в поведении? И достаточно ли для такого изменения просто света полной луны?

Фивербридж подошел к большому столу около дальней стены и поманил к себе Логана.

– Вот каковы начальные посылки рабочей гипотезы: воздействие этого особого, поляризованного лунного света, проникая в мозг, может вызывать необычные отклики: страх, возбудимость, агрессию. Но, как любому почтенному ученому, мне предстояло проверить данную гипотезу. А это означало воссоздание не только самого лунного света, но и лунного света, профильтрованного эквивалентом лунной пыли, исключительно в лабораторных условиях. И это оказался на редкость сложный и долговременный процесс... порой тормозившийся из-за моих собственных обид и поражений.

Ученый помолчал, пристально взглянув на Логана и оценивая, какое впечатление произвели его слова.

– Но затем я перебрался в эту самую лабораторию. И начал серьезно работать, воодушевленный новыми надеждами. Я начал с самого лунного света. Как вы, возможно, знаете, весь видимый свет обладает так называемой цветовой температурой, выражаемой в градусах Кельвина. Температуры, превышающие пять тысяч градусов Кельвина, связаны с холодными цветами. Солнце испускает свет, проникающий в нашу атмосферу, с температурой, близкой к шести тысячам градусов Кельвина. Луна, более теплая по цвету, имеет световую температуру около четырех тысяч. Пламя свечи, для сравнения, близко к тысяче восьмистам по Кельвину.

Он развернул высокую металлическую стойку с бочкообразной лампой, замеченной Логаном при первом осмотре этой лаборатории с фонариком.

– Этот осветительный прибор производит так называемый

металлогалогенный свет. Уникальное текстурирование поверхностей специальных линз, линз Френеля, позволяет смягчать или затемнять по краям ровную освещенность: то есть создается в итоге свет, сходный в зрительном восприятии с лунным светом. Металлогалоген, вещество с молекулами галогена (йода) металла (ртути), производит свет в дуговой лампе вместо обычной лампы накаливания. Это высококачественные источники света... и ужасно дорогие. И вот этот исключительно хорош, – он погладил светильник размером с половину бочки моторного масла и плавно повернул его на стойке. – Цены доходят аж до двадцати тысяч долларов. Он оборудован мощной лампой, способной создать луч диаметром двенадцать футов, силой пятнадцать сотен фут-свечей практически на расстояние в семьдесят футов. Разумеется, я не собирался, по крайней мере в моих нынешних лабораторных исследованиях, использовать его в полную силу. Однако, как показывает строгий анализ, и неполной силы при надлежащей установке вполне достаточно для создания наибольшего приближения к качеству того света, что доходит с Луны на Землю.

Подойдя к ближайшему стеллажу, он взял оттуда большой пластиковый контейнер и поместил его на рабочий стол.

– После получения температуры, соответствующей лунному свету, мне потребовалось смоделировать эффект взаимодействия солнечных фотонов с пылевой атмосферой Луны, их отражение от лунной поверхности и повторное прохождение сквозь пыль, уже на пути к Земле. Это означало, во-первых, изучение специфической химической природы лунной пыли – которая была хорошо представлена в документах НАСА, – а затем применение определенных фильтров для ее воссоздания.

Разведя в стороны шторы лампы Френеля, Фивербридж открыл большой пластиковый контейнер, снял тонкую и круглую пластину из бледного матового стекла и поместил ее под линзу. Он повторил это действие второй и третий раз, добавляя разные фильтры. Потом повернулся к Логану.

– Здесь воссоздается лунный свет, прошедший сквозь пылевую атмосферу луны, каким его видели на Земле пятьсот лет назад.

– Почему именно пятьсот лет?

– Потому что наша атмосфера, доктор Логан, за несколько последних столетий успела насытиться продуктами сгорания ископаемого топлива, парниковыми газами и всем чем угодно.

– Иными словами, явления в рамках вашей гипотезы могло быть гораздо возможнее в прошлом, чем в наши дни.

– Именно так: в связи с этим в древних документах так много свидетельств очевидцев, описывавших странное или необъяснимое поведение в периоды полнолуния. А теперь, пожалуйста, смотрите внимательно. Я собираюсь воспроизвести эффект воздействия той самой полной луны. – Пройдя к дальней стене, Фивербридж взял одну из клеток с животными, вернулся и поставил ее на стол.

– Северные бурозубки, – пояснил он и, достав из-под стола пару толстых резиновых перчаток, надел их. – Они ядовиты, но как млекопитающие отлично подходят для нашего исследования.

Открыв клетку, он извлек оттуда поочередно двух тварей размером с морскую свинку, покрытых мягким серым мехом. Послушно и вяло они сидели на столе, очевидно, только что проснувшись.

– А теперь следите внимательно, – сказал Фивербридж, оттащив осветительную стойку от стола и встав прямо за ней.

– Не смотрите на эту лампу, – предупредила Лора, впервые за время отцовских объяснений подав голос, – только на бурозубок.

Пройдя к стене, она выключила верхний свет. Лаборатория мгновенно погрузилась во мрак. Через мгновение после второго щелчка загорелся светильник Френеля, его луч был направлен на сидевших на столе животных. Свет, как заметил Логан, был слабым и бледным, почти призрачно-желтым... точно как лунный свет.

Сначала ничего не происходило. Потом подопытные твари начали проявлять признаки беспокойства. Через несколько мгновений оно усилилось до возбуждения. Они начали бурно выражать недовольство, злобно повизгивая и настороженно кружа друг за другом. Внезапно одна тварь набросилась на другую, которая принялась отбиваться когтистыми передними лапками.

Доктор Фивербридж тут же вырубил лунный светильник. В тот же миг Лора вновь зажгла верхний свет. А животные мгновенно вернулись в свое полусонное, кроткое состояние.

– Итак? – вопросительно произнес ученый, посадив тварей в клетку и вернув ее обратно на стеллаж.

– Я... – начал Логан, сознавая, что у него нет слов. Все это было слишком необычно, слишком отличалось от того, что он ожидал увидеть. Он вдруг осознал правоту доктора Фивербриджа и его дочери: это новаторское, возможно, даже революционное исследование.

– И вы можете спровоцировать такое поведение в любое время? – спросил он.

– Да, практически во всех случаях. До сих пор мы изучали в наших

опытах только мелких млекопитающих. Я могу повторить эту процедуру с разными видами, если желаете – белыми мышами, крысами, полевками, – но результат будет одним и тем же: явное отклонение от обычных моделей поведения.

– А почему именно такое освещение столь сильно воздействует на мозг? – спросил Логан.

– Вспомните вопрос, который я задал вам о древних гоминидах. Полагаю, ответ кроется в эволюционном развитии, занявшем сотни тысяч, возможно, даже миллионы лет. Дневные животные спят по ночам, прячась от хищников, а в полнолуние опасность достигает максимума. Это заложено в нас на уровне инстинкта. Такое особое качество света максимально повышает гормональный уровень. Адреналин впрыскивается в кровь, включается механизм поведения «бегство или нападение». Некоторые твари склонны к бегству. Другие – подобно этим бурозубкам – становятся атипично агрессивными... крайне агрессивными. Мой собственный анализ показывает, что за многие тысячелетия по мере вымирания наших естественных хищников нормой стало как раз агрессивное поведение.

– А если бы наша атмосфера очистилась от смога и прочего загрязнения? Могли бы вернуться те древние поведенческие отклонения во время полнолуния... я имею в виду, вернуться к человеческим существам?

– Да. Да, полагаю, могли бы... в зависимости, очевидно, от физических и эмоциональных особенностей личности.

Логан попытался разобраться в собственных мыслях, осмыслить то, что только что наблюдал.

– А Кевину Пейсу известно об этом? И было ли известно покойному мистеру Артовскому? – спросил он.

– Только косвенно. Они исследуют – в случае бедного Марка речь идет, к сожалению, уже о прошлом – методы управления теми же подопытными тварями, что и мы, но только в нормальных условиях.

Фивербридж опустил голову, а когда поднял ее, его беспечное дидактическое настроение исчезло, и во взгляде внезапно проявилось страдание.

– Теперь вы понимаете, в чем проблема, доктор Логан? Мои гипотезы уже высмеяли до такой степени, что жить мне стало невозможно. Что еще они скажут, если я обнародую дополнительные результаты? Могу представить эти язвительные заголовки: «Ученый заявляет, что космическая пыль вызывает безумие». Я не вынесу этого, – гримаса острой боли исказила черты его лица, – просто не смогу.

– Именно поэтому нам необходимо со всей тщательностью завершить исследования, – произнесла Лора Фивербридж уже спокойным, смиренным тоном, – получить все документальные подтверждения. Продолжая скрупулезно проводить всестороннее изучение. Собрать достаточно данных для противостояния самым вездливым проверкам, которым могут подвергнуть наши труды. Отец, мы ведь уже близки к завершению, верно? Нам необходимо лишь дополнительное время. То есть... если доктор Логан предоставит его нам.

Она погрузилась в напряженное молчание. Оба они, отец и дочь, пристально смотрели на Джереми.

Тот глубоко вздохнул. Это было совершенно передовое исследование. Если его прервать преждевременно, мир может многое потерять. И мир также, несомненно, потеряет блестящего ученого.

– Просто дайте нам еще немного времени, – практически взмолилась Лора и, подойдя к нему, опять ухватила за его рукав, – для окончания нашей работы. А потом поступите так, как вам подсказывает совесть.

Логан поочередно глянул на них. И внезапно осознал то, что не приходило ему в голову раньше: вполне возможно, характер этих исследований сможет пролить какой-то свет на те убийства, что так отчаянно пытался раскрыть Джессап.

– Я ничего никому не скажу, – тихо произнес он, – по крайней мере до завершения вашей работы. Она может помочь выяснить то, что происходило в этих лесах. Причем я готов при необходимости оказать вам любую посильную помощь.

Молчание в лаборатории затянулось. Потом Чейз Фивербридж кивнул, слегка улыбнувшись. Лора отцепилась от его рукава и завладела уже рукой.

– Спасибо вам, – с чувством произнесла она. – Спасибо... от нас обоих.

В последующие дни все увиденное – и осознанное – в секретной лесной лаборатории за бывшей пожарной станцией удерживало Логана в состоянии моральной неопределенности. Исследования пожилого доктора Фивербриджа, безусловно, представлялись необычайно важными. С другой стороны, способ, благодаря которому он стал, по существу, живым мертвецом – при всем понимании Логаном приведших к тому обстоятельств, – представлялся в лучшем случае неблагоприятным. Однако,

коротко говоря, он просто не мог пока ничего сообщить Джессапу и любому другому человеку об этих обстоятельствах. Ведь это не только прервало бы научные труды ученого... но и почти наверняка стало бы концом его жизни.

За эти дни Джереми вновь полностью углубился в свою собственную работу, с легким сердцем отложив побочное занятие и предоставив полиции делать свою работу. Верный своему обещанию, Джессап оставил его в покое; когда Логана вновь пригласили на ужин в дом рейнджера, разговоры крутились исключительно вокруг философии, французской кухни и безобидных местных сплетен. Джереми успел проникнуться симпатией к Сюзанне, и к концу этого вечера они стали почти добрыми друзьями. Насколько он понял, Джессап теперь уцепился за версию Креншо.

К концу второй недели плотной работы Логану удалось завершить большинство из недописанных глав своей монографии. Его безвылазное пребывание в «Облачных водах» явно порадовало директора Грегга Хартсхорна, которому, к его очевидному неудовольствию – как теперь убедился Логан, – стало известно об участии постояльца в расследовании недавних смертей.

В один из дней, доехав по мелким делам до озера Саранак, он встретил там Гаррисона Олбрайта, тоже выбравшегося в этот поселок для пополнения в местном магазине запасов охотничьих и рыболовных товаров. Логану понравилась лекция Олбрайта в «Облачных водах», завершившаяся чтением стихов, и он, с облегчением осознав, что поэт не сторонится его, тут же предложил вместе пообедать. Олбрайт вежливо отказался, сославшись на то, что поддерживает свое существование почти исключительно крольчатинной и олениной, добытой в лесах с помощью лука, в подтверждение чего помахал новой упаковкой стрел. Он согласился, однако, выпить кофе, и за этим занятием оба они увлеченно спорили о поэзии и литературе. Логан вдруг обнаружил, как приятно общаться с поэтом: его литературное образование представляло собой поистине необычную смесь, широкий кругозор обогащали навыки рожденного в лесах человека. Прежде Логану не приходилось сталкиваться с подобными людьми. Он избегал любых вопросов о мистических или вызывающих тревогу лесных легендах, и Олбрайт, видимо, одобрил это в своей грубоватой манере.

Логан еще не рисковал покидать территорию «Облачных вод» только ради заездов на пожарную станцию, где трудилась в лаборатории Лора Фивербридж. Несмотря на сложное отношение к тайной жизни пожилого

ученого, Джереми симпатизировал по не вполне понятным ему причинам как отцу, так и дочери; Лора обладала быстрым и деятельным умом ученого, и он невольно впечатлился тем, на какие жертвы она готова ради благополучия отца. Первый визит он нанес туда однажды днем, обнаружив Лору в главной лаборатории. Они прогулялись по лесу, вяло разговаривая об успехах ее исследований, и по иронии судьбы забрели в то самое ущелье, где она нашла тело погибшего скитальца. На обратном пути она высказала предположение о том, что Логану хотелось бы еще раз поговорить с ее отцом, и пригласила его заехать к ним вечером в следующую пятницу, когда Пейс, их лаборант, уедет на выходные. Логан согласился; он невольно чувствовал все возрастающее восхищение этой изобретательной, исполненной сострадания, заботливой и преданной женщиной.

Во время очередного пятничного визита Лора опять-таки проводила его в секретную лабораторию, где доктор Фивербридж, видимо, ожидал его прихода. Логан поинтересовался тем, как продвигаются исследования, и пожилой ученый с удовольствием описал, каких успехов они добились со времени их последней встречи. Логана вновь поразили великолепный ум и харизма этого натуралиста. Освобожденный наконец от критиканства его претенциозных коллег, он не проявлял теперь ни малейших признаков душевной слабости или подавленности, о которых раньше говорила Лора. В ходе обсуждения его работы он еще раз продемонстрировал влияние лунного света – на сей раз на ночных млекопитающих, летучих лисицах. Логан также узнал о существовании в этой лаборатории особого направления передовых исследований, которые по настоянию ученого следовало держать в тайне даже от Лоры. Он поведал о своих планах: в случае удовлетворительного завершения тайного исследования позволить Лоре опубликовать его результаты под ее именем.

– Это наименьшее, что я могу сделать для нее, учитывая все, чем она пожертвовала ради меня.

– А что вы сами будете делать дальше? – спросил Логан.

– Уйду на заслуженный отдых. Видите ли, этот главный труд моей жизни почти закончен. Уеду куда-нибудь подальше... мне всегда нравилась Ибица. Или, возможно, на Амальфитанское побережье. А может, на Санторини. В спокойное местечко, неотягченное всем этим. – Он с улыбкой обвел рукой заполненное аппаратурой помещение. – Кто знает? Может, моя репутация будет реабилитирована. С другой стороны, может, и не будет. Но к тому времени меня это уже перестанет волновать... Я буду знать, и Лора будет знать, что мы добились успеха. Что мне удалось

достичь желаемого на избранном пути. А это для меня самое главное.

Логан вспомнил вдруг о своей монографии, ждущей своего завершения в коттедже «Облачных вод», и просто кивнул. Он полностью разделял такое отношение к работе.

Следующим вечером, вернувшись после ужина в главном здании в свой коттедж, Логан заметил на крыльце Рэндалла Джессапа. Рейнджер сидел на верхней ступеньке там же, где две с половиной недели назад дожидался его Пейс, лаборант Лоры Фивербридж.

– Рэндалл, рад тебя видеть, – сказал Логан, пожимая руку другу, – заходи.

Они зашли в дом. Джессап снял свою шляпу и повесил ее на спинку стула, потом уселся на угловом диване.

– Чем тебя порадовать? – спросил Логан. – Кофе, чай, что-нибудь покрепче?

– Ничего не надо, спасибо.

Логан устроился на диване напротив Джессапа, размышляя, с чем мог быть связан этот визит. Они не виделись уже больше недели после второго званого ужина в доме рейнджера. И он определенно явился не просто с ответным визитом вежливости. Определенным было как раз другое: что-то явно беспокоило Джессапа. Более того, лицо его выглядело именно встревоженным.

– Есть ли какие-то успехи?

– Ничего существенного. Поисковые отряды вернулись, так ничего и не обнаружив... ни таинственных следов, ни обезумевших хищников. В основном мы пребываем в ожидании, и мне это совсем не нравится.

– Ожидании?

– Очередного полнолуния.

Логан понимающе кивнул. «Им не удалось отыскать убийцу, – подумал он, – поэтому они ждут, что он совершит новое нападение». Логан знал, что такой подход решительно не по вкусу Джессапу.

– А когда оно ожидается?

– Полнолуние? Через два дня.

Еще два дня ожидания...

– Но вы, разумеется, предприняли какие-то действия.

– Команда Креншо по-прежнему тайно следит за лачугой Сола Уодена

просто на случай. Я провел кучу времени в районе Пиковой ложбины, всячески пытаюсь расследовать вариант Блейкни. Жалкие крохи, как ты понимаешь, хотя я надеялся на неожиданный поворот событий. В любом случае, согласно местным слухам, как ты можешь догадаться, угроза исходит именно оттуда. Креншо выставил своих людей и возле их ограды.

– А что ты сам? Откуда, по-твоему, исходит угроза... если она еще вообще осталась?

Вместо ответа Джессап предпочел сам задать вопрос.

– Джереми, скажи лучше сам мне кое-что. Зачем ты второй раз заезжал в научную лабораторию на пожарной станции?

Этот неожиданный вопрос породил легкое дурное предчувствие, напомнив ему о своем соучастии в тайном сговоре.

– Как ты узнал? – спросил он, в свою очередь.

Джессап неопределенно махнул рукой, словно сказав: «Позволь мне сохранить мои источники в тайне».

Логан быстро подумал: «Джессап упомянул о втором посещении, значит, видимо, он узнал только о двух его дневных визитах, а не о его вечерних вылазках». Хотя, возможно, не раскрывая всех карт, он решил проверить старого друга, попытавшись выведать у него дополнительные сведения. Он пристально посмотрел на Джессапа. Но не заметил на лице рейнджера и тени задней мысли. На нем отражались лишь озабоченность, разочарование и некоторая обеспокоенность.

– Первый раз я расспрашивал там о Марке Артовском, их лаборанте, также ставшем третьей жертвой. Я познакомился с Лорой Фивербридж. И мы поговорили немного о характере их исследований.

– И что же они исследуют?

– Она изучает влияние лунного света на мелких дневных млекопитающих.

– Лунного света? – повторил Джессап.

– Есть гипотеза о странном влиянии луны, в частности полной луны, на поведение живых тварей. Применительно к людям, к примеру, полагают, что в полнолуние увеличивается число преступлений, чаще происходят зачатия и число смертельных исходов во время хирургических операций.

Испытывая легкое чувство вины, Логан намеренно упомянул о самых сенсационных и невероятных явлениях, связанных с лунным воздействием. Он осознал, что имел законный интерес в минимизации любопытства рейнджера к той секретной научной лаборатории.

– Она рассказала тебе, что случилось с ее отцом? – спросил Джессап.

– Немного, – ответил Логан, не желая лгать.

– Не это ли спровоцировало твой второй визит? – кивнув, предположил Джессап.

– А почему тебя это так интересует?

– Чистое любопытство.

– Тут нет никакого секрета. – Логан пожал плечами. – Просто приятное общение. Понимаешь, я изрядно уставал здесь, безвылазно строя и редактируя свой труд. Мы с ней прогулялись по лесу. Меня заинтересовали ее исследования. В конце концов, я энигматолог... и вопросы лунного влияния как раз мне по вкусу.

– И больше они там ничем не занимаются? Только исследованиями этого лунного влияния?

– Это все, что мне известно.

– На мой взгляд, от этого пахнет псевдонаукой.

Логан позволил себе улыбнуться.

– Что ж, мне интересна не только ее работа. Меня заинтересовала и она сама.

Джессап уже достал свой вездесущий блокнот, собираясь сделать несколько заметок. Но теперь он помедлил, удивленно подняв брови.

– Я и не знал, что ты такой шустрый малый.

– О, я не имел в виду ничего предосудительного. Мы с ней вроде бы сошлись на духовном поприще, оба работаем на границе общепринятого в науке.

Джессап задумчиво кивнул. Однако тревога не покинула его лица.

– Что именно тебя беспокоит? – не выдержал Логан.

Вместо ответа Джессап сунул блокнот в карман и поднялся с дивана. Логан тоже встал. Его раздирали противоречивые чувства из-за того, что, зная о Чейзе Фивербридже, он утаил это от друга. И тем не менее он просто не мог предать Лору – не только из-за своего обещания, но и потому, что не хотел нести ответственность за возможное самоубийство пожилого ученого.

– Не знаю толком, – произнес Джессап, вторгаясь в размышления Логана, – пока не уверен. Как я говорил, возможно, мне удалось найти неожиданную зацепку. По крайней мере, сейчас я занимаюсь ее исследованием. Если мне повезет найти нечто более определенное, вероятно, я буду более откровенен. – Он направился к двери и на пороге, обернувшись, добавил: – Просто не забывай: всего через два дня наступит полнолуние. И держи в уме еще кое-что... луна выглядит полной целых три ночи, хотя на самом деле полнолуние длится какой-то миг.

– А смысл?

– Смысл только в одном: будь очень осторожен в эти дни, мой друг.
Опять обменявшись с Логаном рукопожатием, он кивнул на прощание и удалился в вечерний сумрак.

Почти ровно через двое суток с той минуты Логан вновь услышал голос Джессапа. Сидя в гостиной коттеджа, он перечитывал заключение к своей монографии, когда зазвонил мобильный.

- Логан, – сказал он, взяв трубку.
- Джереми? Это Рэндалл.
- Привет, Рэндалл. Что случилось?
- Джереми, – помолчав, произнес рейнджер на редкость сдержанным, настороженным тоном, – не знаю даже, как сказать... как осмелиться попросить тебя об этом.
- О чем попросить-то?
- Ты помнишь наш разговор двухдневной давности? Я еще говорил, что пытаюсь кое-что выяснить... и скажу больше, если мне удастся узнать нечто более определенное?
- Да.
- Так вот, я узнал. И нам надо бы поговорить. Что за таинственность?
- С удовольствием. Давай, может, встретимся завтра утром?
- Нет... думаю, нам надо поговорить сегодня. Мне хотелось бы, чтобы ты подъехал ко мне.

- Логан глянул на часы: без четверти девять.
- Прямо сегодня вечером? С чего вдруг такая срочность?
 - Я объясню тебе при встрече.
 - Ладно. Где ты сейчас... дома?
 - Нет. Я в том конце Пиковой ложбины, что ближе к поселению Блейкни. Ты знаешь «Уголок Фреда»?
 - Ты имеешь в виду бар?
 - Да. Сможешь встретиться со мной там как можно скорее?
 - Конечно, если ты считаешь, что это крайне важно.
 - Спасибо. Я буду ждать тебя в «Уголке». Мне надо еще проверить пару догадок, но я успею, видимо, закончить с ними до встречи с тобой.

Логан нажал клавишу завершения разговора. Он еще посидел немного, с задумчивым видом поглядывая на мобильный телефон. Потом поднялся,

натянул куртку и взял ключи от джипа. Выйдя из коттеджа, он начал осторожно продвигаться по дорожке в сторону парковочной площадки.

В ясном вечернем небе сияла желтая раздутая полная луна.

В самом начале девятого вечера Сэм Уиггинз свернул с главной улицы Пиковой ложбины на шоссе 3А и поехал на запад. Его старенькая «Хонда Цивик» – в последнее время его парикмахерский бизнес не приносил особого дохода, и он не смог позволить себе купить более новую и солидную машину после того, как в прошлом году сдох его фордовский пикап после тридцати лет верной службы, – тряслась и дребезжала, продвигаясь по ухабистой дороге. Глянув в лобовое стекло, он с каким-то тоскливо-упадническим чувством разглядел за хитросплетениями ветвей яркий диск полной луны. На соседнем сиденье тихо скулил и подвывал терьер Бастер.

Он понимал, что это было безумие. Все остальные жители Пиковой ложбины, словно по молчаливому уговору, заперлись по домам, закрыли ставни и погасили свет. И только он отправился в сторону Уединенной горы. Ладно, не прямо в сторону горы, но гораздо ближе к ней, чем ему хотелось бы.

И во всем виновата его тетка Гертруда, которая жила в старом трейлере в лесу, примерно в восьми милях. Она жила там без машины, рассчитывая, что Сэм будет обеспечивать ее консервами, получать за нее социальное пособие, доставлять жалкую корреспонденцию, пришедшую на ее почтовый ящик, заполнять газовый баллон... и, самое важное, поставлять ей солидный запас дешевой водки в пластиковых бутылках емкостью под два литра, которую она постоянно потребляла. Гертруда Рэндовски была самой буйной из всех известных Сэму алкоголиков, и теперь, после смерти мужа, она напивалась еще сильнее, поскольку он уже не мог сдерживать ее пристрастие. Она опять опустошила свои запасы, и только угроза ее неистовой ярости заставила Сэма закупить в «Уголке Фреда» очередные полдюжины бутылок и отправиться в ее трейлер.

Бастер скулил уже гораздо громче. И Сэм едва ли мог ругать пса.

Оба дрожа от страха, они проехали мимо старого поселения Блейкни, куда слева уходила узкая заросшая просека с еле различимой в лунном свете пустой полицейской машиной. До чего же поганая дурища эта Гертруда. Она ведь, будучи теткой его покойной жены, даже не приходилась

на самом деле ему родней... и однако же вот он, прогибаясь и дрожа от страха, ползет к ней по любой ее прихоти, точно чертов лакей. «В один из таких дней, – мрачно думал он, трясаясь по извилистой дороге, – поглощая эти бутылки водки «Старый Питерсберг», она упьется ими до смерти». И хотя он никогда не говорил этого вслух, такой день явно не за горами, а тогда он сможет посвящать весь свой досуг созданию приманочных шерстяных мушек и ловле в ручье ускользающей форели...

Бах! «Дерьмо! – мысленно выругался Сэм. – Что это было... Неужели лопнула шина?» О черт, не хватало только сейчас в таком месте менять колесо.

Он снизил скорость, пытаясь осторожно ползти вперед. Ну точно, правое переднее колесо безумно вихляло. Он остановился, выключил мотор и задумался, оставив фары включенными. Он имел три возможности: выйти и поменять колесо на запаску, попытаться доехать на обочине или просто выйти из машины и пойти назад. Последний вариант он отверг сразу. Ни за что он не согласится пройти обратно мимо этих Блейкни, тем более в полнолуние и без наблюдения полицейских, отваливших, видимо, с поста на ужин или еще по какой-то надобности. И дальнейшая езда на обочине казалась почти таким же плохим вариантом, учитывая, какие из этого последуют неподъемные для него затраты на ремонт. Вздохнув, он открыл бардачок, вытащил оттуда фонарь и неохотно открыл водительскую дверцу. Судорожно сглотнув, он встал около машины и, напряженно прищурившись, огляделся по сторонам, готовый при малейшем признаке опасности запрыгнуть обратно в машину и запереть дверцу. В провале между деревьями виднелась луна, почти до смешного большая на ясном ночном небе, она набрасывала на ближайшие к нему деревья бледно-желтую вуаль своего призрачного света. Ветер совсем стих, бесчисленные обступившие деревья стояли, словно по стойке «смирно», в ожидании неведомо чего. Оставив дверцу машины открытой, он включил фонарь, обошел вокруг капота, оглядываясь по сторонам, и присел проверить шину. Слава богу, с колесом в итоге оказалось все в порядке – оно просто заехало в огромную колею на обочине разъезженной дороги. Должно быть, он въехал туда по оплошности. Сэм поднялся на ноги. Пора выполнить чертово поручение да поскорее вернуться домой. Но как только он двинулся обратно, обходя капот, что-то небольшое и шерстистое, повизгивая, пролетело у него между ног и устремилось в лесной мрак. Бастер? Он мог выпрыгнуть, пока Сэм проверял шину, и убежать.

– Ладно, это уже ни с чем не сравнимая глупость...

Бастер не отличался геройством Рин Тин Тина^[23], но смелости ему

было не занимать, не в его натуре было сбегать от опасности... и уж, несомненно, он не стал бы просто так бросать хозяина.

Должно быть, что-то напугало его... напугало настолько, что он забыл все свои обычные инстинкты. Сэм успел заметить, что Бастер скрылся в лесных дебрях, явно стремясь убежать подальше от поселения Блейкни.

– Бастер! – призывно крикнул Сэм, направившись к деревьям, за которыми скрылась собака. – Бас... – Внезапно он умолк, проглотив окончание слова.

Каким-то образом он осознал, что надо замолкнуть... молчать как могила. Он выключил фонарь. Теперь горели только передние фары машины и какой-то свет исходил из салона. Сначала он не заметил ничего необычного. Но вскоре почувствовал странный запах... скорее жуткую вонь: мускусное, мерзкое зловоние. Следом он услышал звуки непонятного происхождения: нечто среднее между угрожающим ворчанием разъяренного волка и гортанным сердитым лосиным ревом. И этот рев раздавался совсем близко.

Сэм Уиггинс прожил в Пиковой ложбине всю свою жизнь. С детства он слышал страшные легенды о странных тварях из лесной глуши, на них он рос, как другие дети вырастают на сказках Матушки Гусыни и приключениях кролика Питера. С годами он стал принимать их за абсолютную истину – в той или иной форме – и всячески старался избегать этой самой лесной глуши. И поэтому он умудрился никогда прежде не сталкиваться так непосредственно ни с реальными дикими и зловещими голосами, ни с дурными запахами.

Он замер на мгновение, парализованный изумлением и страхом. Почувствовал, как теплая струя из ослабшего вдруг мочевого пузыря потекла по его ногам. Зловоние стало сильнее: вонючее, кислое, козлино-похотливое. Потом вдруг затрещали кусты у обочины дороги. И он вновь услышал жуткий рев. Хриплый и алчный, алчущий крови и разодранной плоти. Казалось, одномоментно происходило множество событий. Сэм, вдруг вновь обретя способность двигаться, стремительно обежал капот своей машины и буквально занырнул в салон, когда из придорожных зарослей папоротника донесся страшный треск; в последний миг Сэм успел откинуться на спинку сиденья и, захлопнув дверцу, нажать кнопку блокировки дверей; его фонарь упал на пол, закатившись под пассажирское сиденье, а то, что он увидел за окном, совершенно лишило его способности здраво мыслить. Взрыднув от ужаса и смятения, он отпрянул назад и сжался, молотя ногами по воздуху, а оставшаяся снаружи тварь в невообразимой ярости колотила его машину. Потом яркость света,

казалось, усилилась; к реву присоединился другой шум; его машину сотряс еще один мощный удар... и тогда Сэм, теряя сознание, повалился на рулевое колесо «Хонды», и на него снизошло милосердное забвение.

Поездка до Пиковой ложбины заняла у Логана больше времени, чем он ожидал. В отличие от прежних вылазок, движение на этом шоссе несколько оживилось – колымажистый старый грузовик с деревянными бортами, очевидно, перевозящий кучу технического мусора, казалось, не мог ехать быстрее тридцати миль в час. А Джереми не осмеливался обогнать его на этих темных извилистых дорогах. К его облегчению, за грузовиком он тащился только по основному шоссе до пересечения с шоссе 3А и, свернув на эту трассу, смог немного наверстать упущенное время. Тем не менее подъехал он к поселку лишь незадолго до девяти часов.

Но, приблизившись к ответвлению на Пиковую ложбину, он заметил впереди за поворотом трассы мерцание красно-синих огней. Заинтересованный столь необычной иллюминацией, Джереми проехал мимо поселка, продолжая медленно двигаться по трассе.

Вскоре глазам его предстало интересное зрелище. Ярдах в двухстах впереди, за третьим поворотом, на обочине стояли как минимум три полицейских внедорожника и две машины «Скорой помощи», у всех ярко светили фары и неистово вращались мигалки. За этими машинами двигались темные фигуры, пробивая лесную темноту мощными лучами фонарей.

Внезапно исполнившись дурного предчувствия, Логан быстро съехал с дороги и выключил мотор и фары. Посидев еще немного в машине, он попытался оценить обстановку. До него доносились звуки разговоров, но общий гул иногда прорезали восклицания скрипучего, страдальческого голоса. Приглядевшись, Логан увидел, как в свете фар перед одной из машин прошла, тяжело ступая, крупногабаритная фигура Креншо и вновь исчезла в темноте.

Даже с такого расстояния его захлестнула волна жуткого предчувствия. Однако он вылез из джипа, закрыл дверцу и украдкой, держась на обочине, чтобы не привлекать внимания полицейских и особенно Креншо, направился к скоплению машин. Приблизившись, Логан увидел еще две машины. В одной он узнал внедорожник, на которых обычно ездили парковые рейнджеры. Он выглядел точно так же, как машина Джессапа.

Водительская дверца была открыта. А прямо перед ним стоял старенький, выдавший виды седан. «Выдавший виды» слабо сказано: даже со своей выигрышной позиции Логан понял, что эта машина побывала в гибельной аварии: большие вмятины на крыше, капоте и боковых панелях; по ветровому стеклу расходились звездчатые трещины мощных ударов. С дальней стороны на капоте в окружении полицейских с блокнотами и диктофонами сидел, сгорбившись, мужчина в расхристанной одежде.

Дурное предчувствие резко усилилось.

Логан уже подошел близко к машинам «Скорой помощи» и увидел бригаду врачей, склонившихся над кучей изодранной одежды и окровавленной плоти. Он сделал еще шаг вперед, и, внезапно благодаря переместившемуся лучу прожектора сцена предстала перед ним во всей своей жуткой ясности. Он безошибочно узнал валявшуюся в отдалении шляпу рейнджера, хотя ее исходный оливковый цвет потемнел от пятен запекшейся крови. То, что выглядело как куча изорванной одежды, оказалось на самом деле телом... изуродованным и расчлененным телом, практически потерявшим сходство с человеком. В куче изорванной одежды Логан разглядел плечевую нашивку рейнджера. И наконец – к ужасному смятению – увидел в дальнем конце этой кучи голову своего друга Рэндалла Джессапа. Ее жутко изуродовали и разодрали... но это была она. В свете прожекторов открытые глаза друга, казалось, смотрели прямо на Джереми.

– Эй! – чей-то окрик резко вывел Логана из потрясенного остоленения.

Оглянувшись, он увидел, как к нему стремительно приближается Креншо.

– Это место преступления! – рявкнул он.

Креншо выглядел необычайно злым. Более того, необычно встревоженным.

– Сдай назад, – подойдя к Логану, грубо приказал он, готовый физически оттолкнуть его подальше. Но тот, даже отвернувшись от жуткой картины, точно прирос к месту не в силах пошевелиться.

Он услышал вздох Креншо, дополненный приглушенным проклятием. Руки капитана опустились.

– Да, – помолчав, сказал он, – это Джессап.

– Что произошло? – отстраненно услышал Логан собственный голос.

Креншо помедлил с ответом.

– Ладно, на сей раз я расскажу вам то, что нам известно... раз уж вы были его другом, вместе учились. Иначе вы ни черта бы от меня не узнали.

Видимо, он направлялся на восток, к Пиковой ложбине. Он остановился здесь, увидев нападение на водителя «Хонды».

– Какого рода нападение? – монотонно произнес Логан.

– Это мы и пытаемся выяснить. Состояние пострадавшего не слишком вразумительно, как вы сами можете слышать. – Словно подавая свою реплику, мужчина, сидящий на капоте, вдруг дико замахал руками, словно отбиваясь от какого-то ужаса, и издал короткий пронзительный вопль.

Несмотря на горе, ужас и нарастающее оцепенение, Логан заставил себя задать очередной вопрос, сознавая, что, видимо, другого шанса у него не будет.

– Сол Уоден?

– Согласно моим дозорным, тот парень не покидал сегодня свою лачугу. А вот со стороны поселения Блейкни доносились странные шумы.

– Какие шумы?

– Неизвестно. Командир моего здешнего поста не смог толком описать их. Нес какой-то вздор. Он упомянул какое-то завывание, хотя никогда прежде не слышал таких странных завываний. Какой-то топот и треск. – Креншо, который сам приобрел уже отстраненный взгляд, вдруг опомнился и, встряхнувшись, добавил: – А теперь, доктор Логан, вам надо уйти отсюда. Не вынуждайте меня силой выпроваживать вас с места преступления.

Немного помедлив, Джереми кивнул. Креншо оставил его, направившись к своей команде. К нему подскочил какой-то полицейский, и Креншо тут же потребовал от него номер жетона патрульного, который оставил пустую машину около поворота к территории Блейкни, отправившись ужинать в Пиковую ложбину. Потом они начали обсуждать возможность наличия заднего выхода из поселения Блейкни и, если он существует, как они могут добраться до него.

Уже повернув назад к своей машине, Логан опять услышал пронзительный голос сидевшего на капоте водителя. Оглянувшись, он увидел, как парень вскочил на ноги, а полицейские с двух сторон поддерживали его. С новым удивлением он узнал в этом парне парикмахера Сэма, который сделал ему стрижку во время первого посещения Пиковой ложбины.

– Я не знаю, что это было! – визгливо и измученно воскликнул он. – Перестаньте спрашивать меня! Зачем вы меня мучаете? Оно было похоже на огромного волосатого человека, но бежало по земле как собака или, может, как волк. У него были красные глаза и ужасное... нет, вы не заставляйте меня сказать это! Оно набросилось на мою машину, пыталось

разбить окно, чтобы добраться до меня... а потом подъехал этот рейнджер и вышел из машины, но оно так стремительно кинулось на него, что он не успел даже вытащить оружие, а потом началась какая-то жуть... настоящая жуть... Боже, боже мой, нет, НЕТ!!!

Не чувствуя под собой ног, Логан еле доплелся до своего джипа, а мучительные вопли начались вновь и на сей раз продолжались беспрерывно.

В ту ночь Логан почти не спал, потрясенный и расстроенный увиденным, он метался по кровати, лишь изредка забываясь беспокойным сном. То и дело перед его мысленным взором вставали ужасные картины, свидетелем которых он стал на обочине дороги. Казалось, в них почти невозможно поверить. Рэндалл Джессап погиб... убит тем самым существом, за которым охотился, той самой тварью, из-за которой он изначально заехал к Логану в первый же вечер его прибытия в «Облачные воды».

Наконец, почувствовав необходимость отвлечься от жутких мыслей, он встал, включил лэптоп и, умудрившись сосредоточиться на работе, внес заключительные штрихи в свою монографию по средневековой ереси.

Ровно в восемь часов утра он напечатал последнюю фразу.

Даже учитывая тягостные трагические обстоятельства, это казалось заслуживающим некоторой церемонии событием, пусть и не столь значительным, но его стоило отметить сообразно случаю. Поэтому пока в «Облачных водах» подавался щедрый завтрак, Джереми решил съездить в кондитерскую турбазы «Рэй-брук», где выпекали сносные круассаны. После этого он собирался заехать в дом Джессапа попытаться как-то утешить Сюзанну. Правда, он не успел узнать ее достаточно хорошо – они встречались всего два раза, – однако в этих краях он явно был самым старым другом Джессапа и повод для такого визита имелся вполне оправданный.

Через полтора часа, покинув кондитерскую и направившись в сторону озера Саранак, Логан проехал мимо того низкого здания, где размещалась штаб-квартира лесных рейнджеров штата Нью-Йорк Пятого региона – то самое место, где Креншо проводил совещание после смерти Артовского. Когда он увидел их штаб в первый раз, округа выглядела совсем по-другому: теперь, казалось, все здесь мобилизовались для начала военной

операции. Снаружи припарковались несколько «Хаммеров» и вездеходов, и еще один мощный фургон камуфляжной раскраски, похоже, военного образца, а бригады рейнджеров и полицейских с деловой напряженностью сновали взад-вперед. Среди них Логан узнал высокого, крепко сложенного мужчину, которого Джессап представлял ему как Джека Корнхилла, смотрителя зоны С. Направив свой джип к стоянке, Джереми остановился около этого рейнджера.

Корнхилл недоуменно взглянул на него, но через мгновение в глазах его загорелся огонек узнавания. Настороженное выражение сменилось усталой печалью.

– Вы друг Рэндалла, верно? – уточнил он.

Логан кивнул.

– Ужасная трагедия. – Корнхилл покачал головой. – Такой конец никому не пожелаешь, но такой человек, как... – его голос удрученно затих, – и жена у него хорошая. Настоящая умница. И славные дети... – Он опять покачал головой.

Махнув рукой в сторону скопления машин и бурной деятельности, происходившей вокруг них, Логан спросил:

– С чего вдруг нагнали столько военных?

– После четвертого убийства... да еще и офицера полиции... Креншо покончил с полумерами.

– Иными словами, он собирается прорваться на территорию Блейкни?

Немного поколебавшись, Корнхилл кивнул, сказав:

– Точно. Он собирается устроить облаву... причем в жесткой манере.

– Когда?

– Может, послезавтра, – пожав плечами, предположил Корнхилл, – или, самое позднее, через два дня. В зависимости от того, как много времени понадобится Креншо, чтобы все организовать. – Он показал на машины. – Как вы понимаете, он не тратит зря время. Вызвал подкрепление из самого Гленс-фолс.

Логан поблагодарил рейнджера, попрощался и поехал дальше к дому Джессапа.

Он остановился перед подъездной аллеей к этому аккуратному, свежепокрашенному домику. Дом выглядел, как и прежде: Джессап мысленно общался с Эмерсоном и другими трансценденталистами, собственноручно забивая гвозди в обшивочные доски и укладывая кровельную дранку. Трудно даже представить, что нет больше человека, построившего этот дом, где живет его семья. Но его действительно больше

нет – смерть чертовски безвременно ворвалась в его дом.

На подъездной дорожке стояли две незнакомые ему машины. Когда он прибыл, один официальный внедорожник лесных рейнджеров как раз завелся и уехал. Остался только светлый седан. Минут пятнадцать Логан просидел в джипе, не желая мешать тому, кто мог быть в доме с Сюзанной, и обдумывая, какие утешительные слова сам мог бы сказать ей. Потом входная дверь открылась, и на пороге появилась женщина средних лет. Она обняла кого-то, стоявшего в доме – слишком сумрачное освещение позволяло видеть лишь силуэты, – и направилась к седану, по пути прикладывая к глазам носовой платок.

Логан дождался отъезда этой женщины. И подождал еще минут пять, дав семье Джессапа немного времени для уединенного общения.

Внезапно он осознал, что попросту тянет время: менее всего ему сейчас хотелось встречаться с этой познавшей горе семьей. Тяжело вздохнув, он включил зажигание и подъехал к дому.

Дверь открыла Сюзанна Джессап. Похоже, в доме больше никого не было. Ее соломенного цвета волосы слегка растрепались, покрасневшие глаза припухли. Какой-то момент она просто безучастно смотрела на него. Потом ее лицо сморщилось.

– Ох, Джереми, – простонала она, припав к его груди.

– Мне очень жаль, – пробормотал он, помогая ей пройти в дом. Она позволила ему подвести себя к дивану и усадить, словно у нее самой не осталось уже ни сил, ни желаний. Она заплакала, а гость продолжал обнимать Сюзанну, сотрясаясь вместе с ней от ее надрывных мучительных рыданий.

– Он был для меня лучшим другом, – призналась она, – единомышленником во всем. Абсолютно во всем. Как же такое могло случиться?

Логан решил, что лучшим ответом будет молчаливая поддержка; ей надо дать выговориться. Разумеется, он не собирался рассказывать ей, что видел, как погиб Джессап.

– Дети уехали, – всхлипывая, продолжила она, – отдыхают с моими родителями в Паунд-ридже. Как я скажу им, что их отец умер?

– Это несправедливо, – наконец произнес Джереми, – жутко несправедливо. Никому никогда не пожелаешь испытать такое. Когда они должны вернуться?

Она выпустила его из своих рук и откинулась на спинку дивана.

– Завтра. Мой отец привезет их.

– Тогда, по-моему, тебе лучше сообщить им сегодня вечером. Пусть

начнут осознавать горе, а дорога домой, возможно, станет самой уместной для такого начала. Ты же не хочешь, чтобы они приехали с надеждой увидеть его.

Она вытащила салфетку из коробки на журнальном столике.

– Ты прав. Но, Джереми, они так обожали его... – И она опять зарыдала.

– И всегда будут. Это останется с ними на всю жизнь. Рэндалл был для меня замечательным другом. И я уверен, что он был замечательным отцом и мужем. Это будет своего рода наследством для ваших детей... и для тебя тоже – оно может воодушевлять вас в дальнейшей жизни. Понимаешь, дети на самом деле сильнее, чем нам кажется... В каком-то смысле они сильнее нас.

Шмыгнув носом, Сюзанна кивнула.

Раздался звонок в дверь.

– Это, должно быть, Бетти Корнхилл, – сказала Сюзанна, вытирая глаза салфеткой. – Она говорила, что заедет.

Логан предположил, что она упомянула жену Джека Корнхилла.

– Тогда мне пора уходить, – сказал он. – Я просто заехал, чтобы выразить как-то свои соболезнования и...

– Нет, – прервала его Сюзанна, – нет... пожалуйста, останься. Мне хочется услышать вашу с Рэндаллом историю: как вы познакомились, как стали друзьями, каким он был в университете. Мне необходимо многое услышать, узнать что-то неизвестное мне раньше... хотя разумно ли это?

Логан кивнул. Более чем разумно.

– Его кабинет в конце коридора. – Сюзанна встала, все еще прижимая платок к глазам, и махнула рукой в сторону кабинета. – Ты можешь подождать пока там.

– Отлично.

Джереми позволил проводить его в небольшой чисто прибранный кабинет, совмещенный с комнатой отдыха. Звуки шагов Сюзанны удалились по коридору; он услышал, как открылась дверь, услышал женские голоса, сменившиеся новыми рыданиями.

Логан окинул взглядом комнату. Ее содержимое, живо напомнившее о старом друге, отозвалось в душе мучительной, острой болью. Книги по управлению лесным хозяйством и охране живой природы соседствовали на

полках с философскими трактатами. Чисто прибранный компьютерный стол с аккуратно сложенной небольшой стопкой папок с документами. Бюст Торо, который Джессап держал при себе с последнего курса университета. На стенах висела тщательно продуманная по композиции подборка вставленных в рамки фотографий: молодой Джессап с рюкзаком за спиной, загорелый и улыбающийся, в каком-то экзотическом восточном местечке. Гораздо более зрелый Джессап, сидящий на кровельной балке этого самого дома, с победным видом подняв молоток – очевидно, только что забил последний гвоздь в остоу крыши. Семейная фотография: Джессап, Сюзанна и дети на фоне зеркальной глади озера, за которым возвышаются здания Лейк-Плэсида.

Взгляд Логана рассеянно скользнул по письменному столу. И его внимание вдруг привлекла лежащая рядом с компьютером записная книжка Джессапа в потрепанном кожаном переплете. Странно, Логану казалось, что Джессап никогда не расстается с этим ежедневником, он вечно выглядывал из его нагрудного кармана.

Из гостиной теперь доносился только один тихий и утешающий голос. Логан пристально посмотрел на книжку. Какие же последние слова говорил ему Джессап по мобильнику, когда они сговорились встретиться в баре Пиковой ложбины? «Джереми, не знаю даже, как сказать... как вообще попросить тебя об этом... Ты помнишь наш разговор двухдневной давности? Я еще говорил, что пытаюсь кое-что выяснить... и скажу больше, если мне удастся узнать нечто более определенное? Так вот, я узнал. И нам надо бы поговорить».

Он провел кончиками пальцев по кожаной обложке ежедневника и, помедлив, взял его со стола. К его острому любопытству примешивался, казалось, легкий налет вуайеризма. Сюзанне хотелось услышать истории о прошлой жизни погибшего мужа; а вот Логану хотелось узнать, что занимало думы рейнджера в последние дни.

Джереми начал листать ежедневник. Это был не типичный рабочий журнал офицера: короткие записи фактов и сухие комментарии перемежались с цитатами из любимых мыслителей Джессапа – на одной из начальных страниц Логан заметил высказывание Честертона: «То, на что мы не можем смотреть, – это единственная вещь, в свете которой мы видим все остальное»^[24].

Листая страницы дальше, Логан заметил, что записи стали все чаще относиться к недавним убийствам: состояние тел, места их обнаружения, заключения официальных совещаний. Имелись также отдельные заметки, отметил энигматолог, о его собственной неудачной попытке поговорить с

Блейкни и о сведениях, добытых им во время первого посещения Пиковой ложбины. Однако на последней странице тщательные и методично сделанные записи сменили отрывочные пометки и вопросы:

Ч. Фивербридж – умер 16 апреля. Направление последних исследований

Джерemi и Лора Фивербридж?.. История туманная!

Лунное воздействие???

Олбрайт: Ф. и Блейкни

Закрыв ежедневник, он положил его на место. Логан не знал, что именно могли означать последние отрывочные записи, но Джессап, похоже, сосредоточил внимание на его отношениях с Фивербриджами едва ли не в той же мере, что и на этих вырождающихся Блейкни.

«Джерemi, не знаю даже, как сказать... как вообще попросить тебя об этом... И нам надо бы поговорить».

Друг до чего-то докопался. Видимо, поэтому вчера вечером он не взял с собой записную книжку. И встретиться он хотел не для того, чтобы о чем-то спросить Логана, а для того, чтобы поделиться с ним своими находками.

Пытаясь проанализировать столь неожиданное и удивительное заключение, он прошелся по столу блуждающим взглядом. Теперь он остановился на экране компьютера. На мониторе были открыты два документа, содержание каждого напоминало какую-то научную статью. К собственному изумлению, Логан увидел, что эти статьи написаны Чейзом Фивербриджем.

Не сводя глаз с монитора, он опустил на стул и начал читать. Обе статьи, очевидно, появились в не слишком почтенных изданиях: вероятно, лучшие, если не единственные научные органы, где еще принимали труды Фивербриджа.

Он прочитал обе публикации от начала и до конца. Первую статью, фактически некое извлечение, а не полноценное описание исследовательской работы, издали в конце прошлого года, и в ней описывалось, как Фивербридж планировал доказать в конечном итоге, что определенные химические элементы лунной атмосферы являются непосредственной причиной «лунного воздействия». Во второй и последней статье, опубликованной в нынешнем феврале, рассматривались вопросы трансформационной биологии и возобновления роста: к примеру, виды макрофагов, позволяющие саламандрaм восстанавливать утраченные конечности; или имагинальные диски^[25], благодаря которым гусеницы

превращаются в бабочек, даже когда ферменты разрушили большинство их тканей. Статья завершалась размышлениями о потенциальных способах использования ДНК животных для воздействия или даже непосредственной модификации ДНК человека и его генетического кода и вероятных возможностей ускорения данного процесса в лабораторных условиях.

Логан откинулся на спинку стула. Нет ничего удивительного в словах Лоры Фивербридж о том, что ее отец стал объектом губительного презрения. В первой публикации смутно отражены недавние опыты Фивербриджа с качественным воссозданием лунного света и его влиянием на поведение, которое он видел воочию, но именно вторая статья – с ее рассуждениями о неестественных трансформационных последствиях – безусловно, и сделала его объектом самых язвительных насмешек. Вероятно, обстрел строгой академической критики заставил его пересмотреть столь радикальные гипотезы и после своего неудавшегося самоубийства и мнимой смерти вернувшийся в каком-то смысле к жизни ученый, умерив аппетиты, возобновил свои натуралистические исследования, сосредоточившись на доказательстве тезисов его первой статьи.

Ясно одно: Джессап шел по пути открытия, которое следовало бы сделать самому Логану, если бы он был честен с собой, уже основываясь на пояснениях Лоры Фивербридж: «А потом он опубликовал те две последние статьи... но сделал это преждевременно, издав их без моего ведома, давая в тексте многочисленные обещания, не подкрепленные, однако, научными обоснованиями и соответствующими экспериментальными данными. Подозреваю, что он хотел лягнуть своих очернителей, пытаясь доказать свою правоту. Но результат получился противоположный тому, на который он рассчитывал, – его подвергли еще более суровому научному осмеянию. И вот тогда он... попытался покончить с собой».

Ему сразу же следовало, теперь осознал он, ознакомиться с упомянутыми ею статьями – хотя бы ради объективного понимания. Но, с другой стороны, в то время его слишком потрясли как фактическое продолжение жизни якобы погибшего отца, так и представленные ему результаты лабораторных опытов, чтобы придать должное значение упоминанию о последних публикациях исследователя.

Логан усиленно размышлял о том, что же именно обнаружил Рэндалл и что он собирался рассказать ему в «Уголке Фреда». Собирался ли он открыть Логану глаза на темные делишки Фивербриджей? Мог ли он узнать, что отец все еще жив? Нет... вряд ли. Что же тогда Джессап так

спешно, не дожидаясь сегодняшнего утра, хотел сообщить? Логан вздохнул: теперь уж вряд ли он сам узнает что-то наверняка. Хотя минутку: на последней странице ежедневника Джессапа имелась еще одна краткая запись... наименее понятная. «*Олбрайт: Ф. и Блейкни*».

Голоса, доносившиеся из гостиной, стали громче; вновь послышался звук открывшейся двери. Логан быстро встал со стула, отодвинув его от письменного стола. Он подумал, не стоит ли закрыть на компьютере окна браузера, но оставил все в прежнем состоянии из уважения к памяти погибшего друга. Через минуту на пороге кабинета появилась Сюзанна. Глаза ее еще больше покраснели, по лицу блуждала печальная улыбка. В глубоко тревожных размышлениях Логан проследовал за ней обратно в гостиную.

Примерно через полчаса Джереми покинул дом Джессапа в состоянии непреходящего внутреннего беспокойства. Мельком глянув на себя в зеркальце заднего вида, он задумался о том, какие же дела он закончил, а какие дела закончить еще надо. Свою монографию он действительно завершил. Но Джессап, который просил его лично разобраться в странных обстоятельствах недавних убийств, по-прежнему зывал к нему – только теперь его голос стал тише, и Логан больше не мог видеть друга. Просьба, однако, осталась – и сама смерть рейнджера придала ей новую актуальность, которую Джереми больше не мог игнорировать.

Поэтому он проехал мимо поворота к творческому пансионату «Облачные воды», следуя дальше по шоссе 3 и, свернув на трассу 3А, направился в сторону Пиковой ложбины. Не доезжая нескольких миль до поселка, он остановился перед сельской треугольной постройкой, отступившей от шоссе в глубину лесного массива с припаркованным на подъездной дорожке красным пикапом.

Олбрайт открыл дверь почти сразу, после второго стука. Казалось, он поджидал какого-то гостя. И при виде Логана в его ясных голубых глазах не отразилось и тени удивления. Не произнеся ни слова, он жестом предложил Логану сесть на одно из самодельных кресел, после чего и сам сел напротив него. Он вырезал что-то из сосновой плашки большим охотничьим ножом и, приглядевшись повнимательнее, Логан заметил очертания женщины в длинных одеждах, очевидно, с лирой в руках.

– Эвтерпа? – рискнул предположить он.

– Да, – кивнув, признал Олбрайт, – муза лирической поэзии.

Срезав еще несколько стружек, он положил нож и незаконченное резное изделие на пол возле своего кресла.

– Вы слышали о Рэндалле Джессапе? – спросил Логан.

Олбрайт кивнул. Несмотря на холодную погоду, он носил легкую полотняную рубашку с закатанными рукавами, и, когда поскреб пальцами свою густую белую бороду, на его предплечье вздулись крепкие мускулы.

– Я чертовски расстроился из-за этого.

Джереми не знал, с чего лучше начать. Он не сомневался, что Олбрайт связан с его поисками, но не мог даже предположить, как именно связан и захочет ли с ним откровенничать этот грубоватый и сдержанный охотник.

– Он звонил мне вчера вечером, – сказал Логан, – занимался расследованием недавних убийств, разумеется... и, как я уже упоминал, просил меня заняться тем же. Проведя некоторые изыскания, я сказал ему, что вряд ли чем-то смогу помочь. Но он обнаружил что-то... видимо. И хотел срочно встретиться со мной в «Уголке». Хотел что-то сообщить мне.

Олбрайт продолжал молчать, он просто слушал, вяло почесывая бороду.

– Я заезжал к нему домой сегодня утром, постарался по возможности утешить Сюзанну. И пока торчал там, на глаза мне случайно попала записная книжка Рэндалла – та, в которую он заносил все свои замечания. Последние записи показались мне очень интересными. В них упоминалось мое имя. Наряду с именем Чейза Фивербриджа. А заехал я к вам из-за последней записи. Она гласила: «Олбрайт: Ф. и Блейкни».

Олбрайт перестал почесываться, и его рука упала на грубую ткань рабочих брюк.

– Рэндалл был хорошим парнем. И хорошим рейнджером. Философски настроенным, это помогало ему понимать то, чего не могли понять простые рейнджеры... помогало задавать трудные вопросы, необычные вопросы. – Он помедлил немного, казалось, окинув Логана оценивающим взглядом, и добавил: – Вчера он заехал повидать и меня тоже. Он заглядывал ко мне время от времени: если появлялись проблемы, которые он хотел обсудить с объективным слушателем – таких трудно найти в наших краях, – или просто поговорить о поэзии или о привлекательности лесной жизни. Но вчера он заехал не просто поболтать. Он приехал, озабоченный вопросами. О Лоре Фивербридж. О вас тоже. И об этих Блейкни. И я рассказал ему обо всем.

– О чем рассказали?

Олбрайт взял с пола нож и начал острым концом чистить ногти.

– Видимо, мне стоит рассказать и вам... учитывая обстоятельства. Рэндалл погиб; сам он уже не сможет ничего рассказать вам. Понимаете, еще с обнаружения самого первого тела я пытался оставаться в стороне от всей этой неразберихи. И как я говорил вам в нашу первую встречу: в детстве и после возвращения сюда я слышал много весьма странных сказок про лесную глушь, но последние убийства... они, скажем так, не имели ничего общего со «сказками». Они казались мне какими-то иными. Я не смог подобрать более точного определения. То есть не просто жестокими, ужасными и странными, но именно *иными*.

Иными. Джессап тоже упоминал об инаковости в тот вечер, когда впервые описывал эти убийства в коттедже Логана. И то же самое слово уже не раз приходило на ум самому энигматологу.

– Такого рода убийства порождают тревогу. Наводят людей на разные мысли и подозрения. Мне не хотелось подливать масла в этот огонь. Кроме того, это было совершенно не мое дело. А судя по тому, что я слышал, беднягу достаточно подвергали суровой критике и осуждениям задним числом в течение целой жизни. Зачем тревожить его вечный покой?

Логану вновь вспомнились последние краткие записи Джессапа.

– Вы говорите о докторе Фивербридже.

– Вы знали, что он тоже писал стихи? Не такие, как у меня... и не такие, что мне захотелось бы почитать. Но можно только восхищаться ученым, склонным к стихосложению. Кроме того, мне нравилось, как он противостоял критике, с каким неистовством противостоял этому миру, хотя борьба оказалась столь разрушительной для него самого.

– Откуда вы знаете?

– Мы встречались с ним раза два или три. Вроде как нашли общие интересы. Только не спрашивайте меня, какие... двух более разных людей еще не рождалось. Он пришел на мое выступление в Лейк-Плэсид. Задержался там после чтений, и мы пообщались. Через какое-то время я заехал в его лабораторию на бывшей пожарной станции. Это было в начале весны, а после первой оттепели я люблю в тех краях поохотиться на зайцев. Должно быть, я заглянул туда примерно за месяц до его смерти. Он рассказал о своей работе... не скажу, что я понял, в чем ее суть. Но именно тогда я узнал, что у нас с ним есть нечто общее.

– И что же?

– Блейкни.

– Да что вы говорите! – удивился Логан, подавшись вперед в кресле.

– Ах, они не такие уж злобные и неприветливые, какими прикидываются. Есть несколько местных жителей, с которыми они в той

или иной степени общаются. Правда, они не любят чужаков и взаимно недолюбливают сознательных жителей Пиковой ложбины... их вражда имеет слишком глубокие корни; вероятно, она неискоренима. И у них есть основательная причина для обособленной жизни.

– Какая? – спросил Логан.

Но Олбрайт не дал прямого ответа.

– Доктор Фивербридж говорил мне, что ему удалось познакомиться с этим кланом... как именно, я не знаю. Может, так же, как удалось мне: чисто случайно столкнуться с одним из них в лесу, отнестись к нему с уважением, не выказывая никакого осуждения и излишнего любопытства. Но если вы хотите знать мое настоящее мнение, то я думаю, что в его случае дело связано с деньгами... в них Блейкни всегда нуждаются, какими бы независимыми и самодостаточными ни казались. – Олбрайт сунул нож обратно в ножны. – И именно об этом я рассказал Джессапу вчера днем, когда он заглянул ко мне. А Джессап тогда сказал мне, как его заинтересовало то, над чем работал Фивербридж: «лунное воздействие»; по-моему, так они оба называли предмет исследований.

Логан хранил молчание. Он не мог сообщить Олбрайту, что Фивербридж по-прежнему жив; не мог нарушить своего обещания, данного Лоре и самому этому ученому. Он быстро строил разные предположения, отвергая их одно за другим. Допустим, удивительно то, что Фивербридж заходил в поселение Блейкни... удивительно, что вообще кто-то заходил к ним: однако важно именно почему или зачем? Тогда он вспомнил статьи, прочитанные за письменным столом Джессапа... и внезапно подходящий ключ скользнул в нужный замок.

Олбрайт ничего не сказал, но выражение его лица подразумевало, что он тоже сделал некоторое открытие или нащупал путь к нему.

– Вы бывали в лаборатории Фивербриджа? – спросил он.

– Да.

– Видели его собак?

– Легавых? Да.

– Ужасно здоровые, верно?

Логан ничего не ответил и, немного помолчав, Олбрайт вновь заговорил сам:

– Как бы то ни было, теперь вы знаете, почему я так расстроился из-за смерти Джессапа.

– Почему? Не думаете же вы, что ваш рассказ мог иметь хоть какое-то отношение к его смерти?

Олбрайт пожал плечами.

– Хотя его смерть привела к определенному результату. Капитан оперативной группы, некий полицейский по фамилии Креншо, теперь планирует устроить рейд на поселение Блейкни.

– Когда? – напряженно спросил Олбрайт, изумленно подняв свои кустистые брови.

– Скоро. Возможно, даже послезавтра.

Поэт поднялся, смахнув сосновые стружки с колен.

– Тогда, полагаю, нам лучше нанести им визит.

– Кому? – удивился Логан, глянув на него.

– Блейкни. Кому же еще? – ответил Олбрайт, натягивая выцветшую охотничью куртку.

Энигматолог медленно поднялся с кресла. Олбрайт глянул на него, усмехнувшись отразившемуся на его лице замешательству.

– Мы собираемся нанести дружеский визит людям, которые сунули мне в лицо дуло дробовика, когда я в прошлый раз пытался поговорить с ними? – неуверенно произнес он.

– Ну, не совсем дружеский визит, – откликнулся Олбрайт, – но, по моему, на сей раз вы узнаете, какие они есть на самом деле. Кроме того, разве вам не хочется задать им вопрос?

– Какой вопрос?

– Зачем их посещал доктор Фивербридж?

Логан бросил на него долгий смущенный взгляд. Последние сутки потрясения и трагические события сменяли друг друга с такой частотой, что он испытывал усталость, почти оцепенение. Однако тотчас осознал правоту Олбрайта. Он заехал навестить Олбрайта, полагая на интуитивном уровне, что поэт как-то связан с тем, что удалось обнаружить Джессапу, и оказался прав. Связь вела к доктору Фивербриджу и его странному знакомству с кланом Блейкни; кто бы мог подумать – с теми самыми людьми, к которым местные жители относились с ненавистью, недоверием и подозревали в убийствах именно их.

– Конечно, хочу, – наконец ответил он. – Но захотят ли они разговаривать со мной?

– Возможно... Если я буду с вами.

– Прекрасно. А вы не собираетесь захватить это? – Он кивнул в сторону винтовки, висевшей над грубым каменным камином.

– Нет, сэр. Оружие может лишь растревожить их. – И он первым направился к двери.

На пассажирском сиденье в пикапе Олбрайта лежала куча всяких вещей – болотные сапоги, ножи разных размеров, самострел с набором стрел, драная и выцветшая армейская куртка с сержантской нашивкой на одном плече, сундучок с рыболовными принадлежностями. Олбрайт перебросил все на заднее сиденье, и Логан забрался в салон. Включив зажигание, Олбрайт выехал с подъездной дорожки и направился к западу по шоссе 3А. Логан глянул на часы: они показывали четверть третьего.

– А как вы собираетесь избежать «радушного приема»? – спросил Джереми.

– Мы же не пойдем с главного входа, – пояснил Олбрайт.

Извилистое шоссе вскоре привело их к тому участку, где Джессап встретил свою смерть. Рыжая лента все еще огораживала большую территорию места преступления на обочине. Когда они проезжали мимо, Логан пристально глянул туда со смешанными чувствами ужаса и печали.

Сделав еще один поворот, Олбрайт свернул с центральной полосы шоссе, съехал на обочину и устремился, как показалось Логану, прямо на непроницаемые заросли кустов. Но их глубина, однако, составила от силы пару футов, и пикап, преодолев это препятствие, выехал на небольшую поляну, как раз соответствующую габаритам машины, со всех сторон окруженную густым лесом. А поднявшаяся живая изгородь за ними надежно скрыла место парковки, совершенно незаметное с шоссе. Заглушив мотор, Олбрайт резво выскочил из пикапа, и Логан последовал его примеру.

– Готовы? – спросил Олбрайт.

Логан кивнул. Обойдя спереди машину, Олбрайт вступил, казалось, в лесную чащу с непролазными дебрями подлеска. Когда они немного углубились в лес, Логан осознал, что под ногами вьется своего рода тропа... незаметная, едва различимая, но тем не менее явно специально проложенная людьми. Хотя она была такая узкая и слабо намеченная, что самому Логану ни за что не удалось бы следовать по ней. Он шел почти след в след за Олбрайтом, не успевая отмахиваться от сосновых лап, хлеставших его по лицу.

– Как вы ориентируетесь тут без компаса? – спросил он, дождавшись в ответ от Олбрайта только ироничной насмешки.

Изгибы и повороты тропинки следовали согласно разнообразной топографии лесного рельефа, то взбираясь на холмы, то спускаясь в низины. Солнечные лучи едва просачивались сквозь густой полог

сплетенных над головой древесных крон. Олбрайт ни разу не остановился, чтобы проверить направление движения, а уверенно шагал все дальше и дальше в лес.

– Как раз в этой части леса я впервые встретился с Наумом Блейкни, – бросил он через плечо. – Мне не исполнилось тогда еще и десяти лет, и я вышел потренироваться в стрельбе из лука по енотам. А Наум был, скорее всего, на год старше меня. Ему не довелось учиться в школе. Когда я впервые увидел его, он просто убежал. Но потом, через несколько недель, я столкнулся с ним снова. И дал ему пострелять из моего лука. Со временем мы стали... ну, не друзьями... по-моему, у Блейкни вообще нет друзей – но хорошими знакомыми. Я научил его кое-чему, приносил ему разные книжки... Читал он плохо, но обладал пытливым и острым умом... и научил меня таким лесным премудростям, о которых не знал даже мой папа. – Он покачал головой. – А однажды привел меня в свое поселение и представил соплеменникам.

– И что они собой представляют? – спросил Логан.

– На мой взгляд, будет лучше, если вы составите о них собственное мнение. Готов держать пари, что вскоре вы сами узнаете, какие из легенд правдивы, а какие – нет.

– Неужели вы намекаете, что часть историй, рассказанных мне в Пиковой ложбине, правдива?

– О, безусловно, в них есть своя доля правды... если нам удастся убедить Блейкни открыть ее.

Тропа уже ограничивалась с одной стороны крутым скалистым склоном, а с другой – узкой лощиной. По самым строгим прикидкам Джереми оценил, что они уже прошли около мили и постепенно поворачивали к востоку. Олбрайт, следуя по незримой тропе, обогнул острый выступ скалистого склона, и внезапно энигматолог обнаружил, что путь им преградила очередная сплетенная из сучьев и туго стянутая упаковочной веревкой стена, выглядевшая такой же непроницаемой, как кирпичная или бетонная. Эта стена, однако, была ниже той, к которой он вышел первый раз, и, очевидно, меньше толщиной, хотя так же, как первая, почти сразу исчезала в непроходимых лесных зарослях. Перед этим участком стены не было никакого свободного пространства, кроны деревьев смыкались над их головами; он видел перед собой лишь плотно сомкнутые ряды прутьев, сплетенные в тугие, отлично подогнанные друг к другу ряды.

Олбрайт остановился и обернулся к Логану.

– Слушайте внимательно. В детстве я пользовался этим входом

довольно свободно. С тех пор как вернулся, побывал у них два или, может, три раза. Если они нас впустят, старайтесь не раздражать их. Не бросайте пристальных взглядов. Предоставьте говорить мне... до тех пор, пока я не переключу их внимание на вас. Подыгрывайте моему сценарию, понятно? И возможно – только возможно – вы поймете, откуда пахнет жареным. Помните, что я рассказывал вам о наших Адирондакских лесах и о Блейкни в частности... в их истории есть тайны. И тайны, в сущности, кроются по ту сторону. – Он показал большим пальцем на древнюю и непроглядную сучковатую стену.

Рядом с оградой лежала пустая жестяная банка из-под смазочного масла, помятая и проржавевшая. Подняв с земли какую-то палку, Олбрайт ударил в этот своеобразный барабан, неспешно ударил два раза. После этого он приблизился к стене.

– Наум! – крикнул он, сложив ладони рупором и припав к сучковатой стене. – Аарон! Это я, Олбрайт. Нам необходимо поговорить.

Из-за ограды, как показалось Логану, не донеслось ни звука, не считая тихого козлиного блеяния.

– Наум! – вновь крикнул Олбрайт. – Это очень важно!

Из-за ограды донесся слабый шелестящий шум.

– Гаррисон? – произнес хриловатый голос со странным выговором.

– Да, это Гаррисон. Нам надо поговорить... о том, что полиция следит за вами. Может произойти нечто скверное... вы можете попасть в беду.

Молчание.

– Я пришел с другом. Возможно, он сумеет предотвратить эту беду.

– Кого ты привел? – спросил голос из-за ограды.

– Его зовут Логан. Он приехал издалека. И он пришел не для того, чтобы осуждать вас. Он пришел, чтобы помочь вам, – сказав это, Олбрайт оглянулся и выразительно глянул на Джереми.

Минутное затишье. Потом из-за ограды донеслись звуки активной деятельности: металлический скрежет и лязг отодвигаемого засова. И вот в стене открылась узкая дверь – вход, так отлично замаскированный, что Логан ни за что не заметил бы его. Своеобразная дверца открылась наружу – и гость лицом к лицу увидел сухопарого мужчину ростом примерно шесть футов и четыре дюйма, с растрепанной шевелюрой, глубоко посаженными карими глазами и длинной бородой, спускавшейся до груди. Его потрепанную одежду покрывало множество грубо нашитых заплаток. Большие и узловатые руки свидетельствовали о долгой жизни, исполненной тяжелого физического труда. Он посмотрел на Олбрайта, потом с явным недоверием окинул взглядом Логана и вновь глянул на

Олбрайта.

– Гаррисон, – произнес он.

– Наум, нам необходимо поговорить с твоими родичами... срочно. Это крайне важно. Жизненно важно.

Мужчина, названный Наумом, задумчиво почесал бороду, видимо, обдумывая сказанное. Потом молча посторонился, открывая для них вход.

Склонившись, Логан пролез в низкую калитку... и на мгновение замер, удивленно окинув взглядом то, что скрывалось за оградой.

В своих энигматологических путешествиях Логан воочию видел множество странных традиций и экзотических мест: тайные гробницы египетских правителей, водные глубины шотландских озер, разрушенные подземные тайники румынских замков. Однако сейчас, увидев то, что открылось его взгляду, он строго напомнил себе, что находится... в современном американском парке. Поселение Блейкни – по крайней мере та его часть, что он мог видеть, – напоминало такие древние колонии, как Джеймстаун и Плимут^[26]. Этот поселок на вырубке, посреди девственного леса, использовал недоступные скалистые гребни и толстые плетеные стены в качестве защиты от внешнего мира. Расчищенный от леса участок, насколько мог оценить Логан, занимал акров двадцать пять, а то и больше. Над травянистой долиной возвышалось множество построек, некоторые из которых явно простояли уже сотню или даже пару сотен лет. Большинство из домов обветшало до последней стадии ветхости; некоторые постройки явно ремонтировали и достраивали по мере надобности, отчего они приобрели на редкость причудливый в архитектурном смысле облик. Часть домов покрывали черепичные или соломенные крыши, хотя попадались среди них и просто хижины типа мазанок. Среди домов выделялись кузницы с кузнечным горном, а также стеклодувная мастерская; несколько амбаров, загоны для домашней птицы и скотины. Повсюду свободно бродили агрессивные на вид свиньи. Вдали – ближе к передней части этого поселения – виднелись служебные постройки и склады для зерновых культур, которые он тайком разглядел в щелку из-за стены во время первого неудачного визита. Никакого порядка или плана застройки Логан не заметил; очевидно, новые дома и хозяйственные службы строили по мере надобности, беспорядочно занимая какие-то участки между ремесленными мастерскими, жилыми домами и едва ли вообще обитаемыми лачугами.

Несколько домов превратились в развалины, и, судя по всему, их просто оставили догнивать.

Одно здание возвышалось над всеми: огромная, с многочисленными крыльями постройка с мансардной крышей, верхние этажи которой он уже видел из-за изгороди. Оно маячило слева от него, ближе к центру этого очищенного от леса пространства, и его задняя стена практически примыкала к скалистому склону. Похоже, его ремонтировали, достраивали и перестраивали такое множество раз, что было практически невозможно предположить время начала его строительства или исходный архитектурный замысел. Но в одном Логан не сомневался: это вросшее в землю и местами поросшее мхом здание являлось главным для этого племени.

Он и сам являлся объектом пристального, изумленного внимания. Внезапно Джереми осознал, что множество людей – молча, почти украдкой – высыпали из домов и приблизились к ним. Они успели образовать полукруг перед визитерами и Наумом. Все они носили похожие домотканые, сплошь грубо заплатаемые одежды. Логан насчитал больше дюжины человек. Самых разных возрастов: от пожилых старейшин до крепких зрелых мужчин и младенцев, спящих на руках молодых женщин.

Опомнившись, эмпат попытался установить чувственную связь с этим разношерстным племенем; попытался ощутить, какие эмоции они испытывают. Неудивительно, что он почувствовал их подозрительность. И также почувствовал независимость, ярко выраженную преданность роду... и замешательство. Но он не уловил ни малейшей склонности к жестокости или насилию. Никаких эмоций, связанных с кражей детей, убийствами туристов, которые, к примеру, были более чем очевидны в настрое Сола Уодена. Нет: подавляющей эмоцией здесь, как ощутил Логан, был... *страх*.

Он быстро составил мысленный образ стоящей перед ним группы людей: тесно связанное, по общему мнению, необразованное и отсталое племя – сообщество, издавна терпевшее враждебность и подозрительность местных жителей, в итоге замкнувшееся в своем обособленном мире. Что и побудило их отвергнуть его во время первого визита.

Но больше всего удивило его совершенно непонятное пока сильное, почти всепоглощающее исходившее от этого клана чувство страха. Страх и нежеланное дурное предчувствие какого-то ужасного, более того, привычно ужасного и, видимо, скорого несчастья.

Наум, повернувшись к собравшимся, сделал несколько выразительных жестов. Основная часть группы, бросив напоследок скрытные, любопытные взгляды на Логана, начала расходиться, удаляясь в тех или

иных направлениях, исчезая в темных дверных проемах или направляясь к обрабатываемым полям. Остались на месте только Наум и еще два человека. Эти двое были явно старше Наума, но Джереми не смог догадаться, кем они ему приходились, один из них мог быть его отцом, братом, дядей или состоять с ним в какой-то менее традиционной родственной связи. Ясно было лишь то, что эти трое представляют своего рода совет старейшин.

Но вот Наум махнул рукой в сторону темневшего ярдах в двадцати от них кострища, окруженного длинными скамьями, сооруженными из расколотых бревен. Туда и направились трое представителей Блейкни, а Олбрайт с Логаном последовали за ними. Старейшины сели на одну из этих длинных скамей, а гости устроились напротив них на другой. Трое старейшин тихо посовещались. И потом Наум – видимо, назначенный выразителем общего мнения – показал на мужчину слева от него, чья борода спускалась еще ниже, чем у него.

– Аарон, – произнес он со странным, резким акцентом. Потом показал на сидящего справа от него усохшего старца: – Исав.

– Джереми, – представился Логан, приложив руку к груди, – Джереми Логан.

Олбрайт сидел, расставив ноги и положив руки на колени.

– Наум, – сказал он, – мы с тобой познакомились, еще когда были детьми.

Наум кивнул.

– Ты знаешь, что я не стану обманывать вас и не причиню никакого вреда ни тебе, ни твоим сородичам.

Наум вновь кивнул.

– Но жители Пиковой ложбины испытывают иные чувства. Тебе известно о недавних убийствах... и ты можешь догадаться, что именно местные говорят о них.

Наум ничего не ответил, но лицо его помрачнело. Старец по имени Исав сердито сплюнул на землю.

– А вчера... в общем, убили одного местного рейнджера. И теперь ситуация изменилась. Вы видели, что полицейская машина стояла у поворота на вашу просеку?

– Мы видели ее, – произнес Аарон низким, скрежещущим, как гравий в карьере, голосом, – целыми днями они пытались проникнуть к нам. Орали, используя эти свои штуки... мегафоны. Мы игнорировали их.

– Ладно. Когда около часа тому назад мы проезжали мимо, там дежурила уже не одна, а три машины. Здешний полицейский начальник,

капитан Креншо, намерен вытащить вас отсюда... любой ценой. Теперь он явно не ограничится полумерами. Боюсь, что его действия могут нанести вам вред.

– Какой вред? – спросил Наум.

– Боюсь, что они могут поджечь ваше поселение в случае необходимости. Он считает вас единственными подозреваемыми... а закон на его стороне.

На лицах трех мужчин отразились потрясение, смятение и гнев. И вновь, склонившись друг к другу, они провели тихое совещание.

– Но вот Джереми Логан, – продолжил Олбрайт, прерывая их разговор, – опытный в таких делах человек. За свою жизнь он сталкивался со многими необычными явлениями. Он хорошо известный и влиятельный специалист... и, возможно, ему удастся остановить этого полицейского Креншо.

– Как? – спросил Наум.

– Пока не знаю. Не знаю, как именно. Но, возможно, он сумеет остановить вредоносные для вас действия. Или, возможно – только возможно, – укажет ему настоящего убийцу.

Взгляды всех троих устремились на Логана.

– Но вы должны сказать нам всю правду. Ответить на несколько вопросов.

Очередное тихое совещание. Потом Наум взглянул на них.

– Что вы хотите узнать?

– Расскажите нам о докторе. О том старике.

Некоторое время все трое хранили молчание.

– О том... ученом? – спросил Наум. – С седыми волосами?

– Да. Он же приходил сюда, верно?

– Да, – помедлив, признал Наум.

– Сколько раз он заходил к вам?

На сей раз молчаливая пауза затянулась.

– Дважды, – наконец ответил он.

– И он задавал много вопросов. О вашей истории. И о вашем клане. Несомненно, он также слышал разные байки в Пиковой ложбине. – Олбрайт немного помолчал, и спросил: – Почему вы впустили его? Почему согласились разговаривать с ним?

– Мы нуждались в деньгах, – подал голос Аарон, – на лекарство. Пенициллин. Ребека очень тяжело заболела грудным жаром. Никакие припарки не помогали.

– А Фивербридж – этот ученый – предложил вам деньги?

Очередные кивки.

– Но он хотел что-то в обмен на эти деньги... верно? Не только рассказы об истории.

Вся троица хранила молчание.

– Верно? – с нажимом повторил Олбрайт.

В итоге Наум неохотно кивнул.

– Что именно?

Все трое сидели недвижимо. Потом Наум изобразил пантомимой ватную палочку и сунул ее в рот.

– Образец ДНК, – еле слышно пробурчал Логан и уже громко спросил: – И у кого из вас он брал мазки?

– У меня, – ответил Наум. – Исава. Руфи.

– Но этим дело не ограничилось, правда? – спросил Олбрайт. – Поскольку к этому времени вы рассказали ему о другом. Верно? Ведь вы нуждались в деньгах... а доктор Фивербридж, несомненно, слышавший всякие истории, узнал, как можно получить от вас нужные сведения.

– Нет, – возразил Наум, покачав головой.

– Увы, да, – поднажал Олбрайт, – он захотел также взять мазок у Зефраима.

Троица обменялась взглядами. Пристально наблюдая за ними, Логан осознал резкое усиление их страха и нежелание говорить дальше.

– И вы позволили ему сделать это. Вы не смогли отказать ему, потому что очень нуждались в деньгах. А он обещал никому ничего не говорить.

Наум опустил голову. И, чуть помедлив, кивнул.

– Это никому не повредило. Он сказал, что проводит какой-то опыт.

– Кто такой Зефраим? – шепотом спросил Логан Олбрайта.

– Он является причиной того, почему Блейкни так боятся жителей Пиковой ложбины... и почему они сами не позволяют чужакам заходить в свое поселение.

– Мне необходимо увидеть вашего Зефраима, – громко заявил эмпат.

Трое старейшин за кострищем явно встревожились.

– Нет, – сказал Наум, – нельзя.

– Почему?

– Просто нельзя, – последовал уклончивый ответ.

– Скажи ему причину, – спокойно произнес Олбрайт, – настоящую причину.

Наум начал что-то говорить неуверенно. Потом показал на небо, уже начавшее темнеть.

– Причина во времени перемен, – в итоге выдал он.

Олбрайт подался вперед на их грубой, сооруженной из бревна скамье.

– Послушайте меня, – сказал он, обращаясь к всем троем, – я говорил вам, что Джереми видел много странных явлений. Он не собирается судить вас... и не собирается судить Зефраима. Поймите вы, мы не можем ничего гарантировать. Но он должен иметь все возможности, чтобы помочь вам, и поэтому должен увидеть все. А это означает – и Зефраима.

Троица старейшин встревоженно залопотала что-то на своем языке.

– Либо он, либо полицейские, – добавил Олбрайт.

Тихое совещание продолжалось. Наконец с видом психологически измотанного человека Наум поднялся с бревна. Двое его соплеменников тоже встали.

– Идите за нами, – сказал Наум.

Логан и Олбрайт, дружно поднявшись со скамьи, последовали за старейшинами по грязной тропе, проходившей между сыроварней и свечной мастерской и дальше мимо сарая, где, видимо, ремонтировали машины. В этом поселке, очевидно, не было электричества, и за окнами домов, мимо которых они проходили, начали загораться свечи и керосиновые лампы. Логан глянул на часы: время близилось к половине шестого.

– В детстве Наум рассказывал мне пару раз о Зефраиме, – тихо сообщил Олбрайт, – тогда он еще был ребенком... и я сам изредка мельком видел его. Правда, я не слышал ни слова о нем, с тех пор как вернулся сюда из южных штатов. Но вижу, каким издерганным стал весь клан... раньше они обычно жили спокойно, давным-давно отгородившись от местного населения. Да, причина их тревоги именно в Зефраиме, можно держать пари. Бог знает, что именно успел вытворить Фивербридж до того, как упал со скалы.

По мере того как они поднимались по дорожке, становилось все понятнее, что целью их похода является грандиозное сооружение, возвышающееся над всем поселением. При ближайшем рассмотрении оно оказалось еще более странным зданием, чем на первый взгляд. Исходно, похоже, его сложили из глинобитного кирпича, но стены скрывались под таким количеством слоев обшивных досок, самодельной штукатурки и каких-то обкромсанных бетонных плит разных размеров и форм, что об этом можно было лишь догадываться. Логан насчитал пять или, может, шесть этажей, однако беспорядочные, лепившиеся друг к другу фронтоны и мансардные окошки, выраставшие из основной структуры, выглядели совершенно разнородными, и многочисленные окна – некоторые из древнего мутного стекла округлой формы, другие закрыты мощными

ставнями или просто затянуты промасленной бумагой – располагались так хаотично, что глаз терялся, пытаясь вычленить какие-то уровни.

Наум провел их внутрь. Джереми ожидал увидеть какую-то прихожую, но увидел лишь узкий коридор с низким потолком, уходящий в неопределенные глубины. Стены коридора сложили из широкого грубо отесанного бруса. На улице уже начало смеркаться, но когда старейшины закрыли входную дверь, Логан вдруг осознал, что попал почти в полную темноту. Вспыхнула спичка; и в настенных подсвечниках внезапно загорелись конусообразные свечи; зажглась также керосиновая лампа; и Наум, жестом предложив следовать за ним, повел их обходными путями сначала вверх по скрипучей лестнице, потом по изгибающимся коридорам, снова вниз – на несколько ступеней и опять наверх по еще более длинному пролету, мимо множества дверей, в основном закрытых; обстановку за редкими открытыми дверями различить было все равно невозможно. Логан вскоре полностью потерял ориентацию, не знал даже, на сколько этажей они поднялись. Шумный порыв ветра сотряс здание, заставив его нервно вздрогнуть. Тем не менее они продолжили подъем.

И вот совершенно неожиданно ступени привели их на тесную лестничную клетку с единственной деревянной дверью. Она была обита двумя толстыми железными полосами, а на месте дверной ручки висел замок. Пришедшая группа людей теснилась в этом ограниченном пространстве. Наум поставил керосиновую лампу на столик и постучал в дверь.

Никакого ответа. Логану показалось, что он расслышал из-за двери затихающие торопливые шаги.

– Зефраим? – произнес он спокойным и мягким голосом, каким порой разговаривают с домашними питомцами. – Зефраим, это Наум. Я сейчас зайду.

Наум отпер замок, слегка приоткрыл дверь, потом раскрыл широко. За дверью находилось сумеречное помещение. Он шагнул через порог, и остальные последовали за ним.

Логан осознал, что они поднялись в маленькую чердачную комнату. Обстановку составляли лишь грубо сколоченный стол, где стояли глиняный кувшин с водой и деревянная миска с каким-то варевом, похожим на жидкую кашу, да высокий трехногий стул в центре. Единственное окно,

заколоченное изнутри несколькими досками, пропускало слабые лучи закатного солнца. Он догадался, что это, должно быть, самый верхний этаж того сооружения, которое он видел из-за ограды, в свой первый неудавшийся визит к Блейкни. Единственным реальным источником света оставался фонарь на столике лестничной клетки за дверью.

Трое старейшин собрались около одной из стен, и Олбрайт с Логаном присоединились к ним. На этой стене он не заметил традиционной для этого здания обшивки из грубо обструганных досок, ее покрывал толстый слой хлопкового ватина со множеством дыр, из которых вылезала мягкая набивка.

На трехногом стуле сидел высокий крепкий мужчина лет сорока. Он носил типичную для Блейкни домотканую одежду с той лишь разницей, что вместо брюк и рабочей рубахи его облачение сильно смахивало на свободную монашескую рясу. Как и другие, он отрастил длинную бороду, а его нечесаная каштановая шевелюра сбившимися в узлы, запутанными прядями спускалась до плеч. Он равнодушно глянул на трех старейшин, вставших возле стены. Когда взгляд его устремился на Олбрайта, в нем блеснул огонек интереса и узнавания, быстро сменившийся прежним выражением равнодушия. Наконец он увидел Логана: и страх внезапно искажил все его черты.

– Нельзя! – воскликнул он. – Заставьте его уйти!

– Зефраим, он пришел, чтобы помочь, – произнес Наум прежним мягким и спокойным голосом.

– Он расскажет! Расскажет им, чужим!

– Нет, не расскажет. Ты ведь помнишь Гаррисона... ты познакомился с ним еще в детстве. Он поручился за этого человека. И тот приходивший к тебе ученый, он тоже ведь не сказал о тебе ни одной живой душе, верно? А ведь он заходил к тебе месяцев восемь или, пожалуй, уже девять тому назад.

Зефраим пристально посмотрел на Логана, и энигматолог почувствовал в этом взгляде беспорядочное смешение эмоций – подозрительность, неуверенность, страх и, возможно, слабый проблеск надежды.

– Как он сможет помочь? – в итоге спросил он с отчаянием в голосе, отворачиваясь от них.

– Не знаю, как именно. И сможет ли вообще. Но им нужно посмотреть твое изменение.

– Нет! – воскликнул Зефраим, вновь повернувшись к ним. Чужим нельзя видеть! Я не могу...

Однако голос мужчины затих на середине предложения, и он опять отвернулся. Логан увидел, что Зефраим вдруг уставился на заколоченное досками окно. Закатные лучи, проникавшие в щели между досками, погасли, и теперь их сменил... слабый лунный свет. Трое старейшин обменялись молчаливыми взглядами. Атмосфера в комнате внезапно словно наэлектризовалась. Казалось, все ждали какого-то скорого события. И эмпат догадался, чего именно они ждали. Зефраим, замерев на месте, минут пятнадцать тупо пялился в заколоченное окно. За это время лучи лунного света стали немного ярче, озарив грубые края досок бледным призрачным сиянием. Логану вспомнился тот воссозданный свет, что он видел в секретной лаборатории Фивербриджей. Внезапно Зефраим резко встал. И начал беспокойно двигаться по комнатенке: взял миску с кашей, потом поставил ее на место; мерил шагами комнату, бормоча что-то себе под нос. Потом поочередно он остановился перед каждым из пятерых мужчин, выстроившихся около стены, пристально вглядываясь в каждого. Наконец он дошел до Джереми, напряженно взглянув ему прямо в глаза. Почти неохотно Логан позволил себе настроиться на чувства этого человека. Зефраим по-прежнему испытывал подозрительность и неуверенность. Но страх уже пропал. И появилось что-то еще: пока оно воспринималось как некая странность, неестественность, та самая, которую он уже чувствовал, стоя первый раз возле ограды поселения Блейкни, но он абсолютно не почувствовал той жуткой *инаковости*, что пронизывала места двух жертв убийств, свидетелями которых ему довелось стать. Отвернувшись, Зефраим возобновил свои хождения и невнятное бормотание. Возможно, из-за неверного освещения Логану показалось, что кожа на лице этого человека потемнела и погрубела.

– Закройте дверь, – грубо произнес он.

Никто не шелохнулся.

– Закройте дверь!

Чуть помедлив, Исав направился к двери. Он сделал это с неохотным, но привычным видом. Когда дверь закрылась вместе со светом с лестничной клетки, комната мгновенно погрузилась в серые сумерки. И однако не такие уж серые, как мог ожидать Логан: свет от второй ночи полнолуния просачивался в щели между досками заколоченного окна.

И тогда Зефраим действительно начал меняться. На лице появилась какая-то сыпь, на коже проступили странные рубцы – большие, неровные, почти темные от накопившейся подкожной крови. Из его горла вырывались тихие хрипы. Беспорядочно перемещаясь по комнате, он постоянно мотал головой с такой неистовостью, что волосы взлетали над ней, образуя

темную корону. Должно быть, призрачный лунный свет создавал иллюзию, но казалось, что борода и волосы на руках Зефраима стали гуще и грубее; ногти на пальцах, казалось, удлинились и расширились. Трое старейшин вновь обменялись взглядами.

Зефраим зарычал. А потом одним звероподобным прыжком подскочил к окну.

– Зефраим! – крикнул Наум. – Нельзя!

Но было слишком поздно: несколькими яростными мощными рывками Зефраим с резким треском сорвал доски с окна. Свет полной луны беспрепятственно хлынул в комнату. И тогда совершенно неожиданно Зефраим, видимо, сошел с ума: он начал рычать и метаться; бросался к окну, высовывал в него голову и лаял, глядя на луну; потом, развернувшись, упал на четвереньки, по-собачьи обежал комнату и, вновь поднявшись на ноги, перевернул стул, схватил со стола кувшин с водой и швырнул его на пол, разбив на множество черепков.

Старейшины без промедления устремились к двери. Наум, подхватив Олбрайта и Логана под локти, вывел их на лестничную площадку, где быстро захлопнул дверь и закрыл ее на висячий замок.

– Что с ним произошло? – спросил Логан, потрясенный только что увиденным, небывалым случаем, несмотря на всю его долгую и богатую на странные явления практику.

– Я предупреждал вас, – ответил Наум, – сейчас время перемен. Лунная болезнь... она очень сильно изменяет его.

Из-за двери продолжал доноситься неослабевающий грохот и лай.

– И как долго длится приступ? – спросил Олбрайт.

– Пока светит луна.

– И в этот период он опасен для окружающих? – спросил Логан.

– Нет, – возразил Наум, – для окружающих вовсе не опасен.

И заглянув в глаза этого мужчины, Логан внезапно понял. Замок на двери, странные обитые ватином стены этой чердачной комнаты: все это служило не для защиты окружающих от Зефраима... а для защиты его от самого себя.

В полном молчании группа мужчин проделала обратный путь по этому беспорядочно выстроенному дому. Постепенно звуки за той запертой дверью стали тише. Выйдя из странного многоэтажного здания, пятеро

мужчин вернулись к кострищу. Даже оттуда Джереми еще слышал, как рычит и лает Зефраим, высунувшись в окно, с которого сорвал доски.

Трое старейшин переглянулись друг с другом и посмотрели на Логана и Олбрайта. На их лицах отражались смущение и облегчение: смущение из-за демонстрации столь странного и удивительного явления и облегчение от того, что эта демонстрация закончилась.

– Эта лунная болезнь передалась Зефраиму по наследству? – спросил Джереми.

– Дед рассказывал мне, – кивнув, сказал Наум, – что в нашем клане один или два ребенка всегда рождались с некоторыми странностями. Но такого, как Зефраим, еще не бывало.

«Значит, в Зефраиме странный симптом расцвел в полную силу», – подумал Логан, вспомнив то, что бармен Фред говорил о клане Блейкни: его упоминание о «дурной крови».

– А в какой форме болезнь проявляется обычно?

– Люди возбуждаются, – подумав немного, ответил Наум, – кожа темнеет и покрывается прыщами. Прорываются фурункулы, как вы видели у Зефраима.

– И вы говорили, что это продолжается до захода луны?

Наум кивнул.

– Но только во время полной луны... Верно?

– Да, верно.

Значит, интенсивность лунного света, света полной луны, необходима для инициации приступа болезни. Таким образом, это напоминало опыт с бурозубками, продемонстрированный ему Фивербриджем.

– А что бывает в облачные или дождливые ночи? – спросил Олбрайт. – Если, допустим, свет луны затемнен?

– Тогда ничего не бывает, – ответил Аарон.

– Эти приступы, очевидно, доставляют неприятные ощущения, – задумчиво помолчав, сказал Логан. – Зефраим, несомненно, страдает от них. И тем не менее он стремился увидеть лунный свет... сорвал доски с окна. Почему?

– Трудно сказать, – ответил Наум, – Зефраим не любит говорить об этом. Я смог лишь выяснить, что у него возникает сильная тяга... непреодолимая тяга. Вроде как страстное желание. И... по-моему, в итоге возникает ощущение... скажем так, какого-то могущества или мощной силы.

– Как у волка, – неуверенно произнес Олбрайт.

Наум кивнул. Он сидел, опустив голову, но вот он поднял ее и взглянул

прямо на Логана, а яркий лунный свет отразился от роговицы его глаз.

– Но важно не то, как плохо он сам выглядит, важно то, что он никогда никому не причинял вреда. Никогда не проявлял стремления к жестокости или насилию.

Двое его соплеменников энергично кивнули.

– А кто-нибудь, кроме нас, видел это время перемен? – спросил Олбрайт. – То есть и кроме доктора Фивербриджа?

– Много лет назад, – сказал старейшина рода Исав. – Дядюшка Левий обычно очень тяжело переносил приступы лунной болезни. И один раз ему удалось перелезть через нашу стену. По-моему, кто-то из Пиковой ложбины видел, как он бежал к лесу.

Логан и Олбрайт обменялись взглядами. Вероятно, это и объясняло, как появились слухи.

– С тех пор, – продолжил Исав, – в ночи полнолуния мы стали обязательно запирает наших больных соплеменников.

– А доктору Фивербриджу, – задумчиво спросил Логан, обратившись к Науму, – понадобилось ли ему еще что-то от Зефраима... помимо, я имею в виду, взятия мазка?

Наум опять растерянно помолчал.

– Да, понадобилось... – И он изобразил взятие анализа крови из локтевой вены. – За это он заплатил нам двести пятьдесят долларов. Я говорил вам... Ребекка тяжело заболела, у нее не прекращался сильный жар, – повторил он так, словно оправдываясь и пытаясь избавиться от давнего и смутного чувства вины.

– Понятно, – сказал Логан.

Он по-прежнему пытался осмыслить то, чему стал свидетелем в той чердачной комнате: противоестественной метаморфозе – иного определения и не подобрать – Зефраима Блейкни. В отношении поведения она повторяла изменения, происходившие с бурозубками, только в случае Зефраима изменения затрагивали не только поведение; здесь у больного возникали реальные морфологические перемены, малозаметные, но неоспоримые. Он понятия не имел, какими конкретно могли быть лежащие в основе биологические причины, хотя очевидно, что они связаны с генетическими отклонениями клана Блейкни – возможно, из-за узкородственного скрещивания, или, возможно, просто из-за случайного порочного набора генов в их специфическом геноме, – которые порождали болезненную сверхчувствительность к лунному свету. И Зефраим страдал от самой сильной чувствительности. Неудивительно, что доктор Фивербридж отыскал его и заплатил изрядную сумму за образцы его крови

и ДНК. Это соответствовало направлениям его исследований, упомянутых в обеих статьях, что Логан увидел на экране компьютера Джессапа: воссоздание лунного света, а также и морфологические изменения.

Он осознал, что Наум о чем-то спросил его, и с трудом отбросил пока тревожные размышления.

– Простите?

– Я спросил, сможете ли вы помочь нам?

– Не уверен, – глубоко вздохнув, признался Логан, – но надеюсь, что смогу. Сделаю все возможное. Теперь мне необходимо проверить несколько версий... и чем скорее, тем лучше.

Все напряженно помолчали. Вновь слышались отдаленные завывания Зефраима. Трое старейшин нервно, явно встревоженные, поерзали на грубой деревянной скамье.

– Я задам вам один последний вопрос, – сказал Логан. – С момента входа в ваше поселение я почувствовал страх... страх, исходящий от всех вас. Чего именно вы боитесь?

Троица недоверчиво воззрилась на него.

– А как вы сами думаете, мистер? – спросил Наум. – Если вокруг бродит какой-то монстр... убивает людей, раздирает их... не думаете ли вы, что мы тоже должны бояться его?

– Да еще с этой нашей наследственной лунной болезнью... – добавил Аарон. – Может, это чудовищное создание специально рыщет тут, пытаясь разыскать нас.

– Да, такого любой испугается, – поддержал их Олбрайт, – а если этого мало, то есть еще ненависть и недоверие местных жителей... не говоря уже о новых планах Креншо. – Он встал с бревна. – Спасибо вам всем за то, что пустили нас в свои владения, за ваше доверие... и за то, что позволили взглянуть на Зефраима. А теперь нам пора уходить.

Они вернулись по дорожке к плотной плетеной ограде.

Наум снял проволочную петлю, открыл засов тщательно замаскированной дверцы и с озабоченным видом кивнул им обоим на прощание. Гости нырнули в низкий проем, и дверца мгновенно закрылась за ними. Теперь ночь освещалась лишь слабым, еле проникавшим сквозь листву лунным светом, и обступившие их лесные заросли казались почти непроницаемо черными. Олбрайт сунул руку в карман, достал фонарик и включил его.

– Вы действительно думаете, что сможете найти обратную дорогу? – неуверенно спросил Логан. – С помощью этого фонарика? Я и при дневном-то свете вряд ли нашел бы ее.

– Вы пытаетесь обидеть меня? – ответил Олбрайт. – Уже второй раз сегодня вы подвергаете сомнению мое знание леса. Следуйте за мной. – Он выключил фонарик и сунул его обратно в карман, – я выведу вас на дорогу запросто даже при лунном свете. Это, вероятно, не будет настолько впечатляющим, как то, что вы только что видели, но, надеюсь, третьего вопроса у вас не возникнет. А теперь положите руку мне на плечо... если не хотите потеряться. И ради бога, старайтесь идти как можно тише: не забывайте о полной луне и о том, что где-то в этой округе бродит убийца Джессапа и остальных жертв.

Не говоря ни слова, они выбрались на дорогу, сели в пикап Олбрайта и быстро проехали по трассе 3А до его дома. Когда поэт вылез из машины, Логан автоматически поступил так же, проследовав за ним в дом.

– Итак, что вы думаете? – спросил Олбрайт, наконец нарушив молчание. – Держу пари, что вы еще в жизни не видели ничего подобного. А уж я точно не видел.

– Полагаю, у меня появилось кое-какое дело, – покачав головой, произнес Логан.

– Тогда, судя по всему, вам надо поторопиться. – Олбрайт снял со стены винтовку, взял с каминной полки коробку с патронами и зарядил ее. Потом приставил ружье к камину и добавил: – Ведь завтра последняя ночь полнолуния... и очень похоже на то, что нашему приятелю Креншо реально не терпится свершить... гм, своего рода правосудие.

Логан поблагодарил его за потраченное время и силы, вышел из дома и быстро добрался до своего коттеджа в «Облачных водах». Ему необходимо было о многом подумать... а времени на раздумья оставалось довольно мало.

Для начала он подключился к Сети и просмотрел возможные наследственные признаки, которые могли бы объяснить поразившую Зефраима болезнь. Потемнение кожи, предположил он, может быть связано с меланином... вероятно, гиперпигментация порождается, как ни странно, отраженным лунным, а не прямым солнечным светом. Если так, то явление фотопротекции – комплекс молекулярной обработки, предназначенный для защиты людей от повреждения солнечным светом, – может сработать и в обратном случае, скажем так, обеспечить ему реальные защитные средства от лунных лучей. Если приступ провоцирует внезапный и резкий скачок

производства меланина, то нейромеланин – странный и малопонятный полимер, найденный в мозге, – также может провоцировать заметные изменения в его поведении, особенно если он связан с всплеском секреции гормона типа адреналина.

Аналогичным образом рост ногтей, который, как Логану показалось, произошел у Зефраима, мог быть вызван гиперкератозом, аномальным утолщением и раздражением внешнего кожного покрова типа угревой сыпи и воспалением волосяных луковиц, чем объясняются, видимо, и рубцы, замеченные им на коже Зефраима.

Кроме того, безусловно, проявился синдром Амбраса, или гипертрихоз, – иными словами, «синдром вервольфа», который является причиной аномального роста волос по всему телу. В стародавние времена на сцене цирка показывали бородатых дам, зачастую страдавших как раз от такого недуга.

Гиперпигментация, гиперкератоз, гипертрихоз – все эти болезни могли потенциально быть ответственными с научной точки зрения за то, что он видел в чердачной комнате дома поселения Блейкни. Но они не объясняли того внезапного и стремительного приступа, с которым все три заболевания проявлялись, не объясняли они и как все эти признаки исчезали с той же готовностью, как только луна уходила с небес. И ни в одной из имевшихся в Интернете медицинских и научных статей, с которыми Логан ознакомился, не упоминалось, разумеется, о том, что эти признаки порождались лунным светом. Возможно ли, что Зефраим – и в меньшей степени другие его соплеменники – страдал от некоторой генетической патологии или, возможно, синдрома, пока неизвестного науке? Стремительный рост волос, увеличение физической силы, рост ногтей, потемнение кожи (только еще ярче подчеркивавшие отрастание и загущение волос) – все это очень походило на исторические образы вервольфов, подробно описываемые столетиями, которые он читал во множестве, хотя обычно преувеличенные страхом и невежеством. В случае Зефраима, однако, имелась при наличии определенных физических изменений и разница... в нем не проявлялось никакой жажды крови, никаких неистовых припадков жестокости. По крайней мере, так говорили ему Блейкни. А проявленный ими страх и то, что они запирали Зефраима ради защиты его от самого себя... и, самое главное, чувства, испытываемые больным, когда он наблюдал за изменениями, убедили Логана в том, что они говорили правду. Имелась еще одна загадка... загадка, которую, вдруг осознал энигматолог, ему почти не хочется разгадывать. И она возвращала его к Чейзу Фивербриджу. Фивербридж разузнал о Зефраиме и о редкой

«лунной болезни», от которой страдали некоторые из клана Блейкни. Он взял у них образцы ДНК и крови. Но ничего из этого он не показал Логану в ту ночь в тайной лаборатории за пожарной станцией. Вся его демонстрация сосредоточилась на том, как лунный свет – чистый лунный свет, просеиваясь через пылевую лунную атмосферу, но беспрепятственно проникая сквозь загрязнения, окружающие Землю, – может вызвать поведенческие трансформации. В памяти вдруг всплыли слова Фивербриджа: «Возможно ли, чтобы такое необычное качество света, видимого дневными земными тварями, воздействовало на мозг достаточно сильно для вызова изменений в поведении? И достаточно ли для такого изменения просто света полной луны? Вот каковы начальные посылки рабочей гипотезы: воздействие этого особого, поляризованного лунного света, проникая в мозг, могло вызывать необычные отклики: страх, возбудимость, агрессию».

Далее Фивербридж продемонстрировал эти результаты, и Логан сам их видел. Но то воздействие, хотя и очевидное, меняло только поведение – как и утверждалось в первой статье, которую он прочел на компьютере Джессапа. А результаты, только что виденные им у Зефраима, были не только поведенческими, но и морфологическими. Пусть временными, пусть в относительно малой степени: но Зефраим *изменился физически*.

Однако это не укладывалось никоим образом в тот эксперимент, что Логан видел в тайной лаборатории, хотя намек на это, вероятно, имелся во второй, последней статье, прочитанной им в кабинете Джессапа и опубликованной около восьми или девяти месяцев назад. Возможно, Фивербриджу не удалось воспользоваться жизнеспособной пробой ДНК Зефраима. Он надеялся – отсюда и оптимизм в самой статье, – но в конечном счете ничего не удалось доказать. Может, проявлявшаяся в людях клана Блейкни генетическая черта была просто слишком необычна или экзотична для использования в лабораторных опытах... и поэтому Фивербридж вернулся к своим начальным исследованиям.

Он мог не упомянуть о своих делах с Блейкни Логану, поскольку обещал им хранить тайну. Ведь и сам Логан дал такого же рода обещание... вот и пожилой ученый тоже не хотел обмануть доверие клана.

И тем не менее подсознательно Джереми прокручивал и другой сценарий... тот, что ему не хотелось рассматривать. И он имел отношение к нервному поведению собак, которое он заметил, навещая Лору Фивербридж.

Вздохнув, он закрыл крышку ноутбука. От недостатка сна его мозг пребывал в оцепенении... к тому же сейчас шел уже четвертый час ночи.

Какое бы ни нашлось объяснение для Зефраима Блейкни, Логан обнаружил существо, в высшей степени достойное дальнейшего изучения: своего рода мечта энигматолога. И не только для энигматолога. В настоящее время в мире существует еще около сорока тысяч установленных болезней. И каждый медик от клинициста до биофизика мечтает, вероятно, пусть это и не слишком этично, открыть еще одно новое заболевание. Возможно, он обнаружил его. Но изучение, в какую бы форму оно ни вылилось, если вообще выльется, могло подождать. Поскольку на очереди стояли другие, более таинственные силы: силы, которыми необходимо было заняться безотлагательно. Кем бы на самом деле ни оказался Зефраим... мог ли он подтвердить легенды о вервольфе – на свободе пока оставалось нечто гораздо более кровожадное. Фаза полнолуния подходила к концу – а это означало, что нельзя терять ни минуты. Откинувшись на спинку кресла, Джереми закрыл глаза, мысленно попытавшись сложить все кусочки этого странного пазла. Догадки жителей Пиковой ложбины. Тревоги его друга Джессапа – поначалу просто смутные, позже переросшие в очевидные подозрения. Трансформация Зефраима и клановая «лунная болезнь» – ее он видел собственными глазами. Последняя статья, написанная доктором Фивербриджем, опыт, продемонстрированный им Логану в секретной лаборатории. Где-то среди всех этих ниточек скрывалась главная нить, способная привести к ответу...

Его разбудил легкий стук в дверь. Пошевелившись в кресле, Джереми открыл глаза и мгновенно прищурился от яркого солнечного света, заливавшего гостиную. Глянув на часы, он вдруг увидел, что уже второй час дня: провалился в сон и проспал беспробудно все утро, пробудившись только тогда, когда возле его двери оставили ланч. Конечности занемели от проведенных в кресле часов сна, но Логан не мог позволить себе медлить. Бросившись в ванную, он вымыл лицо и руки, сунул голову под струю холодной воды, чтобы взбодриться и прочистить мозги. Схватив расческу, наспех причесался. После чего, взяв мобильник, ключи от машины и фонарик, выбежал из коттеджа и устремился по грунтовой дорожке к парковке, где стоял арендованный джип.

Около половины третьего Логан заехал на подъездную дорожку обретшей новую научную жизнь пожарной станции. Помедлив в начале этой дорожки, сделал один короткий звонок и продолжил путь к стоянке.

Выйдя из джипа, он увидел, как Лора Фивербридж вышла из жилого дома и направилась к лаборатории. Заметив его, она остановилась и улыбнулась.

– Джереми, – сказала она, – какая приятная неожиданность.

– Рад видеть вас также, – ответил он, – но хотелось бы, чтобы наша встреча происходила при более приятных обстоятельствах.

После его слов улыбка ее потускнела.

– Да, я слышала о Джессапе. Какой ужас. Я встречалась с ним дважды... он показался мне очень приятным человеком. – Она чуть подалась вперед. – Пойдемте, мы сможем поговорить в лаборатории.

Пока они шли, Логан смутно осознал некоторые изменения обстановки.

Потом он понял, что именно изменилось: не было слышно собачьего лая, никакой бурной возни вокруг. Он глянул в сторону собачьего убежища и увидел, что оно опустело.

– А где же Тоши и Миша? – спросил он.

Лаура стала еще более встревоженной.

– Они сбежали.

– Как? Обе собаки?

– Насколько я понимаю, да. Вы помните, какими они стали возбужденными... мне пришлось запирать их на ночь. А два дня назад я выпустила их утром, как обычно, и пошла приготовить им завтрак... а когда вернулась, они уже исчезли. Полдня я бродила по ближайшему лесу, звала их, свистела. Ни звука в ответ.

Они вошли в лабораторию и сели около одного из столов.

– Как дела у вашего отца? – спросил Логан.

– Поглощен исследованиями больше прежнего. Как я и говорила вам... кажется, он обрел новую жизнь.

Логан окинул взглядом лабораторные столы, научное оборудование, клетки с животными. Он почувствовал, что от дочери натуралиста исходит фальшивое оживление.

– А Пейс уехал в город?

– Нет. Отправился на поиски собак.

Заметив, что Логан пристально взглянул на нее, Лора опустила глаза.

– Нет, на самом деле это неправда. Кевин уехал от нас.

– Когда?

– Как раз вчера после полудня. Упаковал вещи и заказал такси до Лейк-Плэсида, даже не предупредив.

– Почему именно?

– А разве непонятно? – Лора пожала плечами. – Это уединение, смерть

Марка, бегство собак... но, по-моему, последней каплей стало убийство рейнджера. – Она мельком глянула на него. – Оно было... такое же ужасное, как остальные?

– Еще ужаснее.

– И по-прежнему никаких подозреваемых? – вздрогнув, спросила она.

– В общем, есть один досрочно освобожденный убийца, Сол Уоден, за которым усиленно следили полицейские. Однако на время убийства Рэндалла Джессапа у него железное алиби. Теперь подозрения полицейских нацелились на клан Блейкни... и могу добавить, они готовы на весьма решительные меры.

Лаура покачала головой.

– Типичные захолустные предубеждения. Ох, несомненно, эти Блейкни по природе своей просто отшельники; абсолютно невежественный клан. Так мне обычно говорили, во всяком случае. Но это не их вина... а результат издавна избранного ими образа жизни. Хотя, естественно, на мой взгляд, это могло сделать их мишенью для подозрений... особенно из-за их отсталости.

Последовала короткая пауза.

– Лора, – наконец мягко произнес Логан, – мне жаль, что приходится говорить это. Но когда мы с вами встречались в первый раз, вы заявили, что никогда не слышали о клане Блейкни.

Лаура покраснела и отвернулась.

– Джереми... – начала она.

– Нет, – прервал он ее, – по-моему, будет проще, если говорить буду я.

Немного помедлив и по-прежнему отвернувшись от него, она кивнула.

– У меня появилась гипотеза. Не все пока ее части стыкуются, но это, пожалуй, несущественно, поскольку главное уже прояснилось. Я прочитал последние две статьи вашего отца: те самые, по вашим словам, что навлекли на него еще более язвительные, чем прежде, насмешки научного сообщества. В одной рассматривалось, каким образом лунная атмосфера могла порождать лунное воздействие: это ваш отец продемонстрировал мне весьма убедительно. В другой, последней и в некотором роде более относящейся к сути дела статье, говорилось о трансформационной биологии – в сущности, о метаморфозах – и о том, как ДНК животных может, вероятно, спровоцировать появление мутации ДНК человека. Я также знаю, что ваш отец посещал клан Блейкни и в обмен на деньги получил пробы ДНК, а в случае Зефраима и плазму крови. Зефраим Блейкни страдает от генетического заболевания, и оно вызывает реальные, пусть и временные, физические изменения под влиянием яркого лунного

света – света полной луны.

Лаура слушала Логана молча, не глядя на него.

– Ваш отец убедился – вполне справедливо – в достоверности своей гипотезы о лунной атмосфере, о структуре лунной пыли, провоцирующей на земле лунное воздействие. Но теперь, разъяренный тем, какому осмеянию и презрению подвергли его труды – и, вероятно, увидев собственными глазами «лунную болезнь» Зефраима, как я прошлой ночью, – ваш отец, на мой взгляд, пересмотрел тезисы, выдвинутые во второй статье. Вместо влияния ДНК животных на ДНК человека он теперь задумался о влиянии ДНК человека, в частности Зефраима Блейкни, на ДНК животных.

Он помолчал. Лора тоже хранила молчание.

– Ваш отец не только натуралист, но и опытный биохимик... вы сами говорили мне об этом. И оборудование в той вашей секретной лаборатории больше подходит медицинским или биохимическим, чем натуралистическим исследованиям. Не надо большого ума для одного логичного предположения: используя ДНК Зефраима во взаимодействии с уже достигнутыми результатами собственных трудов, ваш отец синтезировал сыворотку для получения именно такой трансформации. И поскольку такая сыворотка взаимосвязана с недугом Зефраима, эти изменения проявляются только в период полнолуния. Насколько я представляю, ДНК человека так разительно отличается от ДНК ваших мелких лабораторных животных, что синтезированная сыворотка вряд ли могла быть совместима с ними – введение ее либо не оказало никакого воздействия, либо могло привести к их смерти. Вашему отцу удалось воспроизвести поведенческие изменения бурозубок и мышей благодаря искусственно воссозданному лунному свету, но не удалось воспроизвести морфологических изменений – для этого, вероятно, требовались более крупные твари. И поэтому в итоге он решил попробовать ввести сыворотку двум вашим собакам.

Логан встал и начал мерить шагами лабораторию.

– И это совершенно логично. Именно поэтому собаки так странно вели себя, когда я видел их последний раз, сразу после окончания фазы полнолуния. И именно поэтому они сбежали сейчас... в период полнолуния. Верно? По какой-то причине... возможно, из-за какого-то спровоцированного изменения или искажения, не выявленного в воспроизведенной ДНК, ему удалось не только максимально увеличить силы и способности тех животных... но заодно и неуправляемую жажду насилия, жестокость. Ни у Зефраима, ни у его соплеменников не

наблюдается ни малейшей склонности к жестокости. Что это, Лора, результат противоречивой природы или попытки сыграть роль бога? В отчаянной попытке доказать свои гипотезы ваш отец невольно создал двух чудовищ, и он не способен контролировать их, не рискуя при этом вашими жизнями... Они срывались с поводка и устремлялись в лес. И убили уже четырех человек.

Теперь наконец Лора повернулась к нему. Увидев выражение ее лица, он замер посередине лаборатории.

– Вы на редкость умны, Джереми, – тихо произнесла она, – и достигли больших успехов в своем энigmatологическом хобби. Ваша версия верна... по крайней мере в основном: синтез сыворотки и использование ее на контрольном испытуемом. В сущности, вы правы почти во всем, за исключением одного пункта, крайне важного пункта. На сей раз вы прошли по верной дороге, смотрели в правильном направлении... но в то же время заключительный вывод, вывод, которого вам еще не достает, маячит прямо перед вашими глазами. Вы просто пока не способны увидеть его.

Джереми напряженно вглядывался в странное, непроницаемое выражение глаз Лоры Фивербридж. И внезапно – в одном ошеломляющем, ужасном моменте откровения – он все понял.

35

– Ваш отец, – еле слышно произнес он, – он испытал препарат на себе.

– На ком же еще? – откликнулась Лора. – Неужели вы думаете, что он мог позволить хоть какому-то живому существу, кроме самого себя, стать подопытным? Дочери? Собакам?

Логан задумчиво кивнул. Задним числом вся эта история обретала полный смысл. Фивербридж стал своего рода оружием замедленного действия. Пережитые им со стороны ученых унижения и презрение привели его к попытке самоубийства... так не вылилась ли эта попытка в идею испытания экспериментальной сыворотки на самом себе? Вряд ли: он пошел на такой эксперимент явно в силу одержимости самой идеей. И если сыворотка сработает – если в конечном итоге он будет способен продемонстрировать физические изменения, вызванные светом полной луны, – то его опала мгновенно обернется признанием и успехом.

Но произошла ошибка... ужасная ошибка.

– Расскажите мне, что произошло, – попросил он.

– Я слишком поздно узнала, – ответила она, глубоко и судорожно

вздыхнув, – какой эксперимент он собирался провести. Он уже разработал метод использования определенных трансформационных качеств гусениц и для получения нужной ему трансформации при использовании человеческих аналогов имагинальных дисков требовалось добиться невероятно большой скорости деления клеток. Когда ему удалось раздобыть пробу ДНК Зефраима Блейкни, который явно продемонстрировал морфологические изменения под влиянием полной луны, он применил ее в своих исследованиях имагинальных дисков. Потом преобразовал результат в формулу, применимую к человеку. Он предположил, что, как Зефраим, будет восстанавливаться в своем обычном виде после окончания фазы полнолуния. Но для гарантии он встроил в эти диски своего рода память – некий протеин, способный денатурировать нужные вещества через несколько часов, – чтобы гарантировать временные рамки трансформации. Он провел исчерпывающий набор тестов и моделирований. А потом он... он ввел этот препарат себе. И только тогда, – опять вздохнув, продолжила она, – он позвал меня посмотреть его триумфальное достижение. Да, его гипотеза подтвердилась... подтвердилась чересчур впечатляюще. Это происходило во вторую ночь полнолуния. Лаборанты уже спали, а мы сидели здесь... и тогда он реально начал изменяться. Вот только ожидал он не таких изменений. И, безусловно, они начались, едва он попал под лучи лунного света. Увы, он не учел возможности побочных эффектов.

– Так какими же они были? – настойчиво спросил Логан.

– Трудно описать. Мы по-прежнему пытаемся откатить их, до сих пор. Насколько нам известно, трансформирующий стимул полученной формулы ДНК изменял его гораздо сильнее, чем Зефраима Блейкни. Изменения выглядели... устрашающе. – Внезапно она взглянула прямо на Логана. – Можете ли вы поверить, что я, его дочь, смогла признаться в этом? Но это правда, и никак иначе невозможно описать их: эта метаморфоза вселяла страх. А хуже всего, что эти изменения – как вы сами догадались – сделали его восприимчивым к лунному влиянию. Лунный свет пробуждал в нем агрессию, даже жестокость – как в тех бурозубках, которых вы видели в нашем опыте несколько недель назад. Он выбегал из лаборатории и... скрывался в ночном лесу.

Она умолкла. Логан глянул на свои часы: половина пятого. Он терпеливо ждал продолжения исповеди.

– Отец столкнулся с тем старым бродягой, о котором я вам рассказывала. Реакция этого странника на его появление, испуганные вопли разъярили моего отца. Он сбросил его со скалы. Каким-то образом

неожиданный всплеск такой спровоцированной ярости заставил его вернуться. Он пришел в лабораторию и сообщил мне, что натворил.

– Теперь вы понимаете, – сказала она, по-прежнему глядя прямо на Логана, – что моему отцу в самом деле довелось умереть... только не по той причине, о которой я вам говорила. Нам пришлось спрятать его, дать ему возможность работать в тайном месте до тех пор, пока мы не найдем способ устранить влияние на него этой сыворотки. Трансформационные способности оставались активными, и на следующую ночь они повторились. На сей раз мы заперли его в доме, что позднее стал нашей секретной лабораторией. Утром я отправилась к телу бедняги. И обменяла его вещи на вещи отца. Потом принялась устраивать жизнь отца в новой лаборатории, заказала все необходимое оборудование. Переждав еще день, я сообщила о его исчезновении. Я надеялась, что Марк сам обнаружит это тело во время одной из своих прогулок. Но он не обнаружил... и тогда я обратилась в полицию.

– И с тех самых пор, – вздохнув, заключила она, – мы занимались, так сказать, поисками противоядия... способа аннулировать спровоцированный сывороткой процесс. Практически сразу мы добились некоторых успехов: нам удалось нейтрализовать влияние лунного света в плане полного устранения его склонностей к жестокости.

Однако... физическая метаморфоза продолжала происходить каждое полнолуние. Мой отец целыми днями бьется над этой проблемой в нашем лесном форпосте. А по вечерам я отправляюсь помогать ему... за исключением ночей полнолуния. В эти ночи он всегда удаляется в свою личную лабораторию, за той дверью, что находится в дальней стене. Ему слишком стыдно... он не позволяет мне видеть его. По-моему, он заметил, с каким ужасом я смотрела в первый раз на его изменения... и для него мучительно видеть такую мою реакцию вновь.

– Значит, он запирается в своей личной лаборатории, – задумчиво произнес Логан, – секции внутри общей вашей тайной лаборатории, в которую вы никогда не заходите?

– Да. Единственное окно в ней закрыто толем. Это снижает влияние полной луны – не полностью, но снижает. В такие ночи я даже близко не подхожу к тому лесному дому. Держусь подальше, позволяя ему сохранить достоинство.

– И вы уверены, что он сидит взаперти в своей личной секции все ночи полнолуния?

– Конечно. Ему невыносимо даже думать, что кто-то может увидеть его в таком... в измененном состоянии. Кроме того, существует риск того,

что он столкнется с той свирепой тварью, что бродит по лесу.

– Вы имеете в виду обезумевшего медведя, – предположил Логан, – или дикого волка.

Она мгновенно уловила его намек.

– О нет, вы ошибаетесь... ошибаетесь! Он ненавидит то, что произошло с ним, что он сотворил с собой... и он хочет лишь сидеть взаперти, пока не закончится полнолуние. Кроме того, я говорила вам, что нам удалось полностью нейтрализовать проявления той необузданной ярости... и в любом случае они не имели никакого, ни малейшего сходства с тем, что случилось с четырьмя несчастными жертвами. Тогда у него возник внезапный приступ гнева, и тот приступ больше не повторился, хотя он постоянно сожалеет о случившемся.

Она опять замолчала. Лишь через несколько минут Логан нарушил молчание.

– Лора... – начал он, – я не знаю, что сказать. Все это настолько ошеломляет. Ваше описание того, что произошло с вашим отцом, звучит поразительно. Мне также прискорбно по меньшей мере, что эксперимент дал столь неожиданные последствия. И я ценю то, что вы трудились денно и ночно, стараясь аннулировать их. Однако вы поступили скверно, ложно опознав в том скитальце вашего отца. А сейчас ситуация еще больше осложнилась. Вы прячете... укрываете... убийцу.

– Джереми, но он же сделал это ненамеренно... – почти умоляюще возразила Лора, – он был сам не свой, вышла ужасная ошибка. Я знаю, что отец никогда и никому не хотел причинить вред. Разве вы не понимаете этого?

– Да, я понимаю. Но это не меняет того, что он сделал. Если власти узнают об этих обстоятельствах, то они...

– Они поместят его в психиатрическую лабораторию и примутся изучать. Как животное в зоопарке. Или как выродка. Это будет для него равносильно смерти... может, даже тяжелее смерти.

– Нет. Я не позволю этому случиться... обещаю. Но его необходимо отправить в учреждение, где ему смогут помочь.

Ничего не ответив, Лора просто опустила голову.

– Лора... позвольте мне поговорить с ним.

– Нет! – она мгновенно вскинула голову и взглянула на него. – Совсем скоро взойдет луна. Он уже заперся в своей личной лаборатории.

– Тогда я поговорю с ним через дверь.

– Вряд ли, он не захочет...

– Лора, *пожалуйста*. Вы работали над этой проблемой уже полгода...

безуспешно. И единственный реальный шанс в том, что я... что мы с вами сумеем помочь ему.

Несколько минут она продолжала неподвижно сидеть на стуле. Потом, не взглянув на Логана, Лора встала, вышла из главной лаборатории и направилась в лес.

Когда они достигли этой тайной, скрытой в глубине леса лаборатории, солнце уже почти садилось за горизонт. По небу плыли редкие стайки облачков.

Здание стояло в темноте, оно выглядело покинутым и пустым. Лора нерешительно помедлила возле двери. Логан положил руку ей на плечо и слегка сжал его. Спустя мгновение она повернула ручку и открыла дверь.

В помещении было темно, Лора щелкнула блоком переключателей. Лаборатория осталась в том виде, как запомнилась Логану, со всеми ее микроскопами и синтезатором ДНК, со множеством другой аппаратуры и оборудования, с клетками животных... и дверью в дальней стене, сейчас плотно закрытой.

Медленно и неуверенно Лора приблизилась к той двери.

– Отец? – произнесла она, чуть помедлив, с тревогой и надеждой.

Из закрытой комнаты не донеслось ни звука.

– Пожалуйста, отец, ответь мне.

Теперь Логан слышал за дверью какое-то движение.

– Лора, мы же договорились. Ты должна оставить меня одного на период ночей полной луны. Ты же знаешь, что мне невыносима сама мысль о том, что ты увидишь меня таким.

– Со мной пришел Джереми Логан, – сообщила она.

Фивербридж промолчал.

– Отец... ему все известно.

Молчание затягивалось. Но вот дверь медленно открылась, и на пороге появилась темная фигура. Когда она вышла на свет, Логан узнал Чейза. Сняв лабораторный халат, он переоделся в какие-то старые рваные брюки и просторную рубаху из толстой шерсти. Его рост показался Логану еще выше, чем раньше, и ученый молча перевел взгляд с Логана на свою дочь со странным блеском в глазах. В задней части маленькой комнаты за его спиной Логан разглядел узкую койку. На сей раз он также заметил закрытое толем окно, большую раковину и какие-то приборы, хотя тусклое

освещение не позволило ему оценить их назначение.

– Что именно ему известно? – спросил натуралист.

– Он был в поселении Блейкни. Видел трансформацию Зефраима... и ему известно о пробах ДНК и плазме крови, которую ты взял у него.

– Ты сказала ему? – резко повернувшись к ней, спросил Фивербридж.

– Нет, нет, конечно нет. Он сам пришел к такому выводу. Я лишь добавила последние детали.

– Наверное, о том, как я убил того старика.

– Это же был несчастный случай! То был не ты. И я объяснила, как нам удалось подавить жестокие склонности, которые проявились в ходе первой трансформации.

Фивербридж продолжал смотреть на них, переводя взгляд с одного на другого. Он явно испытывал странную смесь эмоций: удивление, тревогу, враждебность и – что Логан уловил сильнее всего – предчувствие.

– Отец, возможно, он сумеет помочь.

– Чем он сможет помочь? – Фивербридж опустился на один из лабораторных стульев. – Мы уже полгода трудились над способами возврата... безуспешно. – Он глянул на открытую входную дверь лаборатории. – А сейчас вы должны уйти... вы оба. Я... я не выдержу наблюдения за переменами. Уходите, прошу.

Вместо этого Логан как бы невзначай устроился на другом стуле напротив пожилого ученого.

– Лора сообщила мне, что вам удалось по крайней мере уменьшить воздействие. Но мне интересно: что вы при этом чувствовали? То есть тогда, когда с вами происходили эти перемены.

– Беспокойство, – немного помолчав, ответил Фивербридж, – и боль, поначалу почти невыносимую. Кожа становилась... даже не знаю, как описать это ощущение. Но также появляется ощущение некоторой... энергии или силы. Но не человеческой силы... тут нечто другое. Это просто странное физическое ощущение, подсознательное, не затрагивающее разум.

– И жажды насилия? Когда проявилась та эмоция, та потребность?

– Лора же сказала вам, – резко ответил он, – от этого удалось избавиться. Я предпочитаю не вспоминать о том... случае.

– Когда вы показывали мне тот опыт с бурозубками... почему вы сами не подверглись влиянию?

– Я же стоял за источником света, помните? Свет падал только на животных, и никуда больше.

– Но если бы вы направили его на себя, то подверглись бы

трансформации?

– Полагаю, да, при достаточной интенсивности света. Но как мы говорили вам, я сделал все возможное, чтобы защитить себя от полной луны. – Он нетерпеливо поерзал на стуле. – Мне не удастся понять, как ваши вопросы могут помочь мне.

– Это поможет мне, доктор Фивербридж... понять, что именно происходит. У меня осталось всего несколько вопросов. Скажите мне, как вы думаете, почему вам не удалось значительно преуспеть в поиске способа вашего излечения? Ведь полгода – значительный срок для решения такой проблемы.

– Если бы я сам понял это, то мы, вероятно, достигли бы больших успехов на этом пути. В мою исходную гипотезу о возможной реакции имагинальных дисков по типу известных метаморфоз гусениц закралась ошибка. Я синтезировал их для воздействия на средний вес человека и запрограммировал на денатурацию и возврат процесса трансформации. Но вместо этого они, по-видимому, сцепившись с моей ДНК, видоизменили ее. Для исправления этой модификации приходится идти методом проб и ошибок... что весьма опасно, если не проводить эксперименты с предельной тщательностью.

– Всякий раз, когда мы, казалось, достигали успеха, – добавила Лора, – оказывалось, что это лишь очередной тупик.

– А вы хотели бы позволить другим... другим ученым, я имею в виду... помочь вам? – спросил Логан. – Попытаться решить проблему совместными усилиями?

Фивербридж горько рассмеялся.

– Если они не посадят меня в тюрьму за убийство того старика, то запрут в клетку, будут показывать пальцами и проводить на мне эксперименты. И научное сообщество, смеявшееся надо мной долгие годы... подумайте только, что они скажут! Игнорируя мои достижения, они увидят лишь неудачу: неспособность аннулировать экспериментальные изменения.

– То есть вы настаиваете на продолжении затворнических исследований? – уточнил Логан.

– Иного пути нет, – Фивербридж энергично кивнул. – Я нуждаюсь только в помощи Лоры.

Вот, значит, какие дела. Логан помедлил, собираясь с мыслями.

– Вчерашнее вечернее наблюдение за превращениями Зефраима Блейкни... в общем, оно стало для меня незабываемым откровением как в профессиональном, так и в личном плане. Однако меня поразило кое-что

еще... об этом говорил и его брат Наум. Видите ли, я спросил Наума почему – учитывая, что воздействие лунной болезни настолько мучительно, – Зефраим все-таки срывает доски с окна, намеренно подставляя себя прямо под лучи полной луны? Наум ответил мне, что, насколько он понял, несмотря ни на что, Зефраима тянет к этой луне. Он назвал это чувство странной тягой, страстным желанием. Он сказал также, что это придает Зефраиму ощущение некоторого могущества, плотского могущества. Вы упомянули сейчас о чем-то подобном, хотя использовали эвфемизм «энергия».

– Переходите к сути дела, – сказал Фивербридж.

Он уже соскользнул со стула и теперь в состоянии крайнего раздражения мерил шагами лабораторию.

– А суть как раз в том, что, согласно словам Лоры, вы воспроизвели в себе болезненные переживания Зефраима... однако благодаря использованию и других достижений ваших предшествующих исследований результат ваших циклических изменений привел к тому, что вы подвергались трансформации в гораздо большей степени, чем Зефраим.

Фивербридж ничего не ответил, просто продолжал ходить по лаборатории.

– Так разве не подсказывает нам здравый смысл, что вас и к полной луне влекло также сильно... что вы жаждали этого света, неодолимо жаждали того могущества, которое он придает вам?

– Нет, ничего подобного! – запротестовала Лора.

– А упомянутая вами «энергия» мне представляется скорее неким источником, чем-то, чем вы можете заткнуть практически волевым усилием. Я могу лишь представлять, какие вы испытываете чувства.

– Это безумие! – воскликнула Лора. – Мой отец страдает, ужасно подавлен случившимся, он...

– Это могущество, это страстное желание... чего ради кому-то захотелось бы, чтобы его лишили их? – спросил Логан Фивербриджа. – По моему, все как раз наоборот: в данном случае больному захочется любой ценой сохранить их. Именно поэтому вы постарались изумить меня демонстрацией ваших более ранних исследований – исследований с лунной пылью, – сознавая, что я не выдам вас, а из-за моего неведения позволю вам заниматься тем, что сейчас действительно интересовало вас – та самая цель, которой вы всегда надеялись, но никак не могли достичь... до тех пор, пока не встретились с Блейкни. – Он немного подумал и продолжил: – А упомянутые Лорой успехи, те, что якобы оказывались тупиковыми... разве не вы устраивали все так, чтобы они такими казались? Ведь

благодаря этим волнующим событиям вы стали сильнее, а не слабее. Фактически вы прирастворились к этой трансформации, и эта страсть укрепляет вас в более спокойные периоды... Так разве не она удерживает вас от реального нахождения способа возврата к здоровому состоянию?

– Нет! – сипло крикнул Фивербридж.

– Чем вы, доктор Фивербридж, на самом деле занимались здесь в одиночестве, – с нажимом спросил Логан, – когда запирались по ночам полнолуния, отказываясь видеть даже вашу дочь? Разве вы на самом деле забивались в заднюю комнату с закрытым толем окном?

– Джереми, – возмущенно воскликнула Лора, – что вы такое говорите?

– И тот исходный яростный аспект трансформации, тот самый, что вам так легко удалось нейтрализовать, хотя вы не добились никакого другого улучшения вашего состояния... неужели он *действительно* исчез? Или вы просто убедили в этом вашу дочь? В силу моего занятия энигматологией мне приходится вновь и вновь сдерживать собственное неверие, принимая многое как данность... но я никогда не воспринимаю как данность совпадения. И мне слишком трудно поверить в столь редкое совпадение в вашем случае, поскольку оно заключается в том, что вскоре после того, как вы ввели себе воссозданную ДНК, и начали происходить эти зверские бессмысленные убийства.

За время разговора за стенами лаборатории сгустились сумерки. И внезапно полоса лунного света проникла через открытую дверь и озарила Фивербриджа.

– Вы мерзавец! – задыхаясь, взревел он. – Вы издеваетесь надо мной!

Он еще не договорил эти обвинения, а Логан уже заметил, как странная пигментация начала покрывать кожу его горла, цвет стал ярче, как становится ярче картофеля, брошенная в миску с водой. Фивербридж схватился за горло, издавая булькающие звуки, на его пальцах и на запястьях стали появляться наполненные кровью рубцы. Он скрючился, раскачиваясь из стороны в сторону, а потом вдруг метнулся к двери и исчез в лесном мраке.

– Отец! – в мучительном потрясении вскричала Лора и повернулась к Логану. – Боже, что вы сделали с ним...

– Оставайтесь здесь! – повелительно крикнул Джереми.

Выбежав из лаборатории, он захлопнул за собой дверь и поспешил по тропе к главной лаборатории. Он успел еще заметить, как тень Фивербриджа промелькнула в лучах фар красного пикапа, только что подъехавшего к пожарной станции.

– Похоже, я подросел как раз вовремя, – сказал Олбрайт, вылезая из

машины, – из твоего дневного звонка я понял, что надо приехать к восходу луны. – Склонившись к переднему сиденью, он вытащил ружье. – Ты видел, как я заряжал винтовку, и я знал, что рано или поздно получу от тебя соответствующее указание. Когда ты предложил мне встретиться около лаборатории Фивербриджа, я предположил, что это связано с нашим разговором о его собаках. Но ведь вовсе не собака пробежала только что в свете моих фар.

Логан ничего не ответил. Он добежал до своего джипа, открыл перчаточное отделение и вытащил свой собственный девятимиллиметровый «зиг зауэр». Потом бросился обратно к Олбрайту.

– Вперед, – сказал он, махнув рукой в ту сторону, куда убежал Фивербридж, – нельзя терять ни минуты.

37

Они помчались по гравиевой дорожке к шоссе. Темнота уже скрыла фигуру ученого.

– В чем дело? – спросил Олбрайт на бегу. – То есть ты оказался прав в том, о чем упомянул мне по телефону?

– Все даже хуже, чем я думал, – ответил Логан. – Ту вновь синтезированную сыворотку испробовали не на собаках. Фивербридж ввел сыворотку себе.

– Ты хочешь сказать, что именно он только что пробежал мимо моего пикапа? Но он же умер полгода назад.

– Нет. Полгода назад он убил одного бродягу, исчезновение этого отшельника никого не взволновало. Сбросил его с вершины скалы Краппова ущелья. Его дочь Лора сделала ложное опознание, чтобы все подумали, будто умер Фивербридж, позаботилась о том, чтобы научное сообщество, неизменно высмеивавшее его труды, оставило его в покое... в общем, так она мне объяснила. И с тех пор, по ее же словам, они старались найти способ аннулировать воздействие на него той инъекции.

– А что это была за инъекция?

– Он впрыснул себе гибридный, усиленный состав, исходно полученный из плазмы крови Зефраима.

– Черт возьми! Как же ему удалось?

– Я не знаю всех деталей. Полагаю, он модифицировал последовательность ДНК, чтобы ввести новый генетический код в свой геном... какой-то единичный ген или, вероятнее, серию генов. По существу,

ему удалось воспроизвести результаты многофакторного наследственного нарушения.

– Обалдеть! Неужели такое возможно?

– Это один из краеугольных камней его исследований: интродукция мутации в инородный нормальный генетический код с целью получения метаморфозы. Но с этими подробностями мы можем разобраться позже. Сейчас важнее всего то, что он не возвращается к своему здоровому состоянию, как поначалу намеревался... если вообще намеревался, и его болезнь прогрессирует. На нем уже четыре недавних убийства, и с каждым разом он становится, видимо, все более необузданным в своей ярости.

Они достигли шоссе и на минуту остановились.

– Может, нам стоит вызвать подмогу? – предложил Логан, проверяя надежность зарядки своего оружия.

– Ты имеешь в виду Креншо? Он сможет добраться сюда только через три четверти часа.

– А как насчет тех патрульных, что дежурят около поселения Блейкни?

– До них мы доберемся минут за десять. Да к тому же они могут только помешать нам, мы упустим время. Чем дольше мы медлим, тем больше шансов у Фивербриджа на очередное убийство. Послушай, у нас есть свежий след... я вижу его даже отсюда. – И Олбрайт направил луч фонарика на обочину другой стороны шоссе, осветив примятые кусты и три сломанные ветки дерева.

Олбрайт бросился туда и нырнул в лес, Логан не отставал от него. Свет фонаря поэта и сияние полной луны помогали им пробираться через густо сплетенные ветви деревьев и разросшийся кустарник. Логан не раз спотыкался о выступавшие из земли корни деревьев, скрытые в толстой лесной подстилке.

– Тут прямо нахоженная тропа, – тихо заметил Олбрайт. – Видно, он бродил здесь и раньше.

Они уже углубились в настоящую почти непроходимую сосновую чащу. Логан упорно продирался за поэтом, который немного замедлил шаг, чтобы не потерять следы Фивербриджа. Густые сосновые иголки царапали руки протискивающегося через сосняк Джереми. Разок Олбрайт потерял след, и им пришлось немного вернуться назад, пока он опять не нашел его. Сосны росли по склону грязного оврага, и они прошлепали прямо по донной грязи, прежде чем выбрались на другой берег. Внезапно лес слегка расступился, и они оказались около какой-то заброшенной железной дороги, между ее гниющими шпалами уже росли тонкие деревца. Дорога тянулась перед ними и вправо, и влево, проржавевшие рельсы наполовину

заросли травой, и с обеих сторон ее обступали деревья.

– Что это? – спросил Логан, переведя дух.

– Частная железная дорога, – ответил Олбрайт, – когда-то это был главный вид транспорта – как пассажирского, так и грузового. В конце девятнадцатого века здесь работало много машинистов. Забросили ее в тридцатые годы благодаря нашествию автомобилей. По-моему, она протянулась через весь Адирондак к северной границе, к озеру Шамплейн.

Он склонился над этими разрушенными остатками, зловеще поблескивающими желтизной в лунном свете.

– Смотри-ка, – сказал он, показав на пару размазанных в грязи следов, – они ведут на запад к Уединенной горе. – Он взял немного грязи и, тщательно растерев ее между пальцами, добавил: – Их оставили менее пяти минут назад. Похоже, мы нагоняем его.

– Едва ли это вероятно... – начал Логан, но Олбрайт уже устремился дальше по этим следам, закинутая за спину винтовка дико подпрыгивала у него между лопатками.

Логан рванул за ним. Олбрайт опередил его всего лишь ярдов на двадцать пять, но тем не менее догнать его было совсем не просто. Джереми не ожидал, что будет так трудно бежать по этой заброшенной железной дороге: расстояние между шпалами оказалось на редкость неудобным для бега, а заросшие ежевикой и прочими лесными травами промежутки изобиловали предательскими ямами.

Следы стали менее четкими, и Олбрайт соответственно замедлил бег, но не остановился. То и дело он светил своим фонариком по сторонам, вглядываясь в темноту леса.

– Туда, – произнес он через минуту, махнув рукой в левую сторону и высветив лучом фонаря стайку крупнолистных буков.

Логан понятия не имел, почему Олбрайт выбрал это направление, но послушно последовал за этим опытным следопытом, уверенно бежавшим в ту часть леса. Ему показалось, что где-то впереди послышался тихий треск веток. Его рука крепче сжала пистолет. Он вдруг задумался, что они будут делать, если догонят Фивербриджа... и почти мгновенно осознал, что это и так понятно.

Они взобрались на какой-то пригорок и вышли на маленькую поляну, со всех сторон окруженную буками. Впереди, примерно в полумиле от них, над оголенными кронами деревьев возвышалась очередная пожарная вышка, выглядевшая неповрежденной, в отличие от той, что лежала на исследовательской станции. Она напоминала огромный металлический скелет пару сотен футов в высоту, а на вершине примостилась смотровая

будка, и к ней внутри вышки, крутыми пролетами, поднималась пожарная лестница. Но времени на подробный осмотр не осталось, поскольку Олбрайт уже бежал дальше.

– Наблюдательный пункт пожарной станции Фелпсовой горы, – бросил Олбрайт через плечо, – заброшенный, разумеется.

Они пересекли полянку, залитую ярким светом луны, подсвечивавшей также окружающие ее гряды облаков, и вошли в лес на другой стороне. Из темневшего впереди леса больше не доносилось никаких звуков. Несмотря на случавшиеся промедления или ошибочные повороты, Джереми поистине впечатлили следопытские навыки Олбрайта. Благодаря ли обучению отца, Наума Блейкни, собственному отроческому опыту или комбинации всех трех причин поэт умудрялся идти по следу, который Логан вообще не видел.

Буки вновь сменились сосняком, еще более густым, чем прежде.

– Странно, – сказал Олбрайт, останавливаясь и обследуя на уровне плеча очередную сломанную ветку, сочившуюся свежим соком, – он опять повернул к югу. Похоже, возвращается по своим же следам...

Внезапно справа от них раздался громкий треск, резко взметнулись сосновые лапы, и из леса к ним выскочило порождение ночного кошмара.

Лора Фивербридж стояла на пороге тайной лаборатории. Ей хотелось побежать за Логаном, но она не могла сдвинуться с места; казалось, потрясение последних минут парализовало ее. Она слышала быстро удаляющиеся звуки шагов, скрип тормозов, короткий взволнованный разговор... а потом – тишина.

Очнувшись, Лора медленно развернулась и прошла по лаборатории. Инсинуации – обвинения! – Логана казались безумными. Много месяцев она трудилась вместе с отцом в поисках способа нейтрализации действия введенной сыворотки. Более того, бóльшую часть работы проделал ее отец... неизбежно, поскольку днем ей приходилось продолжать исследования в главной лаборатории с двумя ассистентами... но она видела, как упорно он трудился и много помогала ему. Он не мог, не стал бы обманывать ее... после всех тех жертв, на которые она пошла ради него.

– Отец, – пробормотала она, – что они сделали с тобой?

Поначалу она двигалась медленно, неуверенно, точно лунатик, бесцельно переходя от стола к столу. Но чем больше она думала о таком

ужасном повороте событий, тем более порывистыми становились ее шаги: «Что же делать? Что же делать?»

Она должна, она может что-то предпринять. Она поверила Логану, доверила ему их тайну... а он предал ее. Более того, он предал ее отца. Одному богу известно, как он поступит с этими знаниями. Однако в одном она была уверена: такие чудовищные обвинения после всех пережитых отцом унижений могут привести его к глубочайшей депрессии.

Пока она нервно расхаживала от стола к столу, ее взгляд случайно упал на дверь в личную отцовскую комнату – комнату, где он сам проводил исследования и куда ей запрещалось входить.

Она остановилась. Конечно! Там могут быть доказательства; доказательства того, что он делал все возможное для исправления ужасных трагических последствий, доказательства его душевных страданий после неудачного эксперимента, и тогда слова о его притворных усилиях станут не чем иным, как подлейшей клеветой.

Слегка неуверенно она подошла к этой двери; вход в ту комнату казался ей чем-то вроде незаконного вторжения, но ею руководили лучшие побуждения. Немного помедлив, она переступила через порог. Обстановка комнаты отличалась удивительной скромностью: узкая кровать, раковина, стол и набор приборов, но сами приборы выглядели слишком просто, даже скудно – с их помощью едва ли можно было решить эту сложнейшую проблему. Разумеется, он не просил ничего особо экзотического... и, естественно, она заказывала все сама... но она предположила, что он забирал все необходимые приборы из основного помещения их тайной лаборатории и возвращал после окончания работы. Она не особо следила за тем, какие приборы в те или иные дни находились под рукой. В конце концов, отец был серьезным ученым.

Неужели он проводил основные исследования в большой комнате? Может, он считал эту комнатку своего рода монашеской кельей и удалялся сюда для раздумий, или простейших опытов, или... для безопасных для других страданий, запираясь на ключ в периоды полнолуния.

Ее взгляд упал на лабораторный журнал, прикрытый лежавшей на столе зеленой салфеткой. При виде этого свидетельства научной работы ее захлестнула такая волна облегчения, что она вдруг осознала, в какое смятение на самом деле привели ее утверждения Логана. Ведь это личный журнал отца! Именно в нем найдет она нужные доказательства. Разумеется, там есть записи о сделанных им попытках, всех испробованных способах, которые много обещали, но в итоге оказались неудачными.

Схватив со стола журнал, она начала быстро листать его. Но перестала

уже через минуту. Лора взирала на открытую страницу с выражением откровенного ужаса.

– Не может быть... – прошептала она.

Дрожащими руками она перевернула страницу; пробежала глазами, перевернула следующую... журнал выпал у нее из рук.

Без малейших колебаний она выбежала из комнаты и устремилась к выходу из тайной лаборатории.

Логан похолодел при виде существа, появившегося между густых сосен. Перед ними стоял, несомненно, Чейз Фивербридж... но иной, чудовищно преобразившийся Фивербридж.

В обманчивом лунном свете он казался значительно выше своих шести футов и четырех дюймов роста. Его белоснежные волосы свалились от налипшей на них и подсохшей грязи, и в этой жуткой шевелюре запуталось множество веток и опавших листьев. Его кожа пошла красными пятнами, усеянными сочащимися гноем фурункулами. Конечности покрылись густой пятнистой шерстью. На лице его застыл алчный оскал. Огромные руки с длинными лопатообразными хитиновыми ногтями изгибались, сжимались кулаки. Под шерстяной рубахой бугрились мощные бицепсы. Самое страшное впечатление производили маленькие красные глаза со взглядом, исполненным изголодавшейся ненависти. Логан видел однажды такие глаза: в отделении Скорой помощи, куда доставили юношу, накурившегося «ангельской пыли»^[27]. Парень вопил как резаный, изо рта у него шла пена и – несмотря на то что полицейский ударом дубинки сломал ему руку – размахивал сломанной конечностью, точно оружием, не замечая боли и пытаясь выбить глаз санитарам, притащившим его в больницу.

Это наводящее ужас зрелище напоминало бессмысленную пародию безумной ярости на Зефраима Блейкни, только на порядок более мерзостного обличья. Исчез неуверенный в себе ученый; его место заняло чудовище, исполненное всепоглощающей страсти и звериного кровожадного вождения. Ощущение порочности, испорченной, извращенной, *иной* природы, окатило Логана волной.

Все эти мысли пронеслись в его голове за какую-то долю секунды. Но вот Олбрайт начал снимать с плеча винтовку. Фивербридж рванулся к нему и одним ударом когтистой руки разодрал поэта от ключицы до груди. Олбрайт закричал от боли, но по-прежнему пытался достать винтовку.

Тогда Фивербридж схватил Олбрайта за руку и мощнейшим рывком отбросил ее в сторону; послышался легкий щелчок, словно куриный окорочок отделился от тушки, и вывихнутая рука поэта повисла под странным углом. Голос Олбрайта сорвался от мучительной боли, а зверь бросился на него, раскинув свои ручищи с растопыренными когтистыми пальцами, явно собираясь нанести смертельный удар.

Логан вдруг осознал, что за мгновения этой неравной баталии невольно попятился, объятый ужасом. Опомнившись, он вскинул пистолет и выстрелил, ранив Фивербриджа в плечо. Раненый взревел, но это не отвлекло его от упавшего на землю Олбрайта. Второй выстрел попал ученому в ногу. Тогда, взыв от боли, нападавший выпрямился. Логан выстрелил третий и четвертый раз, но его рука дрогнула и обе пули пролетели мимо. Фивербридж сгруппировался, готовясь к прыжку, а Джереми, не раздумывая, развернулся и, сломя голову, бросился наутек.

Он бездумно продирался через сосновые заросли, не разбирая дороги, не обращая внимания на попадавшиеся на пути помехи, осознавая лишь одно – ужасающий треск и рев за его спиной явно свидетельствовали о жутком преследовании. Он дважды попал в Фивербриджа, но эти раны не лишили его силы, а если и лишили, то совсем незначительно. План преследователя был более чем очевиден. Олбрайт оказался прав, говоря о противоестественно медленном бегстве Фивербриджа и о его очевидном обманном маневре: несмотря на безумие, он осознавал, что за ним гонятся двое, слишком много узнавшие о его тайне... и поэтому он поджидал их в засаде, надеясь убить обоих.

Логан продолжал бежать что есть мочи, не замечая царапавших его лицо сосновых иголок и цеплявшихся за ноги ветвей. Разок он споткнулся, но тут же выпрямился и устремился дальше с прежней прытью, сознавая, что в любой момент ему в спину могут вонзиться страшные когти.

Неожиданно деревья расступились, и перед ним взмыла в небеса темная железная конструкция, казавшаяся призрачной в лунном свете: наблюдательная вышка пожарной станции Фелпсовой горы. Он по-прежнему слышал доносившийся из леса треск, но, похоже, Фивербридж немного отстал. Если он успеет залезть в будку на верхушке этого сооружения, то, спрятавшись там, сможет застрелить зверя, как только тот выйдет из леса. Мгновенно нырнув между металлическими опорами, формировавшими бока вышки, он начал карабкаться вверх по лестницам, перескакивая сразу через две ступеньки.

Он преодолел уже два лестничных пролета и начал подниматься по третьему, когда снизу до него донеслось сводящее с ума рычание. По диску

луны проплывали клочковатые облачка, но Джереми удалось разглядеть фигуру Фивербриджа, скорчившегося около подножия вышки. Прихрамывая, он дикими прыжками добрался до основания лестницы и с бешеной скоростью начал подниматься по ступеням.

С каким-то отчаянием Логан осознал, что совершил тактическую ошибку. До верхушки ему еще оставалось два пролета, но он наверняка не успеет достичь ее вовремя. Нацелив пистолет на поднимавшегося ученого, он выстрелил, но тот резко отклонился в сторону и пуля безвредно срикошетила, лязгнув по металлу. Он сделал очередной выстрел, и на сей раз услышал рев Фивербриджа, получившего пулю в ухо, однако и эта рана не замедлила его стремительный подъем.

Логан в отчаянии окинул взглядом вышку. Оставался единственный шанс. Не дав себе времени передумать, он перепрыгнул с лестницы на внешний металлический каркас вышки. С дребезгом врезавшись в металлическую ферму, энigmatолог попытался ухватиться руками за поперечную балку, одна рука неудачно соскользнула, но он быстро восстановил захват. Снизу донесся разъяренный рев. Стараясь не обращать внимания на эти жуткие звуки, Логан по-крабьи маневрировал по балочной конструкции и, добравшись в итоге до угловой вертикальной опоры, обхватил ее и стремительно, насколько позволяли остатки разума, заскользил вниз к земле.

Потрясающе громкий удар над головой подсказал ему, что Фивербридж повторил маневр.

Когда ноги Джереми неожиданно резко столкнулись с землей, он мгновенно промчался по узкой полосе лишенного деревьев подлеска и опять углубился в сосновые дебри, тщетно надеясь, что противник не заметит, в какую сторону он убежал.

Началась очередная кошмарная гонка по сосновому лесу. Бока Логана горели огнем, от резкого приземления явно травмировалась лодыжка, но отчаяние придавало ему новые силы. И вновь сзади слышались трескучие звуки погони, и Джереми в смятении понял, что ему не удалось в итоге оторваться от Фивер-бриджа.

Он потерял ощущение времени, впав в состояние свое-образного транса, когда все его существо сосредоточилось только на спасительном бегстве. Стараясь запутать следы, он резко менял направления, через каждую пару сотен ярдов поворачивая то направо, то налево; запнувшись об очередной коварно скрытый корень, Логан, теряя драгоценное время, рухнул плашмя, уткнувшись лицом в подстилку из сосновых игл. Из-за жгучей боли в боку каждый вдох стал для него настоящим мучением.

Однако треск ломающихся веток, с бешеным ревом отбрасываемых с пути преследователя, вынудили его, собрав последние силы, мчаться дальше.

...Неожиданно лес расступился, и Логан понял, что оказался на вершине скалы перед ущельем с обрывистыми, уходящими в лесной сумрак каменистыми склонами. До него донеслись явственное журчание бегущего по камням потока и шум водопада, поднимавшийся от скалистого ложа ущелья. Переводя дух, Логан оглянулся кругом. Несмотря на сгущавшиеся облака, луна еще сияла во всей своей полноте, озаряя призрачным светом всю глубину и протяженность скалистой теснины. Джереми узнал это место: он стоял на той самой вершине Краппова ущелья, где полгода назад Фивербридж впервые убил одинокого туриста.

За спиной Логана затрещали ветки, из леса появился Фивербридж. С торжествующим рычанием он рванулся вперед. Логан нацелил на него пистолет, но зверь мощным ударом выбил его из руки, и оружие улетело в ущелье. Логан отступал все дальше по мере приближения Фивербриджа. Его раны обильно кровоточили; две из них, правда, оказались легкими царапинами, но третья пуля попала прямо в левое бедро. Несмотря на собственное смертельно опасное положение, Джереми невольно удивился способности этого существа так быстро бегать с таким серьезным ранением.

Рот Фивербриджа скривился в подобие усмешки, его маленькие красные глаза полыхнули победной злобой. Выбившая пистолет рука сжалась в кулак и с такой невероятной силой ударила Логана в плечо, что он буквально опрокинулся на землю. Тогда кулак разжался, и растопыренные пальцы опять зловеще блеснули когтями в лунном свете. С кровожадным воем Фивербридж замахнулся, явно нацелившись на горло Логана.

И в тот же миг лесной мрак прорезал повелительный крик:
– Стоять!

Логан оглянулся. К ним подошла Лора с поблескивающим в лунном свете дробовиком в руках. Поглощенный предстоявшей схваткой с монстром, в которого превратился отец Лоры, Логан не заметил ее приближения.

Фивербридж тоже, раздраженно взревев, повернулся в ее сторону. Он шагнул к ней, вновь издав злобное рычание. Но через мгновение

овладевшее им безумие, казалось, прожег луч разумной человеческой мысли, поскольку, подняв руку, он закрыл свое лицо... возможно, желая защититься от ужаса, отразившегося на лице дочери, или не позволить ей полностью увидеть произошедшую с ним перемену. Он сделал пару шагов назад, и нога его вдруг скользнула к обрыву. Но, резко подавшись вперед, Фивербридж вновь отступил от опасной пропасти как раз в тот момент, когда сгустившиеся облака начали заволакивать разбухшую луну.

– Ты лгал мне, – потрясенная вероломством отца, воскликнула она, звенящим от гнева голосом, – все наши усилия обернулись сплошным обманом, выходит, зря я пошла ради тебя на такие жертвы... ведь ты все это время обманывал меня. – Она нервно смахнула слезу. – Я нашла журнал в твоей личной лаборатории. И прочла записи. Джереми оказался прав. Вместо того чтобы искать противоядие, ты тайно трудился над более концентрированными вариантами той сыворотки... да еще и впрыскивал себе дополнительные дозы. Едва мы находили новый путь исследований, ты выражал пустословное одобрение, притворяясь взволнованным... а потом хитроумно сводил к нулю все наши успехи. И делал это постоянно. Когда я думаю о всех тех часах, днях и месяцах, что я провела в беспокойстве, стараясь всячески помочь тебе... то понимаю, что все они растрчены понапрасну, совершенно понапрасну!

Логан попытался встать, но острейшая боль в плече дала ему понять, что оно сломано всего одним зверским ударом Фивербриджа, и он вновь откинулся на спину. Сам Фивербридж стоял недвижимо, напряженно глядя на Лору. Много ли он способен понять в таком измененном состоянии, Логан не знал, однако чувствовал, что это звероподобное существо воспринимало многие, может, даже все из выдвинутых ею обвинений.

– И Джереми, видимо, оказался прав в другом подозрении. Ты вовсе не страдаешь от того, что случилось с тобой... ты наслаждаешься новым могуществом. Ты говорил, что проводишь все эти фазы полнолуния, запершись в своей комнате, и не хочешь, чтобы я обременяла себя видом твоей трансформации, говорил, что сразу после убийства того невинного человека тебе удалось избавиться от склонности к жестокости... Увы, все это тоже ложь. Разве не так? Разве я не права? – От переполнявших чувств ее начала бить дрожь, и дробовик тоже дрожал в ее руках. – И еще страшнее то, что убийства начали происходить все чаще. Их уже разделяли не месяцы, а всего лишь дни. Ты убил тех двух альпинистов. Убил нашего же аспиранта, помогавшего проводить исследования. Убил рейнджера Джессапа, у которого возникли вполне оправданные подозрения. И каждое новое убийство становилось все более зверским. А теперь ты пытаешься

убить еще и Джереми... Джереми, единственного человека, захотевшего нам помочь!

Вдруг она покрепче сжала дробовик и, уже открыто заливаясь слезами, направила его прямо на отца.

– Ты убил пятерых человек. И все твои желания теперь сводятся к новым убийствам. О, милостивый боже, в какое положение ты поставил меня? Какой выбор ты предоставил мне? Абсолютно никакого выбора!

Луна уже полностью скрылась за облаками; иссиня-черные очертания Краппова ущелья виделись теперь лишь в свете тусклой молочной дымки. Логан заметил, что безумие в глазах Фивербриджа, казалось, дрогнуло и начало отступать. Покрасневшая бугристая кожа слегка опала и побледнела.

«Может, сейчас мне удастся пробиться к его сознанию, – подумал он, – может, сейчас он уже услышит голос разума».

Лаура продолжала держать отца на прицеле, но ей, видимо, не хотелось – или она была просто не способна – спустить курок.

– Доктор Фивербридж! – крикнул Логан.

Спустя минуту ученый перевел взгляд с Лоры на него.

– Теперь нам известна правда... вся правда. Так не может продолжаться. Вы позволите нам помочь вам? Способны вы взять себя в руки и действительно найти способ возвращения к нормальному состоянию? Или вы способны только продолжать убивать невинных людей ради удовлетворения постоянно растущей жажды крови? Или... вы готовы вынудить вашу дочь убить вас?

Слушая Логана, Фивербридж стоял недвижимо, точно статуя. Красная пелена спала с его глаз. Логан почувствовал, как ослабла исходившая от него аура порочной, *извращенной* натуры. Казалось, в глубине его существа происходила какая-то ожесточенная борьба. Натуралист открыл рот, но издал лишь тихий и протяжный бессловесный стон. Он вновь взглянул на Лору с текущими по щекам слезами и нацеленным на него дробовиком, и выражение его лица смягчилось. Он протянул к ней руку, словно ему хотелось погладить дочь. И в тот же момент быстро отступил назад... и исчез со скалы.

– Отец! – вскрикнула Лора.

Дробовик выпал из ее рук и с лязгом ударился об каменистую почву,

но она, забыв об оружии, уже устремилась вниз по тропинке, проходившей по обрывистому краю ущелья. Несмотря на тусклое освещение, Логан заметил, что она несется по этой дорожке с почти самоубийственной скоростью, в отчаянной и безысходной надежде, перескакивая через камни и трещины, пытаясь как можно быстрее достичь подножия водопада. С трудом поднявшись на ноги, он последовал за ней, стараясь не обращать внимания на острую боль в плече. Когда он закончил спуск, Лора уже стояла на коленях возле озерца у основания скалистого обрыва, орошаемого брызгами падавшей сверху воды, и обнимала разбитое о скалы тело отца. Склонившись на ним, она рыдала в голос.

Благодаря облакам, скрывшим луну, Чейз Фивербридж уже обрел свой настоящий облик. Исчез волосяной покров с его конечностей, исчезли сероватые удлинившиеся ногти. Это упавшее со скалы тело вновь обрело черты того смущенного, харизматичного ученого, которого Логан впервые встретил в секретной лаборатории всего несколько недель назад.

Глядя на эту картину, Логан понял, почему так все закончилось. Фивербридж увидел обнаженную муку в глазах дочери. Должно быть, он осознал, что стал пропащим человеком. Он совершал непростительные деяния... но уже не мог остановиться, убийственная одержимость становилась все сильнее. Никому не известно, смогла бы его дочь выстрелить... но, предпочтя не вынуждать ее жить с таким бременем на душе и сознавая, что уже не в состоянии измениться, он уберег ее от столь ужасного выбора, сам покончив счеты с жизнью падением со скалы... и по иронии судьбы умер именно так, как Лора описывала его смерть, якобы случившуюся полгода назад.

Вытащив мобильный телефон, Логан набрал 911. Лишь после третьей попытки ему удалось поймать нормальную связь; в меру способностей он как можно точнее описал место, где медики могли найти Олбрайта. Потом он опустился на колени рядом с Лорой. Она баюкала в руках отцовскую голову, уже не рыдая, а лишь судорожно всхлипывая.

– Как вы додумались прийти сюда? – мягко спросил он.

– Просто не знала, куда еще пойти, – после затяжной паузы ответила она.

Минут через десять или пятнадцать она перестала всхлипывать. Молча стоявший рядом Логан понимал, что любые слова бессильны облегчить ее горе. Наконец он коснулся ее плеча.

– Пойдемте. Я отведу вас на станцию. Оттуда мы легче сможем дозвониться Креншо и признаемся ему в наших грехах прежде, чем он двинет свои войска на Блейкни.

Услышав эти слова, она впервые взглянула на него в этом ущелье.

– Признаемся? Вы же ни в чем не виноваты. Даже наоборот, именно вы явились ко мне сегодня вечером и открыли всю правду. Если бы не вы, он мог бы совершить очередное убийство. И продолжать убивать. Я одна – единственная – во всем виновата. Мне хотелось верить ему. Мне даже представлялось, что я верила. Но в глубине души, полагаю, у меня оставались сомнения... действительно ли он сидел, запершись в своей комнате в ночи полнолуния? Почему наши поиски неизменно заходили в тупик? Мне следовало прямо задаться этими вопросами. Несмотря на его мольбы об уединении, об уважении к его страданиям, мне следовало приглядывать за ним по ночам полнолуния. И сейчас я вдруг поняла, почему не делала этого... почему не хотела узнать правду. – Она шмыгнула носом. – Я надеялась, что мне удастся вылечить его. Но удалось лишь усилить его одержимость убийствами. И теперь из-за меня – не важно, прямо или косвенно – погибли четыре человека.

Вздохнув, Лора мягко положила голову отца на камень, поднялась с колен и, развернувшись, направилась обратно к пожарной станции. С минуту Логан провожал взглядом ее удаляющуюся фигуру, видя, как она уже стала призрачной серой тенью на фоне лесного мрака. Тогда он тоже поднялся с берега этого журчащего озера и, преодолевая боль, медленно последовал за ней.

Эпилог

Спустя два месяца Логан планировал съездить в Квебек на историческую конференцию по Средневековью. В последний момент он отменил заказанный на самолет билет, решив ехать на машине – погоду, несмотря на декабрьские дни, обещали теплую и сухую. Выехав на Адирондакское Северное шоссе и задолго до канадской границы свернув в сторону по Нью-Йоркской трассе 73, он погрузился в отчетливые и на редкость разнообразные воспоминания о путешествиях в эти края: со времени первых развлекательных поездок с его женой прошло много лет, но последнее пребывание здесь в прошедшем октябре оказалось далеко не развлекательным.

Ему не хотелось, чтобы эти недавние воспоминания преобладали в его мыслях. И поэтому он вполне целеустремленно, проехав мимо Кина, Лейк-Плэсида и озера Саранак, сразу свернул на шоссе 3, а потом и на 3А, оживляя в памяти как давние, так и последние события. За исключением

сосновых участков, деревья уже сбросили всю листву, и поэтому даже в этих густейших лесах он видел над головой ясное голубое небо. Скверное покрытие этих второстепенных дорог ничуть не улучшилось и, углубляясь в леса, он порой видел здесь и там островки снега.

– Не беспокойся, Кит, – пробурчал он себе под нос, – пара часов максимум, и потом мы вернемся на скоростную автостраду.

Преодолев на своем «Элане» опасные повороты, он позволил себе осторожно почувствовать атмосферу окружающего леса. От него не исходило больше никакой зловещей или извращенной ауры, ауры инаковости. Леса Адирондака оставались величественно равнодушны к маленьким людям, взбиравшимся на их горы с рюкзаками, работавшим или развлекавшимся в них, но Логан ощущал и их милостивое равнодушие к нему самому. Человек может жить, возделывая здешние нивы и отдыхая в тени деревьев, но природа останется неизменной, несмотря ни на что.

Увидев треугольную постройку, он свернул на подъездную дорожку и, припарковавшись рядом с красным пикапом, прошел дальше к дому и постучал в дверь. Через пару мгновений Гаррисон Олбрайт открыл ее.

– Ты припозднился, – вместо приветствия сказал поэт.

– Прости. Не удалось выехать пораньше, как планировал. Никогда не удается.

– Ладно уж, заходи.

Логан проследовал за хозяином в его деревенскую гостиную. Олбрайт двигался с напряженной неловкостью, но, очевидно, его раны в основном зажили.

Поэт усадил его на одно из самодельных кресел, приготовил две кружки кофе и по собственному настоянию плеснул в каждую по щедрой порции бурбона. Расслабившись перед потрескивающими в камине дровами, они молча потягивали горячительные напитки.

– Меня слегка удивил твой звонок, – изрек наконец Олбрайт, нарушив пятиминутное молчание.

– Почему?

– Мне думалось, что ты столько повидал в наших лесах, что тебя теперь не потянет сюда до конца жизни.

– Не переживай, я доехал исключительно до тебя. Нет нужды для нового посещения Пиковой ложбины. Однако... – Логан помедлил, – мне непросто забыть обо всем.

Олбрайт понимающе кивнул.

– И мне, само собой, хотелось поблагодарить тебя лично за всю твою помощь.

В ответ он получил небрежный взмах руки.

– А еще мне интересно, что происходило здесь после моего отъезда. Никто, разумеется, ничего не сообщил. Но я прикинул, что если кто-то и знает завершение той истории, так это ты.

– Это правда, – глотнув кофе, признал Олбрайт, – у меня есть свои источники. Но, честно говоря, я тоже немного слышал. Очевидно, дело сочли сверхсекретным. Его немедленно забрали у Креншо, и оно пошло в верхние инстанции. Ходили даже слухи, что к нему привлекли Центр контроля заболеваний.

– Надеюсь, к Блейкни не совались.

– Никто Блейкни не тронул... никто не захотел. Случилось так, как мы им обещали: все, что мы увидели в их поселении, останется за его стенами.

– Конечно, – согласился Логан, хотя его энигматологическая ипостась осознала это со стыдом: отсутствие досконального изучения уникальной «лунной болезни» этого клана вкупе с остальными сведениями представлялось упущенной возможностью для медицинской науки. Но, оставаясь гуманистом, он понимал, что Блейкни и так долгие годы достаточно страдали от нежеланного внимания, сплетен и открытой враждебности и заслужили, чтобы их оставили в покое.

– А что слышно про Лору Фивербридж? – наконец спросил он.

– Судя по моим сведениям, она отделалась легко. Ее сочли косвенным соучастником случившегося... однако такого соучастия, как выяснилось, никто не мог ни классифицировать, ни понять. Полагаю, она получила условный срок.

– Косвенное соучастие, – повторил Логан, с удивлением услышав горечь в собственном голосе.

Олбрайт заинтригованно вскинул брови.

– Обычно, закончив расследование, я могу забыть о нем, – вздохнув, признался Логан, – с чистой совестью. Даже те, что не удалось завершить, где не нашлось удовлетворительного решения, не преследуют меня навязчивыми мыслями и снами. Но в данном случае... это дело было совершенно особенное, не похожее ни на одно другое. И остается.

– Тебя расстраивает сыгранная в нем роль, – уточнил Олбрайт.

– Точно. Представь себе человека – очень похожего на меня человека, – случайно выяснившего, что доктор Фивербридж вовсе не погиб. Его дочь нашла тело умершего бродяги, которого никто не будет искать, и воспользовалась им для того, чтобы спрятать своего отца от всего мира, освободить от академической травли, которая довела его до попытки самоубийства. Отец и дочь умоляют этого человека сохранить их тайну.

Она ведь совершенно безвредна. И человек соглашается. А на самом деле, как оказалось, пострадало много людей. Пять человек стали жертвами убийства. И именно поэтому это дело не стирается из памяти. Не представляю, как разрешить эту этическую дилемму, что делать с результатами моих действий... или бездействия.

Некоторое время оба молчали, задумчиво попивая кофе. Наконец Олбрайт сменил позу и сказал:

– Знаешь, мне как-то неловко говорить об этом, но, на мой взгляд, то, что ты описал, зачастую является частью багажа таких сложных занятий. Изучая загадочные явления, позволяя себе погрузиться в их расследования... ты можешь в конце понять, что избавил людей от опасности, что загадка разрешилась... но теперь приходится нести бремя собственной этической загадки. Твой друг Джессап мог бы напомнить тебе знаменитую цитату из Ницше...

Логан на мгновение задумался.

– «Если долго вглядываться в бездну, бездна начинает вглядываться в тебя».

В ответ Олбрайт лишь улыбнулся слегка заговорщически и сделал очередной глоток сдобренного бурбоном кофе.

Джереми выдержал пристальный взгляд. Глядя в глаза поэта, он осознал с легким потрясением от того, что не осознал этого раньше: пожилой следопыт прав.

Благодарности

Те, кто хорошо знает Адирондак, наверняка заметили, что я перемешал реальные названия с несколькими вымышленными. И даже «реальные» локации у меня порой не соответствуют своим прототипам. Я вольно обошелся с горами, городами, поселками, дебрями, историей и географией региона в писательских целях, и мрачная атмосфера романа является плодом моей фантазии в той же степени, что и изображением настоящего парка, огромного и прекрасного.

Хоть я и старался изобразить труды и дни лесных рейнджеров штата Нью-Йорк и полиции штата довольно точно, все рейнджеры, полицейские, представители штата и федералы в моем произведении – вымышленные и не должны восприниматься как изображение каких-либо реальных лиц, живых или мертвых.

Я хочу поблагодарить свою жену Лачи за то, что она прочла рукопись

и сделала несколько отличных замечаний, Дуга Престона за то, что он надоумил напустить в повествование «лунной пыли», моего друга и редактора Джейсона Кауфмана за участие и помощь в течение многих лет совместного литературного труда.

notes

Примечания

Одна из индейских языковых групп, представители которой преимущественно расселены в северо-восточной части США и юго-восточной части Канады.

Адирондак – находится в северо-восточной части штата Нью-Йорк.

3

По Фаренгейту, примерно 15,5 градуса по Цельсию.

Томас Коул (1801–1848) – известный американский художник-пейзажист, основатель Школы реки Гудзон, одной из наиболее влиятельных школ живописи США XIX века.

Луис Комфор Тиффани (1848–1933) – знаменитый американский дизайнер, известный своим особым стилем стеклянных элементов интерьера.

Перечислены знаменитые американские художники, входившие в Школу реки Гудзон.

Кэмп-Дэвид — загородная резиденция президентов США в штате Мэриленд.

Трансцендентализм – философско-художественное течение в США в XIX веке, опиравшееся на многие идеи немецкого идеализма: бог как нравственный закон, природа как живой, обладающий духом организм и пр. Указанные авторы принадлежали к этому течению.

Видимо, имеются в виду американский ученый Бенджамин Франклин (1706–1790) и немецко-американская исследовательница Ханна Арендт (1906–1975).

«Черная смерть» – пандемия чумы в XIV в.

Цитируется рассказ «Вендиго» Эджернона Блэквуда о людоеде, чей образ создан на основе алгонкинской мифологии.

Цитата из стихотворения Уильяма Водсворта (1770–1850), английского поэта-романтика. (Пер. В. Левика.)

Осада правительством США ранчо секты «Ветвь Давидова» в 1993 году, прошедшая с многочисленными жертвами, в том числе среди детей.

Ликантропы – человековолки (*греч.*).

Порфирия – заболевание, среди симптомов которого – сильное воспаление кожи на свету, обезображивание лица и окрашивание в различные оттенки красного выделений организма.

Пер. П. Мелковой.

То есть в Англии времен Елизаветы I (1558–1603).

Роберт Уильям Сервис (1874–1958) – канадский поэт и писатель, воспевавший красоты Севера.

Джон Мейсфилд (1878–1967) – английский поэт и писатель, выразитель духа «старой доброй Англии».

Дэви Крокетт (1786–1836) – первопроходец, чьи похождения вошли в американский фольклор.

Каймановая черепаха – черепаха, распространенная на востоке США и известная своей агрессивностью: охотится на живность, активно вступает в конфликты и обороняется при поимке.

Клозапин – лекарство против психозов.

Рин Тин Тин – немецкая овчарка-кинозвезда, исполнившая главные роли в ряде успешных голливудских приключенческих фильмов.

Гилберт Кит Честертон (1874–1936) – английский писатель, христианский мыслитель; приводится цитата из трактата «Ортодоксия». (Пер. Н. Трауберг.)

Имагинальные диски – скопления клеток в личинках некоторых типов существ (бабочек, морских звезд и др.), в личиночной стадии находящихся в зачаточном состоянии, а затем служащих материалом для формирования взрослой, не похожей на личинку особи.

Джеймстаун и Плимут – первые британские поселения на территории Северной Америки.

Ангельская пыль – порошок фенциклидина, наркотического вещества.